

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 6 (72). № 1

Симферополь
2020

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 6(72), № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»
является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического
университета», который издается с 1919 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2020

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 07.00.06 – Археология (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 1.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского государственного педагогического института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борщик Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кондратюк Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург)

Науменко Валерий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета Дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Львович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Хлевов Александр Алексеевич – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Шевелев Сергей Стефанович – заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

УДК: 9И:341.37:355.01.(47+57):(480) “1943/45”

**ДИПЛОМАТИЯ ПЕРЕМИРИЯ:
ВОПРОС ЗАВЕРШЕНИЯ СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ
И НАЧАЛА ЛАПЛАНДСКОЙ ВОЙНЫ**

Бешко Е. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: bebishko_leka@mail.ru*

Шипилин П. И.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
г.Симферополь, Российская Федерация
E-mail: p.schipilin2011yandex.ru*

Исследование отражает ход дипломатического процесса во временном промежутке между завершением Советско-Финской и началом Лапландской войны (весна 1943 – осень 1944), который велся между СССР, Финляндией и Германией при помощи и посредничестве иных стран, таких как США, Швеция, Великобритания и т.д. На основе этих данных авторами ведется анализ способов и характерных методов взаимодействия стран на отношения между ними, дается анализ всех его этапов и прослеживается связь дипломатического процесса и его итогов (в виде подписания мирного договора между Финляндией и СССР) с началом нового конфликта между Германией и Финляндией. Ведется анализ степени влияния всех участников данных событий на процессы урегулирования мира, которые привели к началу Лапландской войны.

Ключевые слова: Советско-Финская война, дипломатия, Лапландская война, Карл Густав Маннергейм, «Пакт Рюти-Риббентропа», Американский меморандум 1943, А. А. Жданов, Финляндия.

Справедливо считается, что следует разделять вопросы дипломатии и ведения войн, говоря о международных отношениях, так как дипломатический процесс – есть свидетельство мирных настроений между странами, а в событиях войн вопросам мира место отводится редко, хотя бы по факту того, что дипломатические отношения между странами являются разорванными. Однако, в истории существуют примеры, когда эти два вопроса – переговоры о мире и начало новой войны – не могут рассматриваться отдельно. Один из таких конфликтов – Лапландская война, историография которой, во всяком случае, отечественная – довольно бедна. Сведения о ней практически не публиковались в прошлом, и в настоящем так же этой теме выделяется совершенно небольшой приоритет в отечественных исследованиях. Встает вопрос – нужно ли вообще освещать этот конфликт с большей интенсивностью: ведь, казалось бы – Лапландская война произошла сразу после завершения Советско-Финской войны, когда СССР перестала быть прямым участником военных действий в отношении Финляндии. Однако, если проследить весь процесс ретроспективно, то становится ясно, что предпосылки к этому конфликту появляются именно с того момента, когда начинается процесс дипломатических переговоров между СССР и Финляндией.

Они, в свою очередь, выросли на фоне завершения Советско-Финской войны и выхода Финляндии из Второй Мировой в целом, а значит, что желание и надобность изучать и освещать данные вопросы в отечественной науке – весьма оправданы.

Причины такой низкой популярности и уровня упоминания вопросов, связанных с Лапландской войной – существуют различные. Это и влияние идеологической составляющей на отечественную историческую науку в прошлом, и сложности, связанные с местонахождением большей части источников по данным вопросам (находятся за рубежом), и ряд иных причин. Однако, данную тему стоит рассматривать отдельно – как и тему самой войны в частности. В рамках данной работы авторами ставится цель проследить ход событий, которые привели к конфликту, приведшему страну, вышедшую из войны, находящуюся в состоянии мира – к новым разрушениям.

Вопросы, связанные с выходом Финляндии из Второй Мировой, и подписанием перемирия с СССР, конечно же, намного лучше показаны в исследованиях чем последовавшая за этими событиями Лапландская война. Наибольший вклад в науку внесли крупнейшие специалисты по данным вопросам – Н. И. и В. Н. Барышниковы, которые в целом являются одними из самых известных ученых, которые занимались темами, связанными с историей Финляндии. Сюда же стоит отнести, без сомнения важные работы таких ученых как С. Г. Веригин и Э. П. Лайдинен. Нельзя не отметить довольно интересные и редкие по своей направленности исследования А. И. Куликова, связанные с темой американского меморандума 1943 года, который является первым свидетельством появления идей о мире между СССР и Финляндией. Касательно иностранных авторов, без изучения трудов которых попросту было бы невозможно вести подобное исследование – стоит отметить работы Х. Мейнандера и О. Вехвиляйнена, которые дают весьма объективный, и что главное – актуализированный и полный деталей взгляд на события, которые рассматривались со стороны иностранных ученых, представителей стран-участниц описываемых событий.

Исследование построено на рассмотрении всех этапов хода дипломатических переговоров между Финляндией и СССР для заключения мира после войны 1941–1944 годов, которая в советской историографии именовалась «Советско-Финская война» а в финской – «Война-продолжение». Исследование несет в себе цель не только повысить уровень приоритетности данной темы к изучению в среде отечественной исторической науки, но так же – выполнение задач по комплексному исследованию вопросов, связанных с Лапландской войной, которое ведется авторами данной работы и итоги которого будут опубликованы в будущем.

Ситуация накануне переговоров о мире складывалась на фоне событий 1943 года. В целом, следует считать началом рассматриваемого процесса момент первых попыток контактов СССР и Финляндии, когда впервые начинают появляться самые первые идеи о возможном мире. И, что является знаковой особенностью – эти идеи появились не у непосредственно представителей стран-участниц конфликта, а у Соединенных Штатов Америки, которые предложили свои посреднические услуги по налаживанию отношений двух воюющих государств. Это были события весны

1943 года, когда официально, 20 марта Вашингтон предложил свои услуги в помощи по заключению мира Х. Рамзаю – финскому министру иностранных дел, в то время как американский представитель в СССР вел подготовительную деятельность к ожидаемым мирным переговорам в Кремле.

Этот вопрос довольно подробно изложен в статье А. И. Куликова, который рассматривает все, что связано с «Американским меморандумом 1943 года» довольно подробно [11]. В данной работе, дабы избежать нецелесообразного повторения следует лишь отметить, что весь ход этих первых попыток ведения переговоров был неудачным. Все с самого начала было не так, как ожидала американская сторона, а стороны совсем не были готовы решать данный вопрос. Финляндия в этот момент была намного сильнее связана с Германией, чем во время последующих описываемых дальше событий, и потому первыми, кто от финской стороны узнал о намерениях начать сближение Хельсинки и Москвы – были немцы. Об этом им сообщили сами финны, когда Х. Рамзай лично отправился к Йоахиму фон Риббентропу и доложил о том, что Финляндии предложен шанс выйти из войны. Итогом стал ожидаемый негативный отклик в сторону действий Финляндии и растущее недоверие со стороны Германии, и пусть идея о таком мире была пока всего лишь идеей – немцы восприняли ее как никогда серьезно. Финляндии, кроме всего прочего – был дан четкий намек, что если подобные слухи о сепаратном мире Финляндии подтвердятся – Германия может сама подписать мир с СССР без учета воли и желаний малых стран-союзниц [1, с. 488].

Как пишут исследователи данных событий, например, О. Вехвиляйнен – такие перспективы были действительно пугающими для финской стороны. Боялись, что немцы подпишут мир с Советским союзом, попросту, пожертвовав финнами, отдав их в полную зависимость от решений советской стороны [8, с. 150–151]. В Финляндии видели, что дальнейшая война попросту разрушит все то, за что они бились все эти годы, и были готовы выйти из конфликта – но в первую очередь боялись спровоцировать немецкую сторону, ведь тогда они так же потеряли бы то, что так ценили – свою независимость.

На этом моменте следует считать попытку США сблизить Финляндию и СССР – провалившейся. И даже более того – они не только не достигли изначального ожидаемого ими итога, но сблизили еще сильнее Хельсинки и Берлин, ведь после того как немцы стали сомневаться в финской преданности – Финляндия всячески старалась избавить их от подозрений, отказавшись от идеи перемирия на какое-то время.

Уже в данном моменте всему ходу дипломатического процесса можно дать характеристику. Его можно назвать многослойным, многоуровневым и склонным к затягиванию событий и решений, с ними связанных. У каждой из сторон были свои амбиции, у каждой были свои рычаги влияния, а Финляндия в итоге оказалась не просто «между молотом и наковальней» – но и, можно сказать, в практически полном окружении, один на один с двумя сильными противоборствующими державами, к которым в определенные моменты присоединялись третьи стороны, пытавшиеся влиять на ход переговоров.

О положении полного окружения Финляндии свидетельствуют переговоры Большой Тройки в Тегеране и Касабланке [8, с. 151–152], где руководители стран-союзниц обсуждали положение стран-сателлитов Германии и вопросы безоговорочной капитуляции. Великобритания и США были согласны с полной капитуляцией Германии, Италии и Японии но те же Соединенные Штаты высказались, что они не могут требовать капитуляции от стран, с которыми они не находятся в войне, говоря, конечно же, о Финляндии, и потому они отдавали эти решения в руки СССР.

Уинстон Черчилль поддерживал идею того, что Ленинград должен быть в безопасности и понимал главенствующую роль советской стороны в данном регионе, но так же он высказал Сталину мысль о том, что он был бы очень огорчен, если бы что-то угрожало независимости Финляндии. Однако, кроме этой оговорки – британский премьер-министр так же отдал все решения по теме Финляндии в руки советского руководства. Так Финляндия лишилась всяких надежд на содействие этих держав, в случае если угрозы немцев сбудутся. Почва для новых переговоров была готова.

Инициатором первых шагов к ним стал Советский союз – в отличие от прошлого неудавшегося опыта американского посредничества в налаживании отношений, когда идея об инициировании переговоров со стороны СССР была неприемлемой [11, с.7]. Через представителя в Стокгольме, Александру Коллонтай, была передана информация о том, что их ждут к началу переговоров с Москвой.

Надо сказать, что Швеция, выступая посредником и нейтральной территорией для ведения переговоров – всячески пыталась помочь финнам принять верное решение [17, с. 134–135]. Шведская сторона прилагала очень большое рвение к убеждению финнов принять предложение, и не последний раз. Швеция была на одних из первых мест в списке стран, которые вооружали и снабжали Финляндию военными и жизненно важными поставками перед Советско-Финляндской войной [15, с. 213–214], и скорее всего, выполняла свою роль посредника в том числе и с целью улучшить взаимоотношения с СССР [18, с. 326].

Самым первым вариантом условий мирного договора был, содержащий следующие пункты список:

- финская сторона должна была согласиться с положением границ между СССР и Финляндией по образцу договора 1940 года;
- назначались военные репарации;
- немцы должны были быть выведены с территории Финляндии, а их вооружение, техника и снаряжение – переданы СССР;
- военная база в Ганко или территория Петсамо отдавались во владение СССР.

Финляндия желала мира, но пункт о договоре 1940 года был с ее точки зрения – неприемлемым условием, финны требовали восстановления границ 1939 года. Этот вопрос выбора границ стал одним из краеугольных камней в процессе переговоров и поднимался почти на каждом этапе дипломатического процесса.

Не стоит забывать, что эти переговоры были предварительной подготовкой, и война еще не была остановлена. Советские войска к этому моменту отбросили немцев вглубь Карельского перешейка, и если бы им удалось отбросить их еще

далее – то финская сторона потеряла бы свою связь с немецкими силами, что очень беспокоило Маннергейма, ведь при таком раскладе долго противостоять советским войскам финны не могли.

Это еще одна важная особенность всех событий, связанных с завершением Советско-Финской войны и подписанием мира. Финская сторона балансировала между военной помощью Германии, которая позволяла продолжать сопротивление, и между завершением войны, условия которого могли оказаться неприемлемыми для страны.

Говоря конкретно о данном этапе событий – политическая верхушка Финляндии была готова принять мир с условием границ 1940 года, но в стране находилась гражданская оппозиция такому решению и политики тянули с его принятием. С другой стороны – на Финляндию стали давить США. Была получена нота от госсекретаря, в которой в резкой форме была информация о том, что чем дольше финны тянут с перемирием – тем жестче будут его условия [8, с. 153–154]. Таким образом – впервые проявляется еще один фактор, влияющий на решения Финляндии. США выступили в качестве «третьей стороны», и пусть не находились с Финляндией в состоянии войны – но начинали если не угрожать напрямую, но давить на страну.

Как пишет О. Вехвилайнен, «для ускорения процесса» СССР наносит несколько авиаударов по Хельсинки [8, с. 154]. Особого урона на фоне остальных разрушений они не нанесли, но это был скорее показательный ход со стороны СССР, чем действительно значимая военная операция. Уже в этом моменте можно видеть как война и боевые действия выступают инструментом, рычагом влияния на страну, которую пытаются склонить к миру на условиях, которые ей не во всем симпатизируют. И если проанализировать в целом всю ситуацию на первом этапе хода дипломатического процесса, то кроме желаний и решений Финляндии и СССР на итог их переговоров влияют как прямые, так и косвенные факторы:

Финляндия не одобряет пункта о положении границ территорий;

– Финляндия не хочет резко дистанцироваться от немецкой стороны, как от единственного союзника, благодаря которому страна может вести сопротивление;

– в процесс вмешиваются третьи стороны в лице США, которые используют дипломатические ноты с целью повлиять на финскую сторону;

– на скорость хода процесса переговоров о мире одна из сторон искусственно влияет показательными боевыми операциями в сторону другой страны-участницы переговоров.

На следующем этапе переговоров последовали действия со стороны Финляндии. В Стокгольме был отправлен Юхо Паасикиви, где ему были объявлены условия, после которых можно было бы говорить о мирном договоре. Это были уже обозначенные ранее требования, которые были несколько конкретизированными:

– требовалось отпустить советских военнопленных;

– требовалось интернировать немцев с территории Финляндии.

И все также эти требования были не окончательными, но предварительными. Таким приемом Москва хотела отрезать Финляндию от «путей отступления», ведь если выполнить эти требования – сотрудничество с Германией будет безвозвратно

утрачено и финской стороне не останется иного варианта, кроме как подписать мир на тех условиях, которые им будут предложены. Вообще – такой подход к оглашению условий мира является одной из отличительных особенностей советско-финских дипломатических взаимоотношений. Ранее – в 1940 году СССР точно так же сообщил предварительные требования, с итогом, которого опасались в Финляндии в данный момент – после их выполнения СССР выставил новые требования, которых финская сторона не ожидала [8, с. 154].

В Финляндии, конечно же, желали знать сразу все условия, которые от них потребует Москва. Если финская сторона примет условия, которые не разделит правительство и общественность всецело, то произойдет раскол. Единственной мерой по сохранению страны от него – был авторитет Маннергейма. Однако, как-либо участвовать в политике маршал отказывался, считая – что это его дело это боевые действия и командование войсками [8, с. 163].

В итоге, на условия, полученные Паасикиви в Стокгольме 29 февраля 1944 года Финляндия отправляет ответ о гипотетической готовности подписать мир, но о фактической невозможности этого действия, пока точные формулировки условий не будут известны. 26 марта Паасикиви и тогда уже бывший министр иностранных дел К. Энкель отправляются в Москву для выявления приоритетности и деталей поставленных СССР условий.

Молотов был резок в разъяснениях [8, с. 155], намекая финнам что они – страна на стороне проигравшей войну Германии и отказывая в каких-либо пересмотрах в вопросе границ территорий двух стран. Так же – теперь условия были следующими:

- интернировать немцев требовалось не позднее конца апреля текущего года;
- выплаты репараций составляли 600млн. долларов США за 5 лет;
- нужно было навсегда передать советам Петсамо во владение СССР.

Ясно, что условия в Финляндии считались неподъемными. Интернировать 20-ю горную армию за такой срок невозможно, а экономика страны не выдержит такого объема репараций. Многие говорили, что условия попросту «уничтожат» Финляндию. Оппозиционеры мирному договору в стране настраивали общество против него, они считали, что подписывать такое решения не взяв в расчет Германию – бесчестно. Немцы же через своих информаторов знали о подготовке мира, и кроме уже указанной директивы конца 1943 года – Гитлером были изданы более конкретные приказы [18, с. 324; 8, с. 157]:

- оккупировать о-в. Гогланд и Аландские о-ва, в случае подписания мира между финнами и СССР;
- прекратить поставку зерна, угля, оружия со стороны Германии финской стороне.

Практически все партии считали условия слишком жесткими, и уже 15 апреля финская сторона отвергла условия выставленные СССР. После отказа подписать договор боевые действия продолжались, советские силы атаковали Карельский перешеек. Наступление было внезапным, и политические лидеры снова были готовы на подписание мира, даже на его жестких условиях.

Маннергейм знал, что вопрос поражения будет решен спустя дни или даже часы, а в случае продолжения боев немцы обещали дать технику и людей. Снова на

решение влияет вопрос немецкой поддержки, и затягивая ход достижения мира Маршал Финляндии решает запросить у Германии помощь для продолжения боев.

Однако, все понимали что этот ход лишь отсрочит вопрос поражения, и потому 22 июня 1944 был снова сделан запрос через Стокгольм в Москву. Конечно, в Финляндии совсем не были уверены, что в Москве будут готовы обсуждать мир, но на следующий день после запроса пришел ответ. В нем говорилось, что переговоры будут возможны, но только когда Финляндия, отказавшаяся от прошлых условий – будет готова капитулировать и публично обратиться к Советскому Союзу для подписания договора. Это первый случай за все время переговоров, когда такой нежелательный для Финляндии итог капитуляции был предложен советской стороной. Отчасти, дальнейшие решения принимались в противовес и в сравнении с этой причиной.

На этом этапе уже не только Москва вела переговоры с Хельсинки. Буквально в тот же день когда был сделан запрос в Стокгольм – в финскую столицу прилетел Иоахим фон Риббентроп с целью, поставленную ему фюрером: склонить Финляндию к подписанию пакта с Германией.

Как известно, Финляндия и Германия разделяли союзнические отношения, но лишь на правах общего врага. Как уже упоминалось выше – финны считали свою войну отдельной. Пусть вопрос сравнения идейных направленностей войн и реального положения вещей до сих пор спорный – н основная точка зрения говорит об «отделённости» конфликта (или целой серии конфликтов идущих друг за другом) Финляндии от прямых событий Второй Мировой войны в целом. Теперь же встал вопрос о документальном закреплении союзнических настроений и взаимоотношений двух стран, что стало новой очень важной особенностью, влияющей на ход переговоров и повлиявшей на все дальнейшие вопросы взаимоотношений СССР, Финляндии и Германии до завершения войны.

Финляндия снова оказалась перед выбором – капитуляция СССР или союз с Германией. Положение дел Германии на фронте было уже не таким как раньше, многие в стране разуверились в немецкой силе и были против такого союза. Теперь большую роль играла самостоятельность Финляндии. Она ограничивалась в случае подписания пакта с Германией – терялся особый характер взаимоотношений и войн финской и немецкой сторон, и ограничивалась в случае принятия капитуляции со стороны СССР.

В правительстве так же наблюдались подобные разногласия. Министр финансов, а в прошлом, министр иностранных дел В. Таннер говорил, что если финская сторона подпишет пакт – Германия все равно окажется побежденной, страна и люди будут уничтожены, а капитуляция СССР с еще большими негативными последствиями ляжет на Финляндию [8, с. 165]. Маннергейм настаивал на необходимой помощи от немцев, которая может воодушевить войска.

В итоге, было решено не отвечать на предложение СССР и принять сторону Германии. Министр иностранных дел Рамсей должен был заключить договор с минимально жесткими условиями. Однако – вопрос заключения пакта и его особенности не характеризуют это событие как простое и окончательное для выбора стороны между СССР и Германией.

Президент Финляндии Ристо Рюти – поначалу заявлял, что без одобрения парламента не подпишет никаких документов между Финляндией и Германией [8, с. 165], однако именно он и является одним из главных действующих лиц при свершившемся подписании вышеупомянутого документа.

Рюти после нескольких дней раздумий написал письмо фюреру от своего имени, где заверял его в том, что мир с СССР не будет заключен, и без совета с немецкой стороны не будут предприняты никакие связи с СССР [1, с. 490]. Он же и подписал так называемый «пакт». 26 июня Риббентроп вернулся с письмом в Германию. Фактически – пакт был заключен. Но формально, в деталях были особенности, которые позволяли в будущем освободиться от данных пактом обязательств, которые финны обязались выполнить скорее вынужденно, чем по собственному изначальному желанию. Данный поступок в характеристиках и биографиях Рюти разделит мнения – одни говорили что он знал и видел дальнейшую возможность выйти из этого пакта, и иного выхода из ситуации не было, другие же более отрицательно и неодобрительно описывали из-за этого пакта всю его карьеру [14, с. 154–155].

Немецкая поддержка была действительно нужна Финляндии для возможности остаться в хороших взаимоотношениях с Германией и для оттягивания капитуляции. В чем сошлись практически все действующие от лица Финляндии деятели – так это в том, что когда настанет момент, финны перестанут выполнять условия этого договора.

Это было возможно по причине того, что Рюти заключил пакт только лишь от своего имени, имени президента страны, не включая в стороны договора ни главнокомандующего войсками, ни правительство. Именно поэтому документ называется пактом «Рюти-Риббентропа» [8, с. 166]. Что интересно, он был заключен не между равными по должностям лицами – как в случае с тем же пактом «Молотова-Риббентропа», а между политическим руководителем одной страны и министром иностранных дел другой.

Пакт обернулся суровыми испытаниями для Финляндии – как внутри страны так и с внешних сторон. Правительство практически раскололось на два лагеря, во внешней политике поддерживавшая ранее Финляндию Швеция осуждала решение Рюти, а из США пришла угрожающая официальная нота, в которой говорилось о том что Хельсинки вступили в тесное сотрудничество с Берлином и в таком случае не может идти и речи о сохранении нормальных взаимоотношений между Финляндией и США.

В Москве финнов объявили подчиненными Гитлера [8, с. 159], и уведомили американского посла о том, что они не ответили на предложение капитуляции. К слову, судя по всему, в СССР готовились к другому повороту событий, и даже подготовили акт о капитуляции Финляндии со следующим списком условий:

- территория Финляндии должна быть оккупирована частично или полностью;
- финская армия должна быть разоружена;
- гвардия должна быть интернирована;
- администрация и экономика страны – подчинена СССР.

Поскольку капитуляция была отклонена финнами – этот проект акта так никогда и не увидел свет, оставшись в архивах.

На фоне продолжающейся войны и отказа Москвы в диалоге с лицами, участвовавшими в подписании пакта – в Финляндии назревают изменения. Вперед выходит (уже не впервые) идея о смене президента и правительства. Сам Маннергейм, которого до этого уже просили занять пост – на данный момент уже считал что пришло время дистанцироваться от Германии, так как цель этого союза уже была достигнута. Желаемая помощь получена, и страна избежала нежелательных обострений отношений с Германией (по примеру собиравшейся выйти из союза Венгрии, в последствии оккупированной немцами).

Когда Рюти сложил полномочия а Маннергейм стал президентом – в стране наблюдался общий подъем настроения, а немцы стали ожидать неблагоприятного исхода вопроса о участии финской стороны в войне. В качестве поощрительной меры из Германии в Финляндию был отправлен Вильгельм Кейтель с поводом вручить награды за сотрудничество Маннергейму [14, с. 159; 8, с. 172–176]. Однако, обедая с Кейтелем – новый лидер страны дал ему понять, что Финляндия сама решает свою судьбу и награду не принял. Этим он показал, что он не имеет ни малейшего отношения к делам и договорам своего предшественника Рюти.

Это положение «развязанных рук» подкреплялось особенностями (или упущениями со стороны Германии) имевшимися в характере подписания пакта «Рюти-Риббентропа», о которых говорилось выше. Действительно – обязательства пакта по большому счету касались лишь Ристо Рюти, однако президент и правительство были смены, и значит пакт считался недействительным. По крайней мере, таким его считали в Финляндии.

Известно, что немцы даже планировали организацию переворота в стране [1, с. 485], подъем масс коллаборантов [1, с. 493] и прочие меры для взятия ситуации в свои руки, однако все подобные затеи не оправдались. Как и ожидалось ранее, так и в данный момент – авторитет Карла Густава Маннергейма был очень сильным и действенным фактором, который спас страну от раскола мнений, на почве которых немецкие попытки контроля ситуации могли бы получить успех и сплотили Финляндию.

Так же выигрышным для Хельсинки обстоятельством было то, что с Маннергеймом была готова вести переговоры Москва, как с лицом, не имевшим отношения к подписанию пакта с Германией. В Стокгольм было отправлено послание с просьбой о более быстрой инициативе мирного договора, и ко всему прочему – из Хельсинки уведомили своего представителя в Берлине о том, что пакт Рюти-Риббентропа не распространяется ни на Маннергейма и ни на кого-либо еще, так как подписывал его один лишь, уже бывший, президент страны.

Таким образом, договор, который, казалось бы, исключал налаживание мирных отношений между двумя странами-соперниками, стал, возможно, единственным настолько выигрышным способом вывести Финляндию из войны, которую вести уже никому в стране не хотелось.

29 августа 1944 года было принято послание от советской стороны, в котором говорилось, что переговоры можно будет начать сразу после того как финской

стороной будет сделано официальное заявление о разрыве отношений с Германией, и о том, что Финляндия потребует вывода всех немецких войск из Финляндии до 15 сентября. По прошествии этой даты все немецкие силы, так или иначе оставшиеся в стране, должны были быть разоружены и переданы как военнопленные в СССР. Ни Британия, ни США не внесли своих поправок в эти условия.

Хоть эти условия были мягче мартовских, финны все равно не знали всех деталей, это опять были предварительные требования. Но в этом случае Маннергейм отступил и дал ответ о принятии этих условий. Надо отметить, что при этом – финны не стремились «громко» заявлять о разрыве взаимоотношений с немцами. Ни в тот момент, когда премьер-министр Антти Хакцелль медлил с этим заявлением перед подписанием мирного договора, ни позже, на пороге Лапландской войны – при всех пройденных ранее обстоятельствах Финляндия стремилась довольно мягко разойтись с Германией.

Весьма веским подтверждением такого суждения является личное письмо Маннергейма Гитлеру [14, с. 181], которое было написано и отослано перед тем, как согласиться на выставленные СССР условия. Оно было написано в весьма дружелюбной, благодарственной форме, но основная цель документа – скорее надежда на то, что уходя, немцы не причинят вреда стране, взамен в письме обещалось «не разворачивать оружие против немцев».

Боевые действия были прекращены 5 сентября, после отправления немецкому дипломатическому представителю ноты о выводе немецких сил с территории Финляндии.

Переговоры должен был вести СССР, причем советская сторона желала решить все сама, без включения Британии и США, а страны-союзницы, в свою очередь, не особо претендовали на что-то большее, чем на данное этим мерам свое согласие.

Переговоры начались 14 сентября 1944 года. Условия многие финны оценили как более жесткие, чем те, что выдвигались полгода назад. Опыт переговоров 1940 года повторялся. Все новые условия включали все прошлые требования, но в дополнение следовало:

- мыс Порккала передавался в аренду СССР для обустройства на нем базы;
- после подписания мира положение Финляндии будет таким, что позволит вмешиваться СССР в управление страной;
- объем военных репараций уменьшился до 300 млн. долларов США;
- за выполнением всех условий мирного договора должен был следить специально организованный Контрольный комитет.

На любые попытки изменить условия или внести правки Молотов отвечал очень резко, угрожая отклонением подписания мира и оккупацией страны [4, с. 85; 8, с. 173]. И Паасикиви, и Маннергейм, и практически все правительство считало требования невыносимыми. Особенно возмущения у Маннергейма вызвал пункт передачи Порккалы – мыс находился слишком близко к Хельсинки, что сулило очень высоким уровнем контроля страны со стороны СССР, не говоря уже о возможности вмешательства во внутреннюю политику и экономику Финляндии. Однако, не смотря на все сложности – 19 сентября мир был подписан.

Дальнейшие вопросы, проблемы и вся трагедия Лапландской войны была связана с отступлением немцев в Норвегию и с резкими требованиями Контрольного комитета, во главе которого был СССР [7, с. 76]. Собственно, подавляющее большинство членов комитета были делегированы от Советского Союза – это было ожидаемо, но именно давление этого органа по надзору стало решающим в вопросах начала нового, пусть и локального конфликта.

Поначалу и немцы и финны действовали в условиях взаимопомощи, письмо Маннергейма фюреру было не единственным подтверждением желания бескровно разойтись с бывшими союзниками. Гитлер отказался от идеи удержания лапландских шахт, попытка оккупации о-ва Гогланд при отступлении провалилась, и теперь главной целью стал вывод 20-й горной армии в количестве 200000 человек под командованием генерал-полковника Лотара Рендулича [16].

Одной из причин, которые и развернули Лапландскую войну – опять же, стали сроки, в которые следовало интернировать немецкие войска. По подсчетам самих немцев вывести армию нельзя было даже за три месяца (отягчающими факторами стали местность лапландских территорий, климат в это время года и, конечно, количество и состав войск), но на это давалось не более двух недель. Лотар Рендулич в своих воспоминаниях писал, что советские эксперты понимали это, когда принимали решения по пунктам мирного договора, и все равно выставили такие сроки, при этом, не допустив до процесса продумывания условий иные страны.

С финской стороны высказывались опасения, что эти сроки были приняты такими, чтобы вынудить Финляндию обратиться за помощью в их выполнении к силам Советского Союза. Обстановку все больше нагнетал Контрольный комитет, отражавший только лишь желания и цели СССР. Его руководитель, генерал-полковник А. А. Жданов требовал более решительных мер по выполнению условий интернирования немцев [14, с. 209–210], а до этого, генерал Савоненков, выполнявший одну из главенствующих ролей в Комитете – поставил финнам ультиматум, согласно которому финны должны были занять оставленные немцами позиции [7, с. 77–78]. Было ясно, что никто не ждал от СССР доброжелательных и щадящих принципов взаимодействия, ведь, если вглядываться в суть конфликтов – в некоторых моментах сложно признать, что только один пакт Рюти-Риббентропа связывал немцев и финнов как союзников. Изначально этот союз был на руку и Германии и Финляндии, и документально подтверждено их обоюдное согласие вести войну против общего врага. Но все-таки, ряд нетерпеливых мер Контрольного комитета проявлял чересчур большое влияние и торопил и без того сжатые сроки вывода войск.

Немецкие и финские силы даже пытались между собой выстроить график вывода войск, немцы обязывались не разрушать страну по пути в Норвегию, а финны – не применять в их отношении оружия. Но давление комитета усилилось, и финны были вынуждены приступить к изгнанию немцев. Из-за этого вывод войск шел еще медленней, война набирала обороты – немцы уже не просто уходили из страны, а действовали по тактике «выжженной земли», минируя большие

территории, взрывая мосты и приводя в негодность железные и автодороги [7, с. 79].

Так – условие мирного договора, усиленное амбициями и политикой органа по надзору за его соблюдением привело к новой полномасштабной войне внутри страны. Ни о каких мирных или спокойных процессах вывода войск уже не велось и речи – существует ряд фото, на которых запечатлены таблички, обозначающие заминированные зоны, оставляемые немцами, на которых написано: «Благодарим за доказанное отсутствие боевого товарищества!».

Война продолжалась вплоть до апреля 1945 года, ровно до того момента пока немцы не покинули территорию Финляндии [14, с. 215]. Согласно данным, примерно 1000 солдат погибло в войне, разрушены большие территории, крупный город Рованиemi – практически уничтожен, и это далеко не все проблемы и трагические обстоятельства новой войны, которая велась в казалось бы, мирное время.

В этой работе была отведена тема дипломатических переговоров, потому что события Лапландской войны в ней почти не освещаются, но авторами работы ведется исследование этого конфликта. Оно не может восприниматься в отдельности от темы данной работы, потому что она и звучит как «Дипломатия перемирия. Вопрос завершения Советско-Финской и начала Лапландской войны (1944 – 1945)», и в будущем данная тема имеет перспективы к дальнейшему изучению и углублению вопросов с ней связанных. Исследование в целом не только поднимает приоритет интереса к изучению данной темы в отечественной исторической науке, но и поднимает вопросы пересмотра целого ряда уже устоявшихся, но подвергающихся сомнению фактов или трактовок. Так, трактовка «отдельной войны» Финляндии против СССР подвергается сомнению и пересмотру в самой Финляндии, важно так же сменить изначальный отрицательно направленный вектор отношения к Финляндии только как к врагу, так как идеологизация вопросов связанных с этими событиями в прошлом препятствовала объективному и всеобъемлющему рассмотрению данных тем. Так же, важно определить вклад и степень влияния каждой страны-участницы в тот итог, которым является Лапландская война, что поможет ответить на целый ряд вопросов.

Список использованных источников и литературы

1. Барышников, В. Н. О германских планах 1942–1945 гг. совершения государственного переворота в Финляндии / В. Н. Барышников // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. – №12. – С. 485–502

Baryshnikov, V. N. O germanskikh planakh 1942–1945 gg. soversheniya gosudarstvennogo perevorota v Finlyandii / V. N. Baryshnikov // Mnemon: issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira. – S-Pb.: Izd-vo SPbGU, 2013. – №12. – S. 485–502

2. Барышников, В. Н. Вопрос о выходе Финляндии из войны и проблема образования финского «эмигрантского правительства» (1943–1944 гг.) / В. Н. Барышников // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: Сб. статей. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – С. 335–348

Baryshnikov, V. N. Vopros o vykhode Finlyandii iz voyny i problema obrazovaniya finskogo «emigrantskogo pravitel'stva» (1943–1944 gg.) / V. N. Baryshnikov // Ot voyny k miru: SSSR i Finlyandiya 1939–1944 gg.: Sb. statei. – SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2006. – S. 335–348

3. Барышников, В. Н. К вопросу о выходе Финляндии из Второй Мировой войны: визит финской правительственной делегации в Москву в марте 1944 г. и его значение (по материалам архива

- министерства иностранных дел Финляндии) / В. Н. Барышников // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. – №16-1. – С. 140–156
- Baryshnikov, V. N. K voprosu o vykhode Finlyandii iz Vtoroi mirovoi voiny: vizit finskoi pravitel'svennoi delegatsii v Moskvu v marte 1944 g. i ego znachenie (po materialam arkhiva ministerstva inostrannykh del Finlyandii) / V. N. Baryshnikov // Trudy kafedry istorii novogo i noveishego vremeni. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2016. – №16-1. – S. 140–156
4. Барышников, Н. И., Барышников, В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне / Н. И. Барышников, В. Н. Барышников, В. Г. Федоров. – Л.: Лениздат, 1989. – 336 с.
- Baryshnikov, N. I., Baryshnikov, V. N., Fedorov V. G. Finlyandiya vo vtoroi mirovoi voine / N. I. Baryshnikov, V. N. Baryshnikov, V. G. Fedorov. – L.: Lenizdat, 1989. – 336 s.
5. Барышников, Н. И., Лайдинен, Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений / Н. И. Барышников, Э. П. Лайдинен. – СПб.: Изд-во РХГА, 2013. – С. 198–216
- Baryshnikov, N. I., Laidinen, E. P. Izbrannoe. Iz istorii sovetsko-finlyandskikh otnoshenii / N. I. Baryshnikov, E. P. Laidinen. – SPb.: Izd-vo RKhGA, 2013. – S. 198–216
6. Веригин, С. Г., Лайдинен, Э. П., Чумаков, Г. В. СССР и Финляндия в 1941–1944 гг.: неизученные аспекты военного противостояния / С. Г. Веригин, Э. П. Лайдинен, Г. В. Чумаков // Российская история. – М.: Изд-во РАН, 2009. – №3 – С. 90–103
- Verigin, S. G., Laidinen, E. P., Chumakov, G. V. SSSR i Finlyandiya v 1941–1944 gg.: neizuchennyye aspekty voennogo protivostoyaniya / S. G. Verigin, E. P. Laidinen, G. V. Chumakov // Rossiiskaya istoriya. – M.: Izd-vo RAN, 2009. – №3 – S. 90–103
7. Веригин, С. Г., Чумаков, Г. В. Российский взгляд на Лапландскую войну: по материалам центральных российских архивов / С. Г. Веригин, Г. В. Чумаков // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. – №16-2. – С. 68–85
- Verigin, S. G., Chumakov, G. V. Rossiiskii vzglyad na Laplandskuyu voynu: po materialam tsentral'nykh rossiiskikh arkhivov / S. G. Verigin, G. V. Chumakov // Trudy kafedry istorii novogo i noveishego vremeni. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2016. – №16-2. – S. 68–85
8. Вехвильяйнен, О. Финляндия в Второй мировой войне: між Німеччиною і Росією / О. Вехвильяйнен. – Київ: Темпора, 2010. – 241 с.
- Vekhviylainen, O. Finlyandiya v Drugii svitovii viini: mizh Nimechchينوу i Rosieyu / O. Vekhviylainen. – Kiiv: Tempora, 2010. – 241 s.
9. Власов, Л. В. Президент Финляндии К. Г. Э. Маннергейм и член Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданов: Встречи и переписка 1944–1945 годов / Л. В. Власов // Феномен Петербурга: Сборник. СПб.: БЛИЦ, 2006. – С. 242–248
- Vlasov, L. V. Prezident Finlyandii K. G. E. Mannergeim i chlen Politbyuro TsK VKP(b) A. A. Zhdanov: Vstrechi i perepiska 1944–1945 godov / L. V. Vlasov // Fenomen Peterburga: Sbornik. SPb.: BLITs, 2006. – S. 242–248
10. Журавель, В. П. Выход Финляндии из войны: история и современность / В. П. Журавель // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. – М.: Изд-во Ин-та Европы РАН, 2018. – №4. – С. 232–237
- Zhuravel', V. P. Vykhod Finlyandii iz voiny: istoriya i sovremennost' / V. P. Zhuravel' // Nauchno-analiticheskii Vestnik Instituta Evropy RAN. – M.: Izd-vo In-ta Evropy RAN, 2018. – №4. – S. 232–237
11. Куликов, А. И. Американский меморандум марта 1943 года и его влияние на развитие финско-американских и финско-германских отношений / А. И. Куликов // Вестник МГИМО. – М.: МГИМО МИД РФ, 2009. – №5. – С. 70–84
- Kulikov, A. I. Amerikanskii memorandum marta 1943 goda i ego vliyanie na razvitie finsko-amerikanskikh i finsko-germanskikh otnoshenii / A. I. Kulikov // Vestnik MGIMO. – M.: MGIMO MID RF, 2009. – №5. – S. 70–84
12. Кутузов, В. А. А. Жданов и Союзная Контрольная комиссия в Финляндии / В. А. Кутузов // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: Сб. статей. – СПб.: Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – С. 395–408
- Kutuzov, V. A. A. Zhdanov i Soyuznaya Kontrol'naya komissiya v Finlyandii / V. A. Kutuzov // Ot voiny k miru: SSSR i Finlyandiya 1939–1944 gg.: Sb. statei. – SPb.: Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2006. – S. 395–408

13. Кутузов, В. А., Демидов В. И. Председатель СКК в Финляндии А. А. Жданов по воспоминаниям ее сотрудника / В. А. Кутузов, В. И. Демидов // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы Девятой ежегодной международной научной конференции. – С-Пб.: Изд-во РХГА, 2008. – С. 63–67

Kutuzov, V. A., Demidov V. I. Predsedatel' SKK v Finlyandii A.A.Zhdanov po vospominaniyam ee sotrudnika / V. A. Kutuzov, V. I. Demidov // Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy: materialy Devyatoi ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. – С-Рb.: Izd-vo RKhGA, 2008. – S. 63–67

14. Мейнандер, Х. Финляндия, 1944. Война, общество, настроения / Х. Мейнандер ; пер. со швед. Зинаиды Линден. – М.: Весь Мир, 2014. – 395 с.

Meinander, Kh. Finlyandiya, 1944. Voyna, obshchestvo, nastroeniya / Kh. Meinander ; per. so shved. Zinaidy Linden. – М.: Ves' Mir, 2014. – 395 s.

15. Никитин, В. В. Финская армия: русский след. Люди и оружие / В. В. Никитин. – СПб.: Остров, 2017. – С. 213–222

Nikitin, V. V. Finskaya armiya: russkii sled. Lyudi i oruzhie / V. V. Nikitin. – SPb.: Ostrov, 2017. – S. 213–222

16. Рендулич, Л. Управление войсками / Л. Рендулич. – М.: Воениздат, 1974. – 200 с.

Rendulich, L. Upravlenie voiskami / L. Rendulich. – М.: Voenizdat, 1974. – 200 s.

17. Садомцева, А. Р. Секретные советско-финляндские переговоры в Стокгольме в феврале 1944 года в свете различных источников: проблемы и достоверность / А. Р. Садомцева // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. – №16-2. – С. 131–148

Sadomtseva, A. R. Sekretnye sovetsko-finlyandskie peregovory v Stokgol'me v fevrale 1944 goda v svete razlichnykh istochnikov: problemy i dostovernost' / A. R. Sadomtseva // Trudy kafedry istorii novogo i noveishego vremeni. – SPb.: Izd-vo SPBGU, 2016. – №16-2. – S. 131–148

18. Садомцева, А. Р. Роль Швеции в урегулировании советско-финляндских отношений (Ноябрь 1943 – Сентябрь 1944) / А. Р. Садомцева // Вестник современных исследований. – Омск.: ИП Соловьёв Вадим Олегович, 2018. – №12.8 (27). – С. 322–327

Sadomtseva, A. R. Rol' Shvetsii v uregulirovanii sovetsko-finlyandskikh otnoshenii (Noyabr' 1943 – Sentyabr' 1944) / A. R. Sadomtseva // Vestnik sovremennykh issledovaniy. – Omsk.: IP Solov'ev Vadim Olegovich, 2018. – №12.8 (27). – S. 322–327

Bebeshko, E. V., Shipilin P. I. Armistice diplomacy. The question of the end of the Soviet-Finnish and the beginning of the Lapland War.

The study reflects the course of the diplomatic process in the period between the end of the Soviet-Finnish and the beginning of the Lapland War (spring 1943 – autumn 1944), which was conducted between the USSR, Finland and Germany with the help and mediation of other countries, such as the USA, Sweden, Great Britain, etc. d. Based on these data, the authors analyze the ways and characteristic methods of the countries' interaction on relations between them, give an analysis of all its stages and trace the relationship between the diplomatic process and its results (in the form of signing a peace treaty between Finland and the USSR) with the start of a new conflict between Germany and Finland . An analysis is being made of the degree of influence of all participants in these events on the processes of peace settlement, which led to the beginning of the Lapland War.

Keywords: Soviet-Finnish War, Diplomacy, Lapland War, Karl Gustav Mannerheim, The Ryti-Ribbentrop Pact, American Memorandum 1943, A. A. Zhdanov, Finland.

УДК 930.2

КОНФУЦИАНСКИЙ КОММЕНТАРИЙ В ЭПОХУ ХАНЬ

Бонч-Осмоловская О. А.

Институт восточных рукописей РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: olga.bonch.osmolovskaya@gmail.com

Исследуется конфуцианская экзегетическая система в эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). В основу анализа положены типы конфуцианского комментария, сформировавшиеся или получившие распространение в этот период. Специальное исследование процесса формирования типов конфуцианского комментария позволяет проследить ключевые тенденции развития конфуцианской экзегетической мысли. Эпоха Хань представляет собой один из важнейших периодов в истории конфуцианской экзегетики. Именно тогда произошла институционализация каноноведения и канонизация первых текстов. Тогда же фактически были заложены основы и определен вектор дальнейшего развития этой области, обусловивший и ее будущий расцвет, и упадок.

Ключевые слова: экзегетика, конфуцианство, конфуцианский комментарий, каноноведение, цзин сюэ, Пятиканоние, Хань

Сохранность древних книг в период после падения династии Цинь и в начале правления Хань представляет собой достаточно сложный вопрос. Традиционно считается, что в 213 г. до н.э. Цинь Ши-хуанди 秦始皇帝 (259–210 гг. до н.э.) по совету канцлера Ли Сы 李斯 (284–208 гг. до н.э.) повелел сжечь «*Песни и Документы*, а также книги ста [философских] школ ... А кто осмелится устно пересказывать *Песни* или *Документы* – того публично казнить и тех, кто при помощи примеров из прошлого, будет осуждать настоящее – тоже» [1, цз. 6, с. 254–255]. Сомнения в том, что все обстояло именно так, и что к началу Хань в распоряжении книжников не было никаких версий этих текстов, высказываются давно.¹ Помимо этого, сами ученые-конфуцианцы не были полностью удалены от двора, – показателен хотя бы пример *боши* Шу Суньтуна, служившего при дворе Цинь, а потом сумевшего найти применение и при основателе Хань, Лю Бане [1, цз. 99, с. 2720–2721], несмотря на то, что последний к конфуцианцам относился весьма прохладно [Там же]. В любом случае, факт остается фактом, когда при западноханьских императорах Вэнь-ди 文帝 (прав. 180–157 гг. до н.э.) и Цзин-ди 景帝 (прав. 157–141 гг. до н.э.), т.е. в середине II века до н.э., появляется тенденция к собиранию и восстановлению этих текстов, сохранность их была очень неравномерной.

¹ Еще Ма Дуаньлинь 馬端臨 (1254–1323), известный конфуцианский ученый рубежа эпох Сун и Юань, полагал, что те сочинения из *Песен*, которые считаются утраченными, никогда и не содержали слов, поскольку это изначально были лишь мелодии, а о прочих книгах, таких как *Ритуалы*, мы даже не знаем, в каком они виде находились до Хань, поэтому сложно говорить, что действительно погибло, а что нет [2, цз. 174, с. 5188].

*Перемены*¹, являясь мантическим текстом, были меньше всего затронуты циньскими гонениями, текст был представлен в передаче цисца Тянь Хэ 田何. *Документы* имелись только в передаче Фу Шэна 伏生 (стал *боши* при Вэнь-ди), в которой к началу Хань уже не доставало более десятка глав. *Песни* были восстановлены исключительно на основании традиции устной передачи – их представляли целых три школы: луская Шэнь Пэя 申培 (стал *боши* при Вэнь-ди), циска Юань Гу-шэна 轅固生 (стал *боши* при Вэнь-ди) и школа Хань Ина 韓嬰 (стал *боши* при Цзин-ди). *Ритуалы* состояли только из ритуалов служилых людей-*ши* и были зафиксированы в тексте *И ли* (к нему примыкали «Записки» – *Ли цзи*). Передача шла через лусца Гао Таншэна 高堂生, а при Вэнь-ди также выходец из Лу – Сюй Шэн 徐生 получил место *боши* как специалист по этому тексту. Летопись *Чуньцю* тоже имела несколько линий передачи – *Гунъян* и *Гулян*. *Гунъян* получила признание при Цзин-ди, когда Ху-у Шэн и Дун Чжуншу стали *боши*.

Вышеперечисленные тексты и специалисты по ним составили основу течения *цзиньвэнь* 今文 – «новых текстов/современных знаков». «Новыми» или «современными» эти тексты были потому, что они были записаны унифицированным письмом, введенным при Цинь Ши-хуанди. Позиции данного течения окончательно закрепились благодаря политике молодого императора У-ди 武帝 (прав. 141–87 гг. до н.э.), унаследовавшего трон в 141 г. до н.э., а уже в 136 году до н.э. – официально утвердившего за «пятью канонами» (именно с этого момента книги, перечислявшиеся выше и стали «канонами») места *боши* [3, цз. 6, с. 229]. Важность этого события, помимо беспрецедентного возвышения статуса конфуцианского учения, состояла еще в том, что содержание должности *боши*, именно как специалиста по конфуцианским каноническим книгам, стало гораздо более четко очерчено, и уже на этой основе стала формироваться живая, а главное, стабильная учительская преемственность² [4, с. 55–62].

Комментарий с «разбиением на параграфы и фразы» чжан цзюй 章句 VS филологические комментарии к многослогам и однослогам сюнь гу 訓詁 (訓故)

Канонизация первых текстов в годы правления императора У-ди и, последовавшая за этим институционализация конфуцианской экзегетики, самым непосредственным образом отразилась на формах ханьского каноноведения. Количество специалистов по канонам – «великих учителей» *даши* 大師 – неуклонно росло на протяжении всей истории династии Хань: при Сюань-ди, вскоре после каноноведческой конференции Шицюгэ 石渠閣會議 (51 г. до н.э.) их стало 12 [3, цз.

¹ Тексты из состава «Пятиканония» в настоящей статье сокращенно именуются: *Перемены* (*И цзин* 易經), *Песни* (*Ши цзин* 詩經), *Документы* (*Шу цзин* 書經), *Чуньцю* 春秋, *Ритуалы* (тексты ритуального канона, *И ли* 儀禮, *Чжоу ли* 周禮, *Ли цзи* 禮記)

² *Боши* существовали и при Цинь, и при более ранних ханьских императорах, подробнее об истории должности см. [8, с. 183–188]

19, с. 871]. А к концу Восточной Хань, по сообщению Бань Гу в «Биографиях конфуцианцев» (*Жу линь чжуань 儒林傳*), их уже насчитывалось более тысячи человек [3, цз. 88, с. 5457]. При этом у каждого из них были ученики – студенты столичного университета Тайсюэ 太學, отношения с которыми при Западной Хань регулировались через *шифа 師法* – «законы наставника», а при Восточной – через *цзяфа 家法* – «законы/устав школы»: 立五經博士, 各以家法教授 «После установления *боши* для «Пятиканония», учительское преемство регулировалось посредством законов школы» [5, с. 79–1/2545]. Под этим подразумевалось, что ученик «знает свои истоки» 溯其源, т.е. отдает себе отчет, к какой школе он принадлежит и кто его учитель¹, и «распространяет свое течение» 衍其流, т.е. поддерживает магистральную линию интерпретации канона в рамках своей школы в собственных работах [6, с. 91; 7, с. 125–130]. Знание истоков своей школы было невероятно важно для ханьских ученых, ведь это то, что официально «связывало» их с «совершенномудрыми» создателями канонических текстов, так как все школьные генеалогии стремились именно к ним или хотя бы к их ближайшим ученикам.²

Образовательный процесс был поставлен на прочные рельсы и развивался далее весьма успешно («учебных заведений много, как [деревьев] в лесу, сельские школы набиты битком» [9: 1/38]), но ни один из существовавших до того типов комментария не мог удовлетворить его запросам. В первую очередь потому, что четко выработанной образовательной программе требовались специальные материалы для сдачи экзаменов и критерии для выставления оценок. Ни один из прежних комментаторских типов не обладал такой степенью формализации, не был разработан в достаточной степени, поэтому новый вид комментария – *чжан цзюй 章句* (букв. «[разбиение на] параграфы и фразы»)³ так быстро набрал популярность.⁴ Неудивительно, что им пользовались преимущественно в среде приверженцев

¹ Периодически школы формировались и по принципу принадлежности к определенной семье, так, род Оуян традиционно занимался *Документами* [5, цз. 79-1, с. 2545]

² В дальнейшем это станет одним из камней преткновения между течениями *цзиньвэнь* и *гувэнь* – как полагали ученые *цзиньвэнь*, «древние тексты» не имеют авторитетной генеалогии и не имеют живого учительского преемства, без которого невозможно представить себе традиционную передачу знания. Разумеется, это привело к фабрикации родословных и с той, и с другой стороны [10, с. 38–44].

³ Несмотря на очевидную молодость этого типа комментария, ему тоже приписывалось «древнее» происхождение – якобы сам Цзы Ся, один из ближайших учеников Конфуция, начал практику такого толкования классиков [5, с. 44; 7, с. 131]

⁴ В *И вэнь чжи 藝文志* («Трактат о литературе [шести классов] искусств»/«Трактат об искусствах и текстах») приводится немало соответствующих записей: к группе *И цзина* относились *Чжан цзюй Ши Мэн Лянцю-ши 章句施孟梁丘氏* каждый по 2 *пяня*. К группе *Шу цзина* относились *Оуян чжан цзюй 歐陽章句* 31 *цзюань* и *Да сяо Сяхоу чжан цзюй 大小夏侯章句* каждый по 29 *цзюаней*. К группе *Чуньцю* относились *Гунъян чжан цзюй 公羊章句* 38 *пяней* и *Гэлиан чжан цзюй 穀梁章句* 33 *пяня* [3, с. 30]. Большинство ханьских комментариев *чжан цзюй* до наших дней не дошло, на конфуцианский текст остался только один такой комментарий – *Мэн-цзы чжан цзюй*, за авторством Чжао Ци 趙歧 (ок. 108–201). Еще есть комментарий Ван И 王逸, но он написан не на конфуцианский канон, а на литературное произведение *Чуцы 楚辭* («Чуские строфы») – *Чуцы чжан цзюй 楚辭章句*.

цзиньвэнь, ведь они на долгое время монополизировали *гуаньсюэ* 官學 – «казённые училища».

Основной задачей данного типа комментария, как и следует из его названия, было провести разбивку текста на параграфы и фразы, а затем последовательно их прокомментировать. Тайваньский исследователь Цай Яньжэнь выделил несколько особенностей *чжан цзюй*, среди которых в контексте нашего исследования важно отметить следующие: его устный характер и его преимущественное внимание к тексту *чжуани* [7, с. 132–134].

Формально за основу брался сам канон, но чем дальше, тем больше внимание уделялось *чжуаням*, а потом комментариям на них и так далее. К этому каждый раз добавлялось новое устное комментирующее изложение наставника (*шо цзин* 說經), и затем составлялся *чжан цзюй*. Студенты заучивали их, сдавали на экзаменах, а став наставниками, развивали это толкование, причем оно уже заметно расходилось с исходным каноном, о чем вздыхал Лю Синь в своем письме, обращенном к *боши* [3, цз. 36, с. 3305–3306]. Как уже упоминалось, при Хань наблюдалась тенденция лишь к увеличению преподавательского состава, а заодно и количества учеников, из чего нетрудно сделать вывод, что подобных комментариев становилось все больше, и росло не только их количество, но и объем. *И вэнь чжи* 藝文志 («Трактат о литературе [шести классов] искусств»/«Трактат об искусствах и текстах») фиксирует, что первые *чжан цзюй* были достаточно компактными – от 2 до 38 *пяней*, но к концу Восточной Хань ситуация была уже совершенно иная.

Основной проблемой *чжан цзюй* стала их все более и более набиравшая обороты пространность. Объем комментария зачастую превышал объем исходного текста во много раз, у Бань Гу читаем:

«Впоследствии каноны и *чжуани* разошлись друг с другом, и эрудированные ученые не задумывались, что и в их обширных знаниях есть пробелы. Они спасались [от этого] тем, что крошили смысл на мелкие кусочки, витийствовали в словах и [упражнялись] в остроумии речей, при этом разрушая форму и суть [исходного текста]. На рассуждение о тексте в 5 знаков у них уходило по 20000–30000 слов» [3, цз. 30, с. 2951].

Такая схолистика экзегезы вызывала неприязнь даже в рядах ученых *цзиньвэнь*, не говоря уже об их оппонентах.

В биографии Хуань Таня 桓譚 (23 до н.э.– 56 н.э., альтерн. ок. 43 до н.э. – 28 н.э., 40 до н.э.–31 н.э.), одного из ключевых деятелей школы древних текстов в конце Западной-начале Восточной Хань, читаем, что он «занимался всеми «Пятью канонами», [через посредство] *сюньгу* [постигал] великий смысл, и не занимался *чжан цзюй*» [5, цз. 28-1, с. 955]. Биография яркого западноханьского ученого Ян Сюна 揚雄 (53-18 гг. до н.э.) сообщает примерно то же самое – «не занимался *чжан цзюй*, прекрасно разбирался в *сюньгу*» [3, цз. 87-1, с. 5307]. У Ян Сюна в принципе невозможно встретить упоминание о *чжан цзюй* в положительном контексте – он всегда подчеркивал свое негативное отношение и к данному типу комментария и к

тем, кто им занимается.¹ Его позиция хорошо видна по письму к Лю Синю [11, с. 314–315] и по одной из од, содержащейся в его автобиографии [12, с. 100; Там же, с. 136].

Из всего вышесказанного следуют два вывода – *чжан цзюй* на долгое время стал формой школьного существования *чжуани* и зафиксированной в ней традиции, однако в этом крылась его основная проблема – через несколько сотен лет традиция изжила себя и выродилась в пустое многословие. Это и стало основной причиной того, что данный тип комментария продержался на конфуцианском экзегетическом небосклоне не очень долго – его закат отчетливо наблюдается уже при Восточной Хань².

Здесь нужно отметить, что *чжан цзюй* был не единственной формой экзегезы при Хань. Параллельно с течением *цзиньвэнь* существовало направление *гувэнь* 古文 (древних текстов/древних знаков), сформировавшееся на рубеже Западной и Восточной Хань. Приверженцы *гувэнь* пытались добиться признания ряда текстов, найденных в стене дома, принадлежавшего роду Конфуция, и получивших большую поддержку в лице князя Лю Дэ 劉德 (пр. 156–130 гг. до н.э.) – Сянь-вана Хэцзянь (сводного брата императора У-ди) [3, цз. 53, с. 3896].

Текстами, притязавшими на древний авторитет, были в первую очередь: *Чжоу гуань* 周官 «Чжоуские чиновники» (при Ван Мане переименованный в *Чжоу ли* 周禮 «Чжоуские ритуалы»), *гувэнь Шаншу* 古文尚書 («Древние документы, [записанные] древними знаками»), *Цзо-ши Чуньцю* 左氏春秋 и *Мао-ши ши* 毛氏詩 («Песни [в версии] господина Мао»).³

Итак, в распоряжении тех, кто поддерживал «древние тексты» был ряд сочинений, хотя бы отчасти записанных дореформенным письмом (*дачжуань* 大篆

¹ Отношение Ян Сюна к *цзиньвэнь* и *гувэнь* направлениям мысли не тривиально и не сводится к простой оппозиции по отношению к комментариям *чжан цзюй*. Текстологический анализ *Фа янь* показывает, что в плане канонической преемственности, Ян Сюн вполне придерживался версий *цзиньвэнь*: для *Шицзина* – это луская версия, для *Чуньцю* – *Гунъян чжуань*, для *И цзина* – версия Цзин Фана, для *Шуцзина* – *цзинь вэнь Шан шу*, наконец, для ритуалов – *И ли* [13, с. 74–79]. Другое дело, что сама форма, которую обретало *цзиньвэнь* канонизирование, и, тем более, связанные с этим политические интриги, Ян Сюн не одобрял и старался держаться от них подальше.

² *Чжан цзюй* перестал играть ключевую роль в конфуцианской экзегетике, однако не прекратил свое существование совершенно. При Сун, например, Чжу Си издал знаменитый сборник *Сы шу чжан цзюй* 四書章句 («Четверокнижие с разбиением на параграфы и фразы»), но его назначение не отличалось от ханьских комментариев, ведь Чжу Си тоже стремился утвердить определенную школьную программу.

³ Попытки установить места *боши* для специалистов по этим текстам начались еще с Лю Синя. Он направил письмо *тайчан боши* (распорядителю ритуалов в императорском храме предков), предлагая «дополнить» сведениями из «древних текстов» уже признанные тексты *цзиньвэнь* [3, цз. 36, с. 3305–3310]. М. Найлан утверждает, что это не свидетельствует о его желании продвинуть тексты *гувэнь* на первый план и вытеснить *цзиньвэнь*, а лишь «поддержать» уже установившееся *гуань сюэ* [14, с. 102–105]. Видимо, чтобы убедить современных исследователей, Ли Синю нужно было только прямым текстом написать о своих намерениях... В любом случае, если бы его намерения были столь невинны, как полагает М. Найлан, то вряд ли *цзиньвэнь боши* пришли бы в такой гнев, как это случилось после получения ими письма. Разумеется, ему было отказано. Недвусмысленно свидетельствует об амбициях Лю Синя и его триумфальное назначение *гоши* 國師 (наставник государя) в период узурпации престола Ван Маном [3, цз. 36, с. 3311].

или *чжоувэнь* 籀文), а значит содержащих сложные для понимания знаки и выражения. Например, в биографии Лю Синя читаем о тексте Цзо: 左氏傳多古字古言 «В *чжуани* господина Цзо было много древних знаков и выражений» [3, цз. 36, с. 3304]. Это до определенной степени сказалось на методе работы с текстом в рядах ученых *гувэнь*. Долгое время они не получали официального признания и мест *боши*¹, а значит необходимости в выработке стандартизированных учебных материалов у них не было. Это не значит, что *чжан цзюй* они совершенно не писали, однако, в целом, акценты в интерпретации классиков у них были другие. Их интересовала этимология древних слов и прочие филологические аспекты исследования текста – так появился комментаторский тип *сюньгу* 訓詁 (тж. 訓故).

Комментарий *сюньгу* 訓詁 (тж. *гусюнь*), состоящий из двух компонентов «сюнь» и «гу», закрепился в этой форме не сразу, они часто использовались по отдельности, например, в *И вэнь чжи* находим: *Чжоу сюнь* 周訓 (14 глав), *Хуайнань дао сюнь* 淮南道訓 (2 главы), *Маоши гусюнь чжуань* 毛詩故訓傳 (30 свитков), *Лу гу* 魯故 (25 свитков), *Хань гу* 韓故 (36 свитков)², *Ду Линь Цан Цзе гу* 杜林蒼頡故 (1 глава) и другие сочинения [3, с. 30].

Гу – комментарий, специализировавшийся на разъяснении древних слов при помощи более современных или более распространенных синонимов. Сам иероглиф *гу*, независимо от того, в каком варианте написания использован, 詁 или 故, содержит элемент 古 *гу* «древность», откуда и проистекает его семантическое поле [15, цз. 1, с. 269].

Сюнь – комментарий, поясняющий «образы» (道物之貌 «говорит о внешнем облике вещей»), сюда в первую очередь входило растолкование устойчивых выражений, прилагательных и наречий [Там же]. Поэтому если *гу* обычно комментирует одиночные иероглифы, то *сюнь* – их сочетания.³ Более широко под *сюнь* мог подразумеваться и комментарий о «смысле речей» (訓者, 釋所言之理; 訓者, 謂字有意義) и в этом он был сложно отличим от комментария-*гу*, в силу чего они и стали использоваться вместе⁴ [19, с. 2–5; Там же, с. 411–412].

¹ Специалисты по *Цзочжуань* пытались получить место *боши* после восстановления правления династии Хань при Гуан У-ди 光武帝 (прав. 25–57), однако из-за отчаянного сопротивления *цзиньвэнь боши*, эти планы быстро свернулись. При Мин-ди 明帝 (прав. 58–75) и Чжан-ди 章帝 (прав. 75–88) тоже шли дискуссии на эту тему, однако результат был схожий [см. подробнее 16, с. 8–13].

² По записям *И вэнь чжи* видно, что сложно ограничивать *сюнь гу* только рамками течения *гувэнь*, поскольку, например, *цзиньвэнь* школы изучения *Песен* тоже активно пользовались этим подходом (но тогда о противостоянии *гувэнь* и *цзиньвэнь* речь еще не шла). Да и в дальнейшем ученые *цзиньвэнь* и *гувэнь* периодически писали комментарии в стиле оппонента, но в целом как минимум вплоть до второй половины-конца Восточной Хань эти случаи все-таки достаточно редки.

³ Это хорошо видно, например, по словарю *Эрья* 爾雅 («Приближение к классике»), составленному приблизительно в I веке до н.э. на основе материалов, собиравшихся, вероятно, начиная с V–IV в. до н.э. [17, с. 254]. Словарь разбит тематически на разделы и в числе первых там встречаются «Растолкование слов» 釋詁 и «Растолкование [устойчивых] выражений» 釋訓 [18, цз. 1, с. 160].

⁴ *Сюньгу* брало за основу истолкование отдельных сложных слов, но постепенно понимание этого термина расширялось и, в конечном счете, значение этого термина так расширилось, что он объединил в себе всю науку о конфуцианском традиционном комментарии, его формах и технических приемах [см. пример такого анализа в 20].

Благодаря этому увлечению филологией, при Хань появляется немалое количество словарей, составленных преимущественно учеными *гувэнь*: *Шовэнь цзецзы 說文解字* («Объяснение простых знаков и истолкование сложных») восточноханьского каноноведа и языковеда Сюй Шэня 許慎 (ок. 58–147), словарь *Эръя, Фаньянь 方言* («Диалекты/Местные речения») Ян Сюна.

На фоне роста популярности комментариев *сюньгу* (постепенно *сюньгу* стали распространяться за рамки потенциальной школьной аффилиации его создателя – *цзиньвэнь* или *гувэнь*), канонведение, представленное в комментариях *чжан цзюй* все больше отдалялось от смысла канонического текста. Они передавали знание уже скорее о *чжуани*, чем о каноне, причем даже это знание уже десятки раз трансформировалось и искажалось, передаваясь из уст в уста в процессе обучения. По мысли сторонников комментариев *сюньгу*, эта ситуация была опасна в первую очередь тем, что полностью утратится понимание канонического текста, а значит и Дао-пути в целом, ведь для ханьских ученых Дао-путь как раз и заключался в канонических текстах, созданных совершенномудрыми.¹ Подтвердить такое понимание *чжан цзюй* можно на примере сообщений Хань шу: 建所謂章句小儒，破碎大道 «[Сяхоу] Цзянь был так называемым мелким конфуцианцем, [поборником] комментариев-*чжан цзюй*, разбивал вдребезги великий Дао-путь» [3, цз. 75, с. 4877].

Кардинально *сюньгу* отличал от *чжан цзюй* принцип работы с текстом. Составители *сюньгу*, декларируя необходимость поиска «великого смысла» 大義 (*да и*), т.е. восстановления понимания Дао-пути совершенномудрых, стали специально исследовать язык канонов. По этой логике, чтобы понять Дао-путь, сначала необходимо удостовериться в том, что правильно поняты средства, через которые он передается.² Упоминания об этом «великом смысле» всегда встречаются там, где уточняется, что человек не занимался *чжан цзюй*, например, в биографии Бань Гу: «не занимался *чжан цзюй*, вскрывал великий смысл и только» 不為章句，舉大義而已 [5, цз. 40-1, с. 1330] или в приведенных выше примерах о Хуань Тане и Ян Сюне.

Как минимум с середины эпохи Восточная Хань, а в её конце – тем более, сложно провести четкую границу между приверженцами *цзиньвэнь* и *гувэнь*. Официальное учение *гуаньсюэ* со своим громоздким аппаратом *боши*, студентов и комментариев *чжан цзюй*, в конечном счете, привело самих ученых из течения *цзиньвэнь* к мысли о необходимости перемен. Тенденция к сближению с *гувэнь* проявилась и в экзегетике, например, восточноханьский лидер школы Гуньян Хэ Сю 何休 (128/129–182) уже в полной мере оценил достоинства метода *сюньгу*. О степени взаимной заинтересованности между учеными *гувэнь* и *цзиньвэнь* может рассказать полуанекдотическая история из биографии ярчайшего поздниханьского

¹ Выше уже были приведены примеры упоминаний о канонах, как «следах совершенномудрых», они встречаются в источниках повсеместно, вопрос «диалога» с ними проанализирован в работах американского исследователя Д. Гарднера [21; 22]

² О том, что в теории – это был поиск «великого смысла», а на практике – отчаянное отстаивание своих политических интересов см.: [23, с. 161–168].

эрудита и каноноведа Чжэн Сюаня 鄭玄 (127–200), современника и оппонента Хэ Сю:

«Хэ Сю увлекался учением Гунъян и в связи с этим сочинил «Неприступную крепость Гунъян», «Неизлечимые болезни господина Цзо» и «Увечные места Гулян». Чжэн Сюань [в ответ сочинил] «Взятая “Неприступная крепость”», «Исцеляющий укол “Неизлечимому больному”» и «Выправленные “Увечные места”». Хэ Сю увидел это и воскликнул: «Кан Чэн заходит в мою комнату, берет мое копьё, и меня же им и закалывает!»» [5, цз. 35, с. 1207–1208].

Наблюдались изменения и с другой стороны – ученые все больше стремились к изучению не одного канонического текста, «предписанного» им по школьной принадлежности, а к знанию всего корпуса канонических текстов. В биографиях конфуцианцев из *Хоу Хань шу* часто встречаются характеристики «хорошо ориентировался в нескольких канонах», «учился понимать и современные, и древние [тексты]» [5, цз. 60-1, с.1972; цз. 64, с. 2113; цз. 76, с. 2477; цз. 79-1, с. 2551, 2553; цз. 79-2, с. 2573, 2577, 2581–2582, 2584, 2588; цз. 82-1, с. 2717]. По самым скромным подсчетам, более трети конфуцианцев, чьи биографии там приведены, описываются как *тун жу* 通儒 – эрудиты, широко образованные ученые. Это были уже конфуцианцы нового поколения, они разбирались и писали комментарии сразу к нескольким каноническим текстам, причем чаще всего и к текстам *цзиньвэнь*, и *гувэнь*. В конечном счете, это не могло не привести к эволюции комментария в новые переходные типы – *тун и* 通義 («проникновение в смысл»), *тун и* 同異 («общее и различное»), *и и* 異義 («различия в смысле»). К этой же категории можно отнести полемические комментарии *нань нань* 難難 («сложности») и парные им комментарии *бо нань* 駁難 («опровержение сложностей»).

Необходимость в этих сравнительных, полемических комментариях стала особенно очевидна в конце Восточной Хань, когда упомянутые *тун жу*, благодаря своей эрудиции, смогли перейти к анализу и сопоставлению сразу нескольких канонических текстов и *чжуаней*. Сопоставление выявляло противоположные взгляды разных традиций по ряду вопросов: налогообложение, титулатура, регуляция союзнических отношений, вопросы ритуала и музыки и многое другое.¹ Примером такого комментария может послужить *У цзин и и* 五經異義 («Различия в смысле Пяти канонов») Сюй Шэня, более знаменитого составлением словаря *Шо вэнь*.² Сюй Шэнь, несмотря на свое широкое образование и знакомство с разными традициями, предпочтение отдавал традиции *гувэнь*, поэтому в этом сочинении в большинстве случаев вставал на сторону трактовок *Цзо чжуань* и других «древних текстов». Структура комментария достаточно проста: Сюй Шэнь приводит две точки зрения по вопросу – *цзиньвэнь* и *гувэнь*, а затем делает краткий вывод, приводя доводы (чаще всего – это цитаты из текстов) в пользу поддерживаемой им

¹ Эти темы представлены в комментарии Сюй Шэня и, как видно, все они носили достаточно практический характер, отвлеченных рассуждений такие комментарии содержали мало (или они были утрачены, поскольку тексты сохранились не полностью).

² Комментарий был утрачен и частично восстановлен только при династии Цин ученым Чэнь Шоуци. Сейчас он обычно публикуется вместе с парным ему комментарием-«опровержением» Чжэн Сюаня – *Бо У цзин и и* 駁五經異義.

позиции. В этом и состоит «переходность» комментариев типа *нань*, *тун и/и и* – они выявили различия между канонами и их разными интерпретациями, проанализировали их, однако принадлежность к той или иной традиции чаще всего заставляла автора отстаивать ту точку зрения, которой он придерживался изначально (как это видно и по историям с Хэ Сю, Сюй Шэнем и др.).

Тем не менее, их появление знаменовало собой очень важный этап развития конфуцианского комментария, поскольку после этого оставалось сделать только один шаг для разрешения существовавших более двухсот лет разногласий. Этот шаг сделал Чжэн Сюань, ученый, открывший новую эпоху конфуцианской экзегетики.

[Академический] комментарий-чжу 注 и [ученический] (суб)комментарий-цзянь 箋

«Совмещай много традиций, но почитай одну» – этот девиз вполне отражает позицию Чжэн Сюаня по отношению к *Песням* в версии Мао. Именно для написания комментария к *чжуани* Мао ученый изобрел (суб)комментарий *цзянь 箋*, причем для его творчества этот комментарий носит уникальный характер – все остальные свои комментарии Чжэн Сюань маркировал *чжу 注*. Это связано с особенностью позиции автора такого комментария, которая заключалась в следующем: оставаясь в рамках выбранной им традиции, и в целом следуя ей он, тем не менее, имел право корректировать ее, развивать и восполнять недостатки.

Самый известный комментарий данного типа – это *Маоши гусюнь чжуань цзянь 毛詩故訓傳箋* («Комментарий к *чжуани* и [филологическому] комментарий к *Песням* [в версии] Мао»). Судя по жизнеописаниям, Чжэн Сюань обучался *Песням* у Ма Жуна и базовой традицией комментирования для него была *гувэнь* версия Мао. При всем к ней уважении, он, тем не менее, не всегда был согласен с имеющимися трактовками, поэтому дополнял их своим мнением, основанном на знании интерпретации *Песен* в школах *цзиньвэнь*, особенно Хань Ина. Именно это и стремится отразить название *цзянь* – по словарю *Шо вэнь*, *цзянь* – это «пояснительная записка к основному тексту», т.е. нечто второстепенное и дополнительное [24, цз. 5-1, с. 339]. Этим Чжэн Сюань показывал, что он, признавая первостепенное значение *чжуани* Мао, просто дополняет ее и разъясняет «темные и недостаточно раскрытые места» [15, цз. 1, с. 269].

Такое понимание *цзянь* как скромного или почтительно-критического комментария поддерживалось и позднее. Например, деятель эпох Троецарствие и Западная Цзинь – Чжан Цзин 張靖 – будучи специалистом по *Гулянь чжуань* к *Чуньцю*, составил к ней комментарий-чжу, а параллельно с этим, как раз с позиции почтительного дополнения составил комментарий-цзянь к небольшому сочинению Чжэн Сюаня *Чуньцю Гулянь чжуань лэй цзи 春秋穀梁廢疾* («Выправленные “Увечные места” *Чуньцю Гулянь чжуань*») [25, цз. 32, с. 932]. В целом же, комментарии *цзянь* не получили широкого распространения после смерти Чжэн Сюаня, что объясняется кризисом учительской преемственности III века и началом периода длительных экзегетических дискуссий. В ходе этого периода

конфуцианские ученые все меньше и меньше стремились выделять какую-то одну школьную традицию или комментарий в качестве опоры своим убеждениям, чему непопулярность *цзянь* служит косвенным доказательством.

В связи с вопросом о логике временной востребованности одних комментариев и невостребованности других, достаточно интересным получается сравнение комментария *цзянь* с другим типом комментария – разъяснением-*цзе* 解, о котором речь пойдет подробно в следующем разделе. В традиционной классификации они стоят на одном уровне [26, цз. 57, с. 1421], и особенно с функциональной точки зрения их многое объединяет – во II веке эти комментарии служили инструментом экзегеты, который хотел официально высказать свое мнение, не порывая с традицией, которую считал для себя базовой. Тем не менее, исторически сложилось так, что если за *цзянь* так и закрепилось определение «скромного» комментария, то разъяснения-*цзе*, обрели второе дыхание в сборниках «сводных разъяснений» *цзи цзе* 集解, начавших набирать популярность со второй половины III века на волне стремления к обобщению дискуссионного материала о канонах и комментариях.

Умение составлять комментарии *чжу*, считается, было унаследовано Чжэн Сюанем от его учителя – Ма Жуна 馬融 (79–166), у которого он находился в обучении несколько лет [28, с. 7]. Однако комментарии Ма Жуна до нас не дошли, из-за чего наиболее ранние *чжу*, доступные для изучения – принадлежат Чжэн Сюаню. В истории китайского каноноведения появление комментария *чжу* произвело настоящую революцию. Это был первый синтетический комментарий, объединивший разные (ранее казавшиеся несовместимыми) каноноведческие традиции и разные приемы комментирования. Кроме того, *чжу* стал не просто первым пофразовым комментарием, но он инкорпорировался непосредственно в комментируемый текст, записываясь меньшим шрифтом. До этого канон и комментарии были разделены и не совмещались воедино [19, с. 64; 27, с. 101]. Эта его особенность отражается и в названии, прямое значение *чжу* – «течь», «вливаться» [24, цз.11–16, с. 965], поэтично намекая на то, что, как течет вода, так и комментарий просачивается в основной текст канона, заполняя место.

Первая особенность *чжу* – его академичность (как минимум, декларируемая на уровне цели и идеала), то есть связь с какой-либо конкретной каноноведческой традицией у него была гораздо слабее, чем у большинства более ранних типов комментария (особенно по контрасту с изобретением Чжэн Сюаня – *цзянь*). *Чжу* вошел в моду тогда, когда конфуцианцы в основном уже стали эрудитами-*тун жу*, а значит так называемое противостояние между течениями *цзиньвэнь* и *гувэнь* утратило свою актуальность, и ему на смену пришла тенденция к их совмещению – «не стоять на позициях [одной] школы» 不立門戶 [29, с. 19]. Чжэн Сюань, действительно, в духе времени не претендовал на монопольное наследование знаний от совершенномудрых в рамках определенной линии учительской преемственности. Наоборот, он подчеркивал, что полагается на кропотливую работу с разными списками текстов.

Вторая особенность *чжу* состояла в разнообразии приемов работы с текстом: сверка разных версий, критика текста и его редакция, филологическое

исследование *сюнь* и *гу*, разъяснение имен, названий и топонимов и, собственно, толкование смысла. Раньше всё это распределялось по разным комментариям и даже имело школьную привязку. Это отличает *чжу*, например, от комментариев-«рассуждений» *шо* 說 – еще одного комментария, сообщавшего личное мнение автора комментария. Тем не менее, *шо* не ставил своей задачей многоаспектно исследовать текст, он лишь излагал точку зрения автора по конкретным вопросам, в подавляющем большинстве случаев имея форму недлинного эссе.

Окончательно *чжу* закрепился на позиции лидирующего типа комментария уже после падения дома Хань, в период Вэй-Цзинь 魏晉 (220–420), когда он утвердился в качестве основной формы экзегезы и для представителей синкретического даосско-конфуцианского учения *сюань сюэ* 玄學.¹ Таким образом, *чжу* полностью отвечал всем запросам представителей этого совмещенного *гу-цзиньвэнь* направления, *тун сюэ* 通學 (обширного/всепроницающего учения), в каноноведении – он позволял органично совмещать разные традиции вместе. Однако нельзя не отметить, что при Восточной Хань все-таки еще сохранялись ученые, которые были категорически против этого совмещения разных каноноведческих традиций и отнюдь не спешили разделить всеобщее увлечение «комплексной интерпретацией» канонов и *чжуаней*. Виднейшим представителем этого «лагеря несогласных» был Хэ Сю, последний при Хань яркий специалист по *Гуньян чжуань*.

Комментарий-«разъяснение» [сложных мест] *цзе* 解

Анализируя тип комментария-*цзе*, необходимо рассмотреть восточноханьскую полемику между сторонниками текстов *Цзо* и *Гуньян*. Последним великим мастером школы *Гуньян* считается известный ученый Хэ Сю (128/129–182). Его отчаянная борьба со смешением *цзиньвэнь* и *гувэнь* интерпретаций хроники *Чуньцю* отчасти зафиксирована в уже приводившейся выше истории о его полемике с Чжэн Сюанем, отчасти отражена в его предисловии к основному сочинению экзегета – *Чуньцю Гуньян чжуань цзе гу* 春秋公羊傳解詁 – это предисловие в данном случае целесообразно привести полностью:

«В древности Кун-цзы говорил: «моя воля [заложена в] *Чуньцю*, а поступки [отражены в] “Каноне о сыновней почтительности”». Два этих учения – наивысшее достижение совершенномудрых, важнейшая сила в управлении государством. Передающие [знания о] *Чуньцю* не едины, [разные сочинения] создаются в нынешний смутный век, среди них много чрезвычайно противоречивых и странных идей, а кто их распространяет – сомнительны и вводят в заблуждение. Даже есть такие, кто нарушает канон, произвольно [следует своим] мыслям, обращается против *чжуани*. Их положение [в обществе] таково, что им задают вопросы, и они [считают, что] не могут коротко говорить. Поэтому на лекциях речи наставников

¹ Ярчайшие представители этого направления – как Ван Би 王弼 (226–149), так и Хэ Янь 何宴 (195–249), писали комментарии к *Чжоу и*, *Дао дэ цзин* и *Лунь юй*, все они были выдержаны в стиле *чжу* [подробнее см. 30].

достигают миллиона слов, особенно когда нет понимания [сути]. Временами вставляют упреки и шутки, притягивают цитаты из других канонов и лишают [исконного] членения текст. Несуществующее превращают в существующее. Плачевных и комических [ошибок] настолько много, что это нельзя записывать. Поэтому те, кто исследуют древнее учение и ценят витиеватые тексты, называются «вульгарными конфуцианцами». Это касается [Цзя] Куя, который при каждом удобном случае лихорадочно строчил, что *Гунъян* [*чжуань*] можно ликвидировать, а [*чжуань*] господина Цзо можно распространять. Жаль, что прежние наставники не могли решить [где правда, а где ложь, в том, что они] наблюдали и слушали, и часто шли на поводу у первого или второго. В наш век эти мелкие теории не сохраняют [традиционный] текст, не поддерживают [традиционные] идеи. Это ошибка, ведущая к полному поражению и потерям основ! Я долго пребывал в тихом отчаянии. Из прежних [теорий] я в какой-то степени опираюсь на «правила истолкования [исторических событий]» Ху-у-шэна и нашел много правильных решений. Я всегда и везде [вносил поправки, будто] выпрямлял кривизну, пользуясь зажимом для выпрямления дерева, и в этом достиг четкого соответствия нормам» [31, Сюй, с. 4–6].

Хэ Сю получил хорошее образование и прекрасно ориентировался во всех канонических текстах, но это не подточило его убеждений, во-первых, в авторитетности школы Гунъян, во-вторых, во вреде смешения трактовок разных школ, ибо от этого слабеют позиции своей собственной (отсюда одно из его сочинений, названное *мо шоу* 墨守, букв. «оборона крепости»). Мысль носила вполне традиционный характер; в этой парадигме ученый и действовал. Проблему составляло то, что по своей природе Хэ Сю не был силен в ораторском искусстве: даже когда ученики подходили к нему с вопросами, он писал им в ответ записки с комментариями, потому что не мог толком изложить свои мысли устно [32, с. 57]. Неудивительно, что придворная карьера также не принесла ему успехов. Он был в хороших отношениях с Чэнь Фанем 陳蕃 (ум. 168 г.), неподкупным политиком-идеалистом, убитым евнухами. Когда это произошло, Хэ Сю как сторонник партии Чэнь Фаня, тоже оказался в тюрьме, где провел более десяти лет. Там он и написал все свои основные комментарии [5, цз. 79-2, с. 2583–2584]. Что в этой ситуации он мог противопоставить оппонентам и чем его комментарий отличался, например, от комментариев-*чжу* Чжэн Сюаня? Как уже говорилось выше, комментарии-*чжу*, получившие распространение в конце эпохи Восточная Хань, по большей части являлись продуктом деятельности *тун жу*, эрудитов, не ограничивавших себя одной традиционной интерпретацией текста. Именно с этой позицией Хэ Сю был категорически не согласен, и его комментарий заявляет другие цели – «разъяснить» (*цзе* 解) текст хроники *Чуньцю* и *Гунъян чжуань*, а также объяснить древние слова (*гу* 詁).

Вместе с тем, Хэ Сю не был первым, кто решил использовать такое название для своего комментария. Объектом его особенно резкой критики являлся Цзя Куй 賈逵 (30–101) – потомок западноханьского ученого Цзя И, один из виднейших представителей течения *гувэнь* в эпоху Восточная Хань. Это был талантливый эрудит-*тун жу*. Его отец Цзя Хуэй обучался тексту *Цзо* у самого Лю Синя [5, цз. 36,

с. 1234], по его стопам пошел и сын, отстаивавший важность закрепления места *боши* за текстом Цзо. В отличие от Хэ Сю, Цзя Куй в свое время пользовался большим расположением императора Чжан-ди 章帝 (Лю Да 劉烜, прав. 75-88), который любил послушать его рассуждения. Результатом стало, в числе прочего, сочинение *Чуньцю Цзо-ши чан цзин* 春秋左氏長經 («Сильные стороны *Чуньцю* господина Цзо»), где он сравнивал Цзо и Гуньян, с целью показать, что Цзо успешнее служит нуждам правящей династии [5, цз. 36, с. 1236].¹

Между этими двумя учеными, несмотря на разделявшую их догматическую пропасть, протянулась одна связующая нить, а именно, для своих основных комментаторских сочинений оба они выбрали тип *цзе* (или еще точнее, *цзе гу* 解詁, то есть «разъяснение с толкованием древних слов»).² Получается, этим типом комментария не пренебрегали ни такие ярые сторонники *цзиньвэнь*, как Хэ Сю, ни такие убежденные представители *гувэнь*, как Цзя Куй. Несколько позднее, последователь Чжэн Сюаня Фу Цянь 服虔 (III в.), тоже сторонник *гувэнь*, напишет разъяснение-*цзе* к тексту Цзо, а еще позднее – Ду Юй прославится составлением к нему «сводных *цзе*».

Комментарии-*цзе* не были изобретением ханьского времени, так же, как и у рассмотренного выше *шо* 說, у этого вида «разъяснения» была своя чжаньгоская предыстория. Семантическое поле иероглифа *цзе* включает в себя такие значения, как «распутывать», «разрубать/раскалывать», «разрешать [проблему]», «выносить решение», в *Шо вэнь* он поясняется через иероглиф 判 – «решать», «отличать», «разделять» [24, цз. 4-1, с. 330].

В памятниках, датируемых от позднего Чжаньго до Хань, находится немало примеров таких «разъяснений»: в составе текста *Гуань-цзы* 管子 четыре главы сопровождаются парными им главами-*цзе* (изначально их было больше, сохранились не все).³ Памятник *Хань Фэй-цзы* (далее ХФЦ) содержит главу *Цзе Лао* 解老 – «Разъяснение [текста] Лао[-цзы]». Название каждой главы *И чжоу шу* 逸周書 («Оставленная книга [дома] Чжоу»)/«Неканонизированные писания [дома] Чжоу» тоже сопровождается иероглифом *цзе*.⁴ Наконец, одиннадцать глав более позднего

¹ А. Э. Терехов в своей диссертации отмечал, что для этих целей Цзя Куй даже доказывал связь Цзо с апокрифическими текстами [33, с. 30].

² Цзя Куй принадлежит текст *Чуньцю Цзо-ши цзе гу* («Разъяснение Чуньцю [в версии] господина Цзо с толкованием древних слов»).

³ Текст приписывается мыслителю и политику периода Чуньцю (770 г. до н.э.–V в. до н.э.) Гуань Чжуну (VII в. до н.э.), однако современная версия *Гуань-цзы* является плодом творчества западноханьского ученого Лю Сяна, ставшего его составителем и редактором. Памятник представляет собой очень интересное собрание разных трактатов, ряд которых имеют больший уклон в даосизм, а некоторые содержат идеи, традиционно связываемые с конфуцианством и легизмом [подробнее см. 34; 35, с. 3–50].

⁴ Традиционной историографией памятник *И чжоу шу* относится к разряду *ца ши* (неофициальные истории). Текст гетерогенный, охватывает немалый спектр тем – астрономия, чиновничий аппарат, посмертные имена, есть и исторические главы, например, с описанием захвата чжоусцами Шан. Имеет достаточно древнее происхождение – конец IV–начало III вв. до н.э. – к этому времени относится сочинение 32 «корневых» глав. Далее, текст видимо редактировался в начале I в. до н.э., получил предисловие, поясняющее назначение каждой из глав, и еще несколько глав, в итоге их

сборника *Кун-цзы цзя юй* 孔子家語 («Беседы в школе Конфуция») маркированы как «разъяснения».¹ В первую очередь можно выделить следующие проблемы. Во-первых, везде ли значение данного иероглифа одинаково? Во-вторых, если *цзе* – это вид комментирующего разъяснения, то что отличает его от прочих комментариев?

Отвечая на первый вопрос, можно с достаточной уверенностью сказать, что во всех случаях, кроме *И Чжоу шу*, иероглиф *цзе* обозначает вид комментария. Комментирующие главы из *Гуань-цзы* строятся по принципу: сначала разъяснение, затем – цитата из комментируемого текста. Фактически, это вариант протопофразового комментария. Комментаторские главы, скорее всего, были написаны одним автором и добавлены к памятнику позднее, приблизительно в I в. до н.э., что проявляется и в языке комментария, отличающемся от базового текста, и в косвенных интерпретациях текста *Хуайнань-цзы* (сер. II в. до н.э.) [35, с. 61].

Глава «Разъяснение [текста] Лао[цзы]» из ХФЦ строится по тому же принципу, что и главы *Гуань-цзы* (разъяснение-цитата), однако автор ХФЦ явно не ставил целью прокомментировать весь текст *Лао-цзы* и сделать это по порядку. «Сюжет» этого комментария выстраивается по ходу мысли комментатора, а не последовательно по содержанию комментируемого текста.

Комментирующие главы *Кун-цзы цзя юй* в своем подавляющем большинстве являются комментариями к *Ли цзи* – иногда к главам из версии *Сяо Дай Ли цзи*, иногда к главам из версии *Да Дай Ли цзи*. Поскольку весь корпус *Кун-цзы цзя юй* обозначен, как «цзя юй», т.е. «школьные беседы», то каждая из его глав фиксирует диалоги Конфуция с учениками и консультировавшимися у него политиками. В том же стиле выдержаны и комментаторские главы, например, глава *Ван янь цзе* 王言解 («Разъяснение речей правителя») содержательно выстроена вокруг главы из *Да Дай Ли цзи* – *Чжу янь* 主言 («Речи хозяина»), однако слова Конфуция немного перефразируются, становятся подробнее и дополняются описанием внешней ситуации, на фоне которой происходит диалог [38, цз. 3, с. 16–27].² Глава *Жу син* 儒

получилось 70. До нашего времени дошло 59 глав, самый ранний комментарий к 42-м из которых написан цзиньским ученым Кун Чао 孔晁 (III в. н.э.) [36, с. 229–232; 37, 34–46].

¹ Текст *Кун-цзы цзя юй* имеет очень непростую историю: несмотря на то, что он приводится в библиографическом трактате *Хань шу* 漢書 и позиционируется как дополнение к *Лунь юю*, большую часть времени он считался подделкой, текстом составленным вэйским ученым Ван Су 王肅 (195–256) для подкрепления своей критики учения Чжэн Сюаня. К такому выводу пришло большинство цинских ученых, и эту точку зрения отстаивал один из виднейших китайских историков и филологов XX века Гу Цзеган. Однако в 70-е годы прошлого века в результате археологических раскопок в провинциях Хэбэй (Динчжоу 定州, Бацзяюлан 八角廊) и Аньхой (Шуангудуй 雙古堆) были вскрыты могилы, датированные 55 г. до н.э. и 165 г. до н.э. соответственно. В первой могиле был обнаружен текст на бамбуковых планках *Жу цзя чжэ янь* 儒家者言 («Речи [представителей] школы жу»), по содержанию имеющий огромное сходство с *Кун-цзы цзя юй*. Во второй могиле были найдены деревянные таблички со списком глав текста *Жу сюэ чжэ янь*, также практически совпадающие с дошедшим до нас *Кун-цзы цзя юй*. Эти находки заставили многих современных ученых пересмотреть свое отношение к памятнику и признать его вероятное древнее происхождение [подробнее см. 39; 38, с. 1–43; 40]. О находках в Динчжоу см. [41, с. 909–941].

² Кропотливое сопоставление текстов *Ли цзи* и *Кун-цзы цзя юй* (не только комментаторских глав, а вообще всего текста) провел китайский исследователь Нин Чжэньцзян, показав, что *Ли цзи* стремится «экономно» приводить высказывания Конфуция, сокращая их, где возможно, в то время как *Кун-цзы*

行 дополняет и расширяет одноименную главу *Сяо Дай Ли цзи*, то же происходит и с другими главами.

Наконец, каждая глава *И чжоу шу* маркирована как «цзе», что само по себе любопытно, потому что текст вроде бы не является комментарием к другому сочинению, а внутри его глав нет четко обозначенной комментаторской части. В связи с этим вопросом мнения исследователей разделились: одни полагают, что здесь *цзе* все-таки обозначает комментарий, поскольку видят инкорпорированные в сам текст глав комментирующие фразы [37, с. 41–46]. Другие считают это натяжкой и склоняются к мысли, что первый комментатор Кун Чао, увидев полурифмованную строфу *И Чжоу шу*, по аналогии с произведениями *юэфу* 樂府 добавил к названию каждой главы иероглиф «цзе», который в данном случае обозначает «строфу», «главу» (в традиционных комментариях к тексту эта идея тоже встречается часто). Тем более, что в ранних библиографических сводах, таких, как *И вэнь чжи* из *Хань шу* нет упоминаний о том, что главы сопровождаются этим знаком [46, с. 57–62; 47, цз. 1, с. 1]. Учитывая содержание и стиль памятника, вторая версия, по которой *цзе* обозначает «главу», а не «комментарий», выглядит более убедительно.¹ С другой стороны, Кун Чао, будучи ученым III века, вполне мог быть подвержен распространенной тогда тенденции – соотносить *цзе* с комментированием древних исторических текстов (в основном, *Чуньцю*) и добавить этот маркер к главам изучаемого им текста.

Таким образом, доханьские *цзе* невозможно объединить по каким-либо формальным признакам. В то время *цзе* воплощали широкий спектр комментаторских функций, среди которых, тем не менее, удастся выделить несколько особенностей:

1) Очевидная привязка к комментируемому тексту. Даже на самом раннем, чжангоском, этапе бытования *цзе* представлял собой вариант пофразового комментария, который, получается, предшествовал *чжу*. Каждый из приведенных выше текстов сообразует новый поворот мысли с цитатой из базового сочинения или вообще его пересказывает, в случае *Кун-цзы цзя юй*.

2) Вольность трактовки базового текста. Так, *Лао-цзы* из ХФЦ служит автору комментария лишь поводом для развития идеи о «недеятельном» управлении государством. Посредством *Лао-цзы* доказывалась необходимость дихотомии процветания и упадка, поощрений и наказаний, культуры и войны и т.д. Понятие

цзя юй добавляет этим диалогам ситуативный «фон» и детали [39, с. 269–322]. Правда из этого анализа делается, на мой взгляд, сомнительный вывод о том, что *Кун-цзы цзя юй* первичен по отношению к *Ли цзи*, поскольку первый подробнее [Там же, с. 334]. На мой взгляд, как раз наоборот, его анализ доказывает, что *Ли цзи*, текст с более-менее достоверной родословной, действительно фиксирует различные диалоги наставников с учениками (был ли это сам Конфуций – вопрос, конечно, спорный), а уже на его основе и как дополнение к нему был создан *Кун-цзы цзя юй*. В этом вопросе гораздо логичнее выглядят рассуждения цинских ученых [см, например, 42]

¹ В тексте *И Чжоу шу* есть и другая интересная деталь – первые три главы маркированы еще и как *сюнь* 訓 «наставление»: *Ду сюнь* 度訓 («Наставление о мерах»), *Мин сюнь* 命訓 («Наставление о велении») и *Чан сюнь* 常訓 («Наставление о постоянстве»), очевидно, тоже имея свои жанровые особенности.

ритуала, гуманности, Дао-пути и силы-дэ получают оригинальную интерпретацию на стыке даосского, легистского и конфуцианского дискурсов [48, цз. 6, с. 370–380]. *Гуань-цзы* тоже легко метафорически трактует свой текст, склоняясь в сторону легистско-конфуцианской интерпретации, обходя стороной даосские мотивы. Так «гора» из базового текста (山高而不崩, 則祈羊至矣) в комментарии сразу превращается в целый ряд образов «высоты» – милосердие хозяина, сострадание родителей, верность подданных, почтительность детей и жен [43, цз. 64, с. 1166].

3) *Цзе* во всех вышеперечисленных вариантах не содержит элементов филологического исследования; этот комментарий интерпретирует только смысл текста (поэтому Хэ Сю, писавший свой комментарий уже при Хань, специально добавил к названию 古語, чтобы подчеркнуть, что его комментарий содержит еще и исследование древних слов).

4) Все указанные комментарии не являются полемическими или критическими, они не содержат оценки других трактовок базового текста. Даже Хэ Сю избегает этого – он замыкается в мире *Гунъян чжуань*, делая вид, что других интерпретаций просто не существует. Однако если бы этот комментарий излагал лишь точку зрения выбранной традиции, то он бы ничем не отличался от *чжуань*, а он, очевидно, ею не является в силу своей пятой особенности.

5) Комментарий *цзе* излагает личную точку зрения автора, которая не является общепринятой (потому это не *чжуань*), он не сопоставляет разные точки зрения и разные традиции (потому это не *чжу* и не *цзянь*). Поскольку текст авторский, то это и не безымянные *цзи* (тем более в их более позднем варианте – когда они просто стали комментариями в форме сборника цитат).

Наконец, представляется важным сопоставить *цзе* и *шо*, поскольку оба комментария призваны до определенной степени высказать личное мнение автора. Здесь имеет смысл выделить несколько этапов развития данных комментариев: в разные эпохи им отводились разные функции, что как бы снижало конкуренцию между ними:

Цзе: в доханьский период *цзе* фактически был единственным вариантом достаточно независимого прото-пофразового комментария. В эпоху Западная Хань, учитывая главенство *чжан цзюй*, *цзе* не пользовался популярностью, и вошел в употребление только при Восточной Хань. В III-VI веках он приобретает форму сборников «сводных разъяснений» *цзи цзе*, а при династии Сун, на общей волне противостояния «ханьскому начётничеству» становится одним из самых востребованных форм пофразового комментария – умеренно высказывающего оригинальные идеи автора, досконально исследующего «сложные» места канона.

Шо: в доханьский период комментирующая функция *шо* связывалась с аргументативной практикой. При Хань *шо* формализовались в комментарий, однако все-таки были малочисленны, и пользовались популярностью только среди экзегетов-ицинистов. В эпоху Сун для него наступает пора настоящего расцвета: *шо* разворачивается в качестве эссеистического философского комментария, все заметнее уходя непосредственно от текста канона и позволяя автору развивать свои собственные идеи.

Статистика библиографических разделов династийных историй говорит сама за себя:

В *Суй шу* и *Синь Тан шу* комментариев *цзе* к текстам Пятиканония насчитывается только 20 и 21 соответственно [25, цз. 32, с. 903–951; 26, цз. 57, с. 1421–1452];

В *Сун ши* – уже порядка 120 (если без учета «сводных разъяснений» *цзи цзе*, если вместе с ними, то около 150) [44, цз. 202, с. 5031–5083].¹

Чтобы показать, как, собственно, работали с текстом ранние комментарий *цзе*, вернемся к комментарию *цзе гу* Хэ Сю к *Гунъян чжуань*. Сам Хэ Сю уточняет, что методологически следует за Ху-у-шэном, который уже до него исследовал «нормы» историописания в *Чуньцю (тяо ли 條例)* [31, Сюй, с. 9].² То есть Хэ Сю напрямую не противопоставлял себя традиции; большинство его идей уже содержалось, если не у Ху-у Шэна, то у Дун Чжуншу – точно. Однако он вводит в этот анализ «смысла и норм» (*и ли 義例*) новые параметры: природные бедствия связывает с конкретными делами людей, часто привлекает апокрифическую литературу [45, с. 223–227]. Хэ Сю действительно удалось объяснить в тексте *Гунъян* то, что до него еще никто не объяснял, однако в конечном счете, это привело только к большей мистификации канона, а вдохнуть новую жизнь в деятельность школы не смогло.

Востокоханьские разъяснения-*цзе* преимущественно составлялись учеными с позиции школьного превосходства и с претензией на умение разъяснять особо сложные места канона – это равно справедливо для подхода и Хэ Сю, и Цзя Куя. Когда во второй половине III века началась мода на компиляцию и анализ комментариев в формате сборников-*цзи*, именно комментаторский тип *цзе* был задействован в наибольшей степени, как разрешающий сомнения, систематизирующий и усложняющий анализ на базе уже имеющихся материалов. Тем не менее, указанная практика «распутывания» узла смыслов оставалась наиболее характерна для специализированных толкований *Чуньцю*, о чем свидетельствует очень малое количество комментариев-*цзе* к другим текстам Пятиканония, например, за период с конца II века по VI век: к *Переменам* было составлено 2 *цзе*, к *Песням* – 1 *цзе*, к *Документам* – 1 *цзе* (все они – в формате сборника-*цзи*), к *Ритуалам* – 2 (1 *цзи цзе*, 1 *люй цзе*), в то время как к *Чуньцю* – 13 *цзе* (7 из которых сборники-*цзи*) [подсчет по данным *Суй шу*, цз. 32]. *Цзе* проигрывали по популярности другим комментаторскими типами вплоть до эпохи Сун, когда их начали использовать в качестве альтернативы комментарию-*чжу*.

Список использованных источников и литературы

1. Ши цзи 史記 (Исторические записки) / Сост. Сыма Цянь 司馬遷 (145/135–ок. 86 до н.э.). В 10 тт. – Пекин: Чжунхуа, 1963. – 3322+33+23 с.

¹ С рассуждениями-*шо* та же ситуация: в *Синь Тан шу* – их всего 5, а в *Сун ши* – уже около ста.

² Под этими «нормами» подразумеваются устойчивые правила изложения событий, которым, по мысли мастеров Гунъян, следовал составитель Чуньцю. Например, если сообщается, что кто-то убил князя, то этот убийца далее никогда не будет упомянут в летописи – в осуждение поступка. Соответственно, можно выделить такие же нормы, указывающие на одобрение поступка или личности [подробнее см. 45, с. 36–40, с. 227–228].

2. Вэнь сянь тун као 文獻通考 (Всепроникающее исследование письменных памятников) / Сост. Ма Дуаньлинь 馬端臨 (1245–1325). В 14 тт. – Пекин: Чжунхуа, 2011. – 9672 с.
3. Хань шу бу чжу 漢書補注 («Книга [об истории эпохи Ранняя] Хань» с дополненным комментарием) / Сост. Бань Гу 班固 (32–92), комм. Ван Сяньцяня 王先謙 (1842–1917). В 12 тт. – Шанхай: Шанхай гуцзи, 2008. – 6311 с.
4. Сюй Даосюнь 許道勛, Сюй Хунсин 徐洪興. Чжунго цзинсюэ ши 中國經學史 (История китайского канонovedения). – Шанхай: Шанхай жэньминь, 2006. – 454 с.
5. Хоу Хань шу 後漢書 (Книга [об истории эпохи] Поздняя Хань) / Сост. Фань Е 范曄 (398–445). В 12 тт. – Пекин: Чжунхуа, 1965. – 3684 с.
6. Пи Сижуй 皮錫瑞 (1850–1908). Цзинсюэ лиши 經學歷史 (История канонovedения). Пекин: Чжунхуа, 2011. – 267 с.
7. Tsai, Yen-zen. Ching and Chuan: Towards Defining the Confucian Scriptures in Han China (206 BCE–220 CE). [PhD Diss]. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University, 1992. – x+355 p.
8. Цянь Му 錢穆 (1895–1990). Лян Хань цзинсюэ цзинь гу вэнь пин и 兩漢經學今古文評議 (Обсуждение канонovedения [школ] старых и новых текстов двух [эпох] Хань). – Пекин: Шаньгу иньшугуань, 2015. – 508 с.
9. Дун ду фу 東都賦 (Ода Восточной столице) / Бань Гу 班固 (32–92) // ВС, С. 28–40.
10. Янь Чжэн 嚴正. У цин чжэсюэ цзи ци вэньхуа сюэ дэ чаньши 五經哲學及其文化學的闡釋 (Философия «Пятиканония» и ее культурологическая интерпретация). – Цзинань: Цилу шушэ, 2001. – 533 с.
11. Knechtges, David R. The Liu Hsin / Yang Hsiung correspondence on the Fang Yen // Monumenta Serica, 33, 1977. – Pp. 309–325.
12. Knechtges, David R. The Han rhapsody: a study of the fu of Yang Hsiung, 53 B.C.-A.D. 18. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1976. – XIV+160 pp.
13. Ван Цин 王青. Ян Сюн пин чжуань 楊雄評傳 (Критическая биография Ян Сюна). – Нанкин: Наньцзин дасюэ чубаньшэ, 2000. – 407 с.
14. Nylan, Michael. The «Chin Wen/Ku Wen» Controversy in Han Times // TP 80, 1994. Pp. 83–145.
15. Мао ши чжэн и 毛詩正義 (Выправленный смысл «Песен» [в версии] Мао) / Комм. Мао Хэна 毛亨, субкомм. Чжэн Сюаня 鄭玄 (127–200), субкомм. Кун Ин-да 孔穎達 (574–648) и др. // ШСЦЧШ, С. 259–630.
16. Чжоу Юйтун 周予同 (1898–1981). Чжунго цзинсюэ ши луньчжу сюаньбянь 中國經學史論著選編 (Сборник статей по истории китайского канонovedения). – Шанхай: Фудань дасюэ, 2015. – 583 с.
17. Шишмарёва Т. Е. Некоторые особенности перевода канона Эръя 爾雅 // Общество и государство в Китае: 46 научная конференция. – М.: ИВ РАН, №. 20-1, 2016. – С. 254–262.
18. Эръя и чжу 爾雅譯注 ([Словарь] «Приближение к классике» с комментарием и переводом). Шанхай: Шанхай гуцзи, 2004. – 462 с.
19. Чжоу Дапу 周大璞. Сюньгу сюэ чугао 訓詁學初稿 (Предварительное исследование [китайской традиционной филологической] науки сюньгу). – Ухань: Ухань дасюэ, 2007. – 456 с.
20. Фэн Хаофэй 馮浩菲. Чжунго сюньгу сюэ 中國訓詁學 (Китайская наука сюньгу). – Цзинань: Шаньдун дасюэ, 1995. В 2 т. – 618 с.
21. Gardner, Daniel K. Confucian Commentary and Chinese Intellectual History // The Journal of Asian Studies, 57 (2), 1998. – Pp. 397–422.
22. Gardner, Daniel K. Zhu Xi's Reading of the Analects: Canon, Commentary, and the Classical Tradition. – New York: Columbia University Press, 2003. – 226 p.
23. Ess, Hans van. The Old Text / New Text Controversy. Has the 20th Century Got It Wrong? // TP 80, 1994. Pp. 146–170
24. Шо вэнь цзе цзы чжу 說文解字注 (Шовэнь цзецзы с комментарием), в 2 тт. / Сост. Сюй Шэнь許慎 (ок. 58–147), комм. Дуань Юйцай 段玉裁 (1735–1815). – Нанкин: Фэнхуан чубаньшэ, 2007. – 1456+131+66 с.
25. Суй шу 隋書 (Книга [о династии] Суй) / Сост. Вэй Чжэн 魏徵 (580–643) и др. В 6 тт. – Пекин: Чжунхуа, 1982. – 1904 с.

26. Синь Тан шу 新唐書 (Новая книга [о династии] Тан) / Сост. Оуян Сю 歐陽修 (1007–1072) и др. В 20 тт. – Пекин: Чжунхуа, 1975. – 6472 с.
27. Чжан Тайянь 章太炎 (1869–1936). Гогу луньхэн 國故論衡 (Взвешенные суждения о национальной культуре). – Пекин: Шаньбу иньшугуань, 2010. – 285 с.
28. Ши Инъюань 史應勇. Чжэн Сюань тунсюэ цзи Чжэн Ван чжи чжэн яньцзю 鄭玄通學及鄭王之爭研究 (Исследование всепроникающего учения Чжэн [Сюаня] и его споров с Ван [Су]). – Чэнду: Башу шушэ, 2007. – 400 с.
29. Ли Юньгуан 李雲光. Сань Ли Чжэн-ши сюэ фа фань 三禮鄭氏學發凡 (Основное содержание учения господина Чжэна о трех [Канолах] Ритуалов). – Шанхай: Хуадун шифань дасюэ, 2012. – 784 с.
30. Юй Дунькан 余敦康. Вэй Цзинь сюань сюэ ши 魏晉玄學史 (История сюань сюэ в период Вэй-Цзинь). – Пекин: Бэйцзин дасюэ, 2016. – 506 с.
31. Чуньцю Гуньян чжуань чжу шу 春秋公羊傳注疏 (Чуньцю Гуньян чжуань с комментарием и субкомментарием), в 2 т. / Комм. Хэ Сю 何休 (129–182), субкомм. Сюй Янь 徐彥 (эп. Тан). – Шанхай: Шанхай гуцзи, 2013. – 1224 с.
32. Хуан Пуминь 黃樸民. Хэ Сю пин чжуань 何休評傳 (Критическая биография Хэ Сю). – Наньцзин: Наньцзин дасюэ, 1998. – 342 с.
33. Терехов А. Э. Представления о совершенных мудрецах (шэн) в ханьских апокрифах (чэнь вэй). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – СПб: ИВР РАН, 2016. – 272 с.
34. Чжан Гу-е 張固也. Гуань-цзы янь цзю 管子研究 (Исследование [текста] Гуань-цзы). – Цзинань: Цилу шушэ, 2006. – 414 с.
35. Rickett, W. Allyn. Guanzi – Political, Economic, and Philosophical Essays from Early China, Volume 1, Chapters 1, 1-XI, 34, and XX, 64-XXI, 65-55. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1985. – 485 p.
36. Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide / Ed. by M. Loewe. – University of California: Institute of East Asian Studies, 1993. – 545 p.
37. Хуан Хуайсинь 黃懷信. И Чжоу шу цзюэ бу чжу ши 逸周書校補注釋 (И Чжоу шу с поправками и комментированным переводом). – Сиань: Саньтай, 2006. – 422 с.
38. Кун-цзы цзя юй тун цзе 孔子家語通解 (Кун-цзы цзя юй с общим разъяснением) / Сост. Ян Чаомин 楊朝明, Сун Лилинь 宋立林. – Цзинань: Цилу шушэ, 2009. – 586 с.
39. Нин Чжэньцзян 寧鎮疆. Кун-цзы цзя юй синь чжэн 孔子家語新證 (Новые доказательства [аутентичности текста] Кун-цзы цзя юй). – Шанхай: Чжунси шуцзю, 2017. – 464 с.
40. Kramers, Robert Paul. K'ung Tzu Chia Yü: The School Sayings of Confucius. – Leiden: Brill, 1950. – XII+406 pp.
41. Els, Paul van. Dingzhou: The Story of an Unfortunate Tomb // Asiatische Studien-Études asiatiques. 63 (4). – Pp. 909–941.
42. Фань Цзясян 範家相 (ум. 1768 г.). Цзя юй чжэн вэй 家語證僞 (Аргументированное [исследование] недостоверности «[Кун-цзы] цзя юй») // Вэньсюэ шаньфан цуншу. В 15 тт. – Чэнду: Башу шушэ, 2010. – Т. XIV, С. 6679–7156.
43. Гуань-цзы цзюэ чжу 管子校注 («Гуань-цзы» с комментарием и исправлениями) / Комм. Ли Сяньфэн 黎翔鳳 (XIX в.). В 3 т. – Пекин: Чжунхуа, 2004. – 1543 с.
44. Сун ши 宋史 (История [династии] Сун) / Сост. Тогто 脫脫 (1314–1355). В 40 тт. – Пекин: Чжунхуа, 1977. – 14263 с.
45. Чжао Босюн 趙伯雄. Чуньцю сюэ ши 春秋學史 (История изучения Чуньцю). – Цзинань: Цилу шушэ, 2004. – 793 с.
46. Ван Ляньлун 王連龍. И Чжоу шу янь цзюэ 逸周書研究 (Исследование «И Чжоу шу»). – Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2010. – 343 с.
47. И Чжоу шу хуэй цзюэ цзи чжу 逸周書彙校集注 (И Чжоу шу со сводным комментарием и исправлениями) / Сост. Хуан Хуайсинь 黃懷信, Чжан Маожун 張懋鎔, Тянь Сюйдун 田旭東. В 2 тт. – Шанхай: Шанхай гуцзи, 2007. – 1241 с.

48. Хань Фэй-цзы синь сяо чжу 韓非子新校注 («Хань Фэй-цзы» новый сверенный текст с комментарием) / Комм. Чэнь Ци-ю 陳奇猷. В 2 тт. – Шанхай: Шанхай гуцзи, 2000. – 1277 с.

Bonch-Osmolovskaya O. A. Confucian commentary during the Han period

This paper explores some aspects of the Confucian exegetical system during the Han period (206 BC – 220 AD). The analysis is based on the research of the types of Confucian commentary which formed or became highly engaged in Confucian exegetics during this period. A detailed study of the process of the formation of Confucian commentarial types allows tracing key trends in Confucian exegetical thought. The rule of Han dynasty is one of the most important periods in the history of Confucian exegetics, the period when not only canonical studies were institutionalized and first texts were canonized, but when an intellectual foundation and a vector for the further development of this area were established, which considerably determined moments of its future prosperity and decline. This paper surveys main features of commentarial types which were widely used in Han exegetics – zhang ju 章句, xungu 訓詁, zhu 注, jie 解, jian 箋 – and discusses their origin, specific functions as well as the reasons why there was a need to develop new ways of interpreting canonical texts. This offers a window into the development of the exegetical features of Western and Eastern Han periods. While the majority of Han commentaries were lost, some of them were reconstructed in Qing collections, mentioned in Standart Histories or at least in bibliographic treaties. All this gives a lot of material to analyze how zhang ju became unpopular, who and why supported xungu, why commentaries of zhu type were revolutionary for Confucian exegesis, what the main specialization did the commentary of jie type have and why jian-commentaries never became widely used among Confucian scholars.

Keywords: exegetics, Confucianism, Confucian commentaries, jing xue, Five Classics, Han period, zhang ju, xungu, zhuan

УДК 93.3

ПРОТИВОРЕЧИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И СЕКУЛЯРИЗАЦИИ В ЛИТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ

Кирчанов М. В.

*Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Российская Федерация
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

Автор анализирует особенности и противоречия модернизации и секуляризации в литовской идентичности второй половины 1930-х в контекстах наследия Винцаса Миколайтиса-Путинаса, включая романы «В тени алтарей» и «Кризис». Автор полагает, что литовский поэт и прозаик начинал как символист, но постепенно мигрировал в модернистскую поэтику. Предполагается, что Винцас Миколайтис-Путинас пытался деконструировать традиционный романтический дискурс, содействуя прогрессу модернистских тенденций в литовской прозе. Показано, что Винцас Миколайтис-Путинас как писатель верил в свободу творчества, не проявляя политических амбиций. Поэтому, предполагается, что классик литовской литературы занимал конформистскую позицию, адаптируясь к независимой и советизированной Литве. В целом, автор полагает, что роль Винцаса Миколайтиса-Путинаса в модернизации литовской идентичности не исследована в достаточной степени, а его вклад в секуляризацию недооценен.

Ключевые слова: Винцас Миколайтис-Путинас, литовская идентичность, национализм, модерн, модернизация, секуляризация, Католическая Церковь

XX век вошел в историю Европы как эпоха социальных, политических и культурных модернизаций, которые после завершения первой мировой войны, распада европейских континентальных империй, появления на карте Европы новых национальных или национализирующихся государств, раскола мира по идеологическому принципу приобрели универсальный и фактически всеобщий неизбежный характер. Процессы модернизации активизировались не только в странах «старой» Европы, но и в новых европейских государствах, которые возникли после распада империй, включая Российскую.

Целью автора данной статьи будет анализ особенностей процесса секуляризации как части модернизации в Литве в период между двумя мировыми войнами в контекстах развития литовской интеллектуальной традиции в контексте наследия В. Миколайтиса-Путинаса, одного из лидеров литовского интеллектуального сообщества в период между двумя мировыми войнами.

Негативные стартовые условия и противоречия модернизации. Одним из таких динамично национализирующихся государств и модернизирующихся обществ стала Литовская Республика, несмотря на чрезвычайно негативные стартовые условия. Литва до распада Российской Империи представляла регион с католическим населением, а католицизм был важным фактором социальной и культурной консервации общества, несмотря на активное националистическое движение на протяжении всего, предшествующего, XIX века. Литва к 1918 году была одним из государств-аутсайдеров: местные политические элиты не смогли

успешно конкурировать с Польшей и, поэтому, польские войска отторгли Вильнюс и прилегающий регион, что в значительной степени травмировало идентичность и национальное самосознание литовцев, которые принадлежали к числу динамично национализирующихся групп, трансформирующихся из традиционных аграрных крестьянских сообществ в современную нацию-государство.

Эти стартовые условия восстановленной литовской государственности не освобождали элиты от решения целого ряда других задач, связанных с политической, социально-экономической и культурной модернизацией, потому что уже в первые годы независимости стало понятно, что недостаточно трансплантировать западные институты в силу того, что их перенос в литовские контексты не означал автоматического запуска механизма модернизации. В политическом плане проект модернизации был сравнительно быстро свернут или взят под контроль, так как в 1926 году был свергнут демократически избранный сеймом президент Казис Гринюс (Kazys Grinius), которого сменил Антанас Сметона (Antanas Smetona). Модернизация продолжилась в социальной, культурной и интеллектуальной сферах и протекала в форме секуляризации, хотя основная волна секуляризационных процессов и формирования литовского общества потребления пришлось на более поздний, советский, период.

Литовские интеллектуалы и попытка модернизации 1930-х годов: социальные и культурные контексты. Отказавшись от изложения содержательной части текстов Винцаса Миколайтиса-Путинаса и в силу того, что они доступны в многочисленных изданиях как на литовском, так и на русском языке, обратимся к интерпретации его наследия в контексте проблем и противоречий литовской модели модернизации и секуляризации как ее частного случая. Винцас Миколайтис-Путинас начинал свою литературную карьеру как символист, но достаточно быстро отошел от символистской поэтики и эстетики, постепенно мигрируя в направлении модернизма.

Кроме этого, Винцас Миколайтис-Путинас практически сразу заявил о себе, как и о литературном критике [10], который содействовал интеграции литовской литературы в большие западные европейские контексты. Поэтому, как полагает Виктория Дауйотите, Винцас Миколайтис-Путинас принадлежал к числу тех литовских интеллектуалов, которые были активно вовлечены в «поиск контакта национальной культуры с Европой, с западной культурой» [3, p. 179]. Известно, что Винцас Миколайтис-Путинас получил религиозное образование, и дало некоторым критикам повод обвинять его в конформизме, подчеркивая, что «религия – это только наследство родителей, просто обычный образ жизни, только традиция. Будучи священником, он рассчитывал, что сможет работать спокойно на благо родителей и родственников, иметь необходимое уважение и материальное благополучие» [4]. Романы «В тени алтарей» («Altorių šešėly» [8], 1933) и «Кризис» («Krizė» [9], 1937) актуализировали кризис идентичности, вызванный политической модернизацией, трансформацией литовских крестьян в литовскую нацию, а также эрозией традиционных социальных и религиозных ценностей, которые определяли основные векторы и траектории развития литовской идентичности.

Конформизм литовских интеллектуалов. Отношения писателя с критикой были достаточно спокойными и стабильными, так как, по мнению Юозаса Кялюотиса, Винцас Миколайтис-Путинас «никогда не шел против ветра... Миколайтис-Путинас не пережил ни одного крупного шторма в жизни. Ни одно правительство не преследовало его, хотя они менялись несколько раз... у него не было личных врагов, которые бы отравляли его жизнь» [4]. По мнению современников, Винцас Миколайтис-Путинас был писателем-конформистом и «почти все всегда относились к нему с сочувствием, все пытались помочь ему, понять его и оправдать. И католическое общество не разозлилось на него, когда он отверг священство и женился. И советское правительство не наказывало его за некоторые антисоветские стихи, написанные во время немецкой оккупации. И националисты не осудили его слишком сильно за советские стихи, за восхваление Сталина и за осуждение Пастернака» [5].

Кроме этого, критики признают, что В. Миколайтис-Путинас «никогда не хотел спорить с кем-либо, всегда старался поддерживать дружеские отношения со всеми, всегда был смиренным, униженным, улыбающимся для всех и всех в ожидании благосклонности» [7]. Поэтому, младшие современники писателя признают, что он не поддерживал и не понимал их попыток бороться «против импрессионизма, экспрессионизма, неоромантизма, всех модернистских тенденций» [6].

От адаптации и протеста к статусу жертвы: литовское интеллектуальное сообщество 1930-х гг. Проза В. Миколайтиса-Путинаса актуализировала проблемы кризиса идентичности, включая рост отчужденности человека от общества, к которому тот формально принадлежал [13], а также индивида от нации, хотя эти идеи стали заметны уже в его поэтических текстах второй половины 1920-х годов [11]. Эта проблема была особенно актуальной для динамично национализировавшихся обществ межвоенной Европы, где политические элиты активно стремились строить нацию и нацию-государство. В Литве же этот процесс сталкивался с многочисленными препятствиями, вызванными утратой части исторических территорий, в том числе и Вильнюса, который имел символическое и сакральное значение для литовского идентичности.

Тексты В. Миколайтиса-Путинаса отразили противоречия модернизации и секуляризации, став отражением тех поисков, которые вели литовские интеллектуалы, формируя и изобретая культурные и политические традиции между тремя полюсами, которыми, по выражению Нериюса Бразаускаса, стали «история, время и идентичность» [1]. Не менее протестным оказался и «Кризис», который не был принят в советской литовской критике и никогда не переводился на русский язык, несмотря на то, что мог быть вполне интегрируем в официальный канон коммунистической идеологии, потому что Винцас Миколайтис-Путинас, не будучи тогда советским писателем, воспринимал ситуацию с экономически детерминированных позиций, описывая кризис следующим образом: «Кризис! Да, пресса только о нем и пишет. Скандалы на американских фондовых биржах, рост числа безработных в Англии и других странах, новая таможенная система в Германии, перепроизводство в промышленно развитых странах – все это

происходило на глазах Висвидиса, но для него, не экономиста и не политика, казалось, что все это не затрагивает Литву. Мало ли что происходит в мире!» [9].

Протестность этого романа содержалась преимущественно в том послании, которое автор предложил читателям. Винцас Миколайтис-Путинас в этом романе фактически проявил себя как автор-демиург, писатель-деконструктор, который последовательно вытравливал из литовской прозы романтического героя, «*tylus, melancholiškas jaunuolis*» («тихого меланхолического молодого человека»), «*svajotojas, gamtos mėgėjas, nekenčiąs triukšmo ir minios*» («мечтателя, любителя природы, ненавидящего толпу и шум»), и решительно разрушал и пытался демонтировать из литовской идентичности ее архаические, домодерные и патриархальные компоненты, которые доминировали в «старые времена» («*seni laikai*»). Проза Винцаса Миколайтиса-Путинаса 1930-х стала попыткой отрицания и деконструкции патриархального и архаического мифа о золотом веке литовцев как крестьянской нации, на смену которой приходила новая, современная, нация граждан.

Романы В. Миколайтиса-Путинаса одновременно отражают противоречия творческой биографии их автора, а также актуализируют проблемы принудительной модернизации Литвы как национализирующегося государства. Вероятно, Альфонсас Ника-Нилюнас был прав, когда назвал В. Миколайтиса-Путинаса одной из самых трагических фигур в истории литовской литературы [13]. Не менее емкую характеристику этой особенности творческого наследия литовского классика, который смог вписаться в советский дискурс и стать его составной частью [2], дал его соотечественник, поэт и ученый, Томас Венцлова: «поэт Винцас Миколайтис-Путинас, уже немолодой и почтенный, некоторое время молчал, но вскоре начал публиковать то, что положено. В повесть о 1863 годе он протащил фразу: дескать, нация должна созреть не только для свободы, но и для неволи. По-моему, эта фраза капитулянтская... Путинас писал стихи в стол... и был отчаянно несчастен, умер после многих лет такой жизни. Ему устроили официальные похороны» [14; 15]. Истоки идеи о неволе как факторе развития и модернизации нации, вероятно, следует искать в прозе Винцаса Миколайтиса-Путинса того периода, когда Литва была независимым государством, потому что писатель мучительно переживал духовную и индивидуальную несвободу до разрыва с Католической Церковью («В тени алтарей») и формирующуюся культурную несвободу нового возникающего общества потребления («Кризис»).

Предварительные выводы. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, которые определяли процессы модернизации, включая секуляризацию, в Литве в период существования Первой Республики. Модернизация и секуляризация, как ее частный случай, протекали в Литве в период между двумя мировыми войнами крайне медленно в силу нескольких причин. Во-первых, существовал значительный хронологический разрыв между средневековыми и новейшими традициями литовской государственности. Во-вторых, определенную роль сыграли ассимиляционные потери в результате колонизации.

В-третьих, до восстановления политической независимости литовская идентичность не принадлежала к числу престижных, конкурируя с польской. В-

четвертых, истоки непрестижности литовской идентичности лежали в социальной сфере, так как большинство литовцев принадлежало к крестьянам, что превращало Литву в традиционную и менее развитую периферию в сравнении с соседними регионами, Латвией и Эстонией, где существовало больше условий для социальной и экономической модернизации. В-пятых, процессы модернизации и секуляризации замедлялись значительной ролью католицизма в обыденной, общественно-политической жизни, а также – в культурной и интеллектуальной сферах Литовской Республики. Если темпы социальной и экономической модернизации были замедленны, то культурные скорости интеллектуальных перемен были гораздо выше.

Литовские интеллектуалы в этой ситуации стали сторонниками модернизации несмотря на то, что социальные и экономические условия явно не совпадали с их устремлениями. Культурные перемены, с одной стороны, становились видимыми быстрее, чем изменения в других сферах. вероятно именно эта склонность отвергать традиционное как архаическое частично предопределила в Литве успех советской модернизации после того, как Литва была советизирована и интегрирована в СССР в качестве союзной республики, что ставит перед историками новые задачи изучения преемственности или дискретности в истории модернизации в Литве XX века.

Список использованных источников и литературы

1. Brazauskas N. Kultūrinė atmintis Jurgio Gliaudos romanuose: tarp istorijos, laiko ir tapatybės // OIKOS. – 2013. – № 1 (15). – P. 101 – 113.
2. Brazauskas N. Šiuolaikinio lietuvių romano populiarumas: tarp žanro, rinkos ir pozicijos // Colloquia. – 2012. – № 29. – P. 152 – 169.
3. Daujotytė V. Lietuvių literatūros kritika. – Vilnius: VU leidykla, 2007. – 442 p.
4. Juozas Keliuotis apie Vincą Mykolaitį-Putiną // XXI amžius. – 2008. – № 2 (1595). – sausio 9 d. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.xxiamzius.lt/numeriai/2008/01/09/mem_01.html
5. Juozas Keliuotis apie Vincą Mykolaitį-Putiną // XXI amžius. – 2008. – № 4 (1597). – sausio 16 d. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.xxiamzius.lt/numeriai/2008/01/16/mem_01.html
6. Juozas Keliuotis apie Vincą Mykolaitį-Putiną // XXI amžius. – 2008. – № 8 (1601). – sausio 30 d. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.xxiamzius.lt/numeriai/2008/01/30/mem_01.html
7. Juozas Keliuotis apie Vincą Mykolaitį-Putiną // XXI amžius. – 2008. – № 10 (1603). – vasario 6 d. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.xxiamzius.lt/numeriai/2008/02/06/mem_01.html
8. Mykolaitis-Putinas V. Altorių šešėly. – Kaunas: "Šviesos", 1933. Vol. 1 – 3. 408 p.; 388 p.; 408 p.
9. Mykolaitis-Putinas V. Krizė. – Kaunas: "Viltis", 1937. – 330 p. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tekstai.lt/tekstu-naujienos/7583-vincas-mykolaitis-putinas-krize-1937>
10. Mykolaitis-Putinas V. Mūsų futuristai (1926) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tekstai.lt/literaturiniai-sajudziai/202-keturi-vejai/1535-vincas-mykolaitis-putinas-musu-fururistai-1926>
11. Mykolaitis-Putinas V. Pesimizmo himnai (1925) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tekstai.lt/tekstai/291-mykolaitis-putinas-vincas/2803-vincas-mykolaitis-putinas-pesimizmo-himnai>
12. Nyka-Niliūnas A. Putinas gyvenimo ir kūrybos prieštarose [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tekstai.lt/tekstai-apie-tekstus/94-bendroji-literatros-kritika/7607-putinas-gyvenimo-ir-kurybos-priestarose>
13. Smolskienė L. V. Mykolaičio-Putino kūryba – aktuali krizę išgyvenančiai Europai [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.15min.lt/kultura/naujiena/literatura/v-mykolaicio-putino-kuryba-aktuali-krize-isgyvenanciai-europai-286-915248>

14. Venclova T. Dialog o Wilnie; wespól z Czesławem Miłoszem. – Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1981. 48 p.
15. Venclova T. Vilnius: asmeninė istorija. – Vilnius: R. Paknio leidykla, 2011. 200 p.

Kyrchanoff M. W. Contradictions of modernization and secularization in Lithuania in the second half of the 1930s

The author analyzes the peculiarities and contradictions of modernization and secularization in the Lithuanian identity of the second half of the 1930s in the context of the heritage of Vincas Mykolaitis-Putinas, including his novels «In the Shadow of Altars» and «Crisis». The author believes that the Lithuanian poet and prose writer began as a symbolist, but migrated to modernist poetics gradually. It is assumed that Vincas Mykolaitis-Putinas tried to deconstruct traditional romantic discourse, promoting the progress of modernist tendencies in Lithuanian prose. Vincas Mykolaitis-Putinas, as a writer, believed in creative freedom and did not express political ambitions. Therefore, it is assumed that the classic of Lithuanian literature was a conformist, who adapted to an independent and Sovietized Lithuania. In general, the author believes that the role of Vincas Mykolaitis-Putinas in the modernization of Lithuanian identity has not been studied sufficiently, and his impact to secularization is underestimated.

Keywords: Vincas Mykolaitis-Putinas, Lithuanian identity, nationalism, modern, modernization, secularization, Catholic Church

УДК 9.94

ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ОЦЕНКИ АНТОНИО ГРАМШИ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Коскова А. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: annakoskovait@gmail.com*

Рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы в западной историографии по теме взгляда Антонио Грамши на Октябрьскую революцию и Гражданскую войну в России, затрагиваются вопросы дистанцирования Грамши от Советской России и коммунистического движения, о взгляде итальянского мыслителя на складывающийся новый социальный порядок в СССР после революции, об оценке революционных и постреволюционных событий и их аналогий в мировой истории. Автор статьи анализирует понятия государства, американизма и фордизма, цезаризма, Новой экономической политики, роли большевиков в становлении нового порядка в дискурсе итальянского философа. Позиции Грамши в статье рассматриваются в историческом контексте и сопровождаются анализом противоположных ему по мировоззрению мыслителей.

Ключевые слова: Антонио Грамши, СССР, Тюремные тетради, Ордине нуово, Аванти, Гридо дель пополо, Цезаризм, Американизм, Фордизм, Государство, Октябрьская революция.

Октябрьская революция – явление многомерное и многоплановое. В первую очередь, это выражается в ее мировом масштабе, мировом резонансе. Она повлияла на мировой порядок, на внутреннее положение многих стран и народов. Революционный и постреволюционный советский период нашел принятие или отторжение у мыслителей разных политических и философских воззрений. По-особому к ней относился и итальянский мыслитель и политический деятель Антонио Грамши. В данной статье мы хотели бы осветить точку зрения итальянского коммунистического философа на некоторые спорные моменты данного исторического периода и проанализировать его псевдо-отречение и разрыв мнимый связей с политиком Советской России.

Октябрьская революция – событие, «крестившее» Советскую Россию, которая не смотря на марксистскую теорию в действительности произошла в стране, не входившей в число самых развитых капиталистических стран. Великий итальянский революционер-практик и философ-теоретик Антонио Грамши называет Октябрьскую революцию «революцией против капитала». В статье газеты «Аванти» («Вперед») от 24 декабря 1917 года он без колебаний дистанцируется от «позитивистского и натуралистического налета», который есть и «у Маркса»:

«Да, действительно, «факты превзошли идеологию», и поэтому это не Октябрьская революция должна предстать на суде перед хранителями «марксизма» с целью получения подтверждения своей легитимности; а эта сама теория Маркса должна быть переосмыслена и углублена в свете исторического прорыва, произошедшего в России» [5, с. 513].

За таким началом, бросающим в каком-то смысле вызов марксизму, следует не менее значимое продолжение: в основной части текста автор задается вопросом о том, каковы будут последствия победы большевиков в относительно отсталой стране и, более того, разрушенной войной?

«Вначале будет «коллективизм бедности и страдания». Но те же условия бедности и страдания будут унаследованы от любого буржуазного строя. Капитализм не смог бы сразу сделать в России больше, чем может сделать коллективизм. Он бы сделал сегодня намного меньше, потому что против него сразу бы восстал пролетариат – недовольный, беспокойный, неспособный вытерпеть новой боли и горечи, к которым привели бы экономические трудности [...]. Страдание, которое будет перенесено во имя мира возможно настолько, насколько пролетарий почувствует его именно в своей воле, в собственном упорстве, чтобы подавить его в кратчайшие сроки» [5, с. 514].

В этом тексте военного коммунизма, который в то время, как раз утверждается в Советской России происходит легитимация тактического плана и снятие легитимности с плана стратегического, который был законным для настоящего и перестал быть таковым с появлением взгляда на развитие страны, устремленного в будущее. «Коллективизм бедности и страдания» оправдан для конкретных условий, в которых находилась Россия того времени: капитализм не в состоянии сделать ничего лучше. Но «коллективизм бедности и страдания» должен был быть преодолен «в самые короткие сроки».

Однако, данное утверждение Грамши – далеко не общая тенденция для мыслителя того периода. Представляется необходимым рассмотреть тот исторический контекст, который сложился по данному аргументу в эпоху Грамши.

Следующим образом француз Пьер Паскаль интерпретирует и приветствует большевистскую революцию, непосредственным свидетелем которой он был:

«Уникальное и опьяняющее зрелище: разрушение общества. Актуализируется содержание четвертого псалма воскресной вечерни и Magnificat: мощные удары наносятся по престолу, чтобы избавить бедных от страданий. Богатых больше нет: только бедные и очень бедные. Знание не дает ни привилегий, ни уважения. Бывший работник назначен директором и дает указания инженерам. Придут высокие и низкие зарплаты. Право собственности сокращается до личных вещей» [4, с. 129].

Сложившиеся условия, которые были очень далеки для того, чтобы задуманное революцией свершилось «в кратчайшие сроки», при которых есть «только бедные и нищие» – на языке же Грамши означало «коллективизм бедности и страдания». Но Грамши в это вкладывал положительные коннотации: для него подобное положение дел является синонимом духовной полноты и моральной непреклонности. Паскаль был убежденным католиком, но это не значит, что большевики могли не попасть в поле зрения его взгляда под знаменем популизма и пауперизма. На самом деле, нужно задаться вопросом, нет ли признаков популизма и пауперизма в его понятии «коммунизм» и, что под термином «военный коммунизм» подразумевается режим, характеризующийся кризисом экономики (с частичным возвращением к бартеру) и в некоторых случаях с принудительной реквизицией продуктов, необходимых для

выживания городского населения; это режим, который Грамши более корректно, более правильно определяет как «коллективизм бедности и страдания».

В 1936–37 гг. Л. Троцкий критически говорил об «аскетических тенденциях эпохи Гражданской войны», распространяемых среди коммунистов, чей идеал, казалось, и состоял в «социалистической нищете». Подобное понятие сразу отсылает нас к определению Грамши, однако стоит отметить, что разница между этими двумя пониманиями – двадцать лет [17, с. 238, 254].

Из своего личного опыта духовный климат 40-х годов, который доминировал в постреволюционный период описывает один военный-коммунист: *«Мы, молодые коммунисты, все выросли в убеждении, что деньги исчезли раз и навсегда [...] А если деньги снова введутся в оборот, тогда снова появятся богатые? Разве мы уже не стояли на скользкой дорожке, которая могла привести нас к капитализму?»* [3, с. 420].

Представляется необходимым обратить внимание на предпосылки анализируемых постреволюционных условий Советской России. Основными факторами, спровоцировавшими катастрофу войны, стали: завоевание колоний, рынков сбыта и сырья, охота за прибылью. Следовательно, «военный коммунизм» стал не только синонимом социальной справедливости, но и гарантией, что таких трагедий больше не будет. Это был климат, который, безусловно, не ограничивался только Россией. В 1918 году молодой Эрнст Блох ждал на волне Октябрьской революции, появление мира, раз и навсегда избавленного от «любой частной экономики», от «экономики денег» и, с ней, от «меркантильной морали, которая превозносит все самое злое, что только есть в человеке» [2, с. 298].

Согласно Манифесту коммунистической партии, «первые движения пролетариата» зачастую характеризуются требованиями выступления под знаменем «всеобщего аскетизма и грубой уравниловки»; с другой стороны, нет «ничего проще, чем придать христианскому аскетизму оттенок социализма» [16, с. 184]. Именно это и происходит в революционной России. Однако следует сразу добавить, что данное явление, настолько подробно описанное Марксом и Энгельсом, значительно превосходит предложенное ими во времени и пространстве. Даже в XX веке, и даже в рамках движений исторического материализма и атеизма, находится подтверждение правилу, согласно которому великие народные революции, массовые перевороты подчиненных классов, как правило, стимулируют спонтанный и наивный популизм, который, игнорируя проблему развития производительных сил, поддерживает тех, кто занимает последнюю ступень социальной иерархии, так называемое восстание бедных и «бедных духом».

Грамши уже с его первых своих выступлений на данную тематику идет вразрез с подобными тенденциями.

Через несколько недель после приветствия «революции против капитала» в статье, опубликованной в газете «Гридо дель popolo» («Крик народа») от 26 января 1918 года, Грамши оправдывает роспуск Учредительного собрания по инициативе большевиков и эсеров. Речь идет о мере, которая является «эпизодом свободы, несмотря на внешние формы, в которые ей – свободе – пришлось неизбежно облечься в жестокий внешний вид» [16, с. 102–103].

Примечательно, что совсем другое и прямо противоположное отношение к этому было у Розы Люксембург, которая в полемике с изменением курса русской революции, считающемся авторитарным или диктаторским, высказывается хвалебно исключительно о свободе как «свободе инакомыслящих» (т.е. крестьян) [15, с. 134]. Несмотря на присущее ей красноречие, которое сделало ее знаменитой, данная позиция далека от убедительной. Как правило, большие революции приводят к конфликту между городом и сельской местностью. Городские массы героев свержения старого режима, которые перенесли на себе основную тяжесть и жертвы борьбы, были, мягко говоря, не очень склонны уступать власть крестьянским массам, которые играли второстепенную роль в революционном процессе, и среди которых влияние недавно свергнутого старого режима еще продолжало ощущаться.

Подобная диалектика проявилась уже в Первой английской революции и в течение всего французского революционного цикла. Что касается последнего, победа якобинцев стала явной победой города, Парижа, не только над католической и традиционалистской деревней Вандеи, но и над институтом провинции, представленной жирондистами. В 1848 году, однако, проходила кампания за победу: отсюда вышла реакция, которая перешла в установление бонапартистской диктатуры. Также в 1871 поражение Парижской Коммуны, кажется, прокладывает путь к восстановлению Бурбонов, то есть политической деэмансипации народных масс, которая должна была быть достигнута посредством возвращения открытой цензуры или путем введения множественного голосования в пользу элит [12, с. 342].

Учитывая вышесказанное, возвращаясь к событиям 1917 года и принимая в расчет ожесточение войны, остроту противостояния между теми, кто был полон решимости продолжить ее или начать с новой силой, и теми, кто хотел всеми возможными путями закончить ее, а также роль международного союза Антанты, который решил предотвратить любыми средствами выход России из войны – все это является доказательством утверждения Грамши. Это – демонстрация того, что победа Учредительного собрания означала бы скорее укрепление демократии, чем возвращение царской власти или, что более вероятно, появление военной диктатуры (поддержанной «союзниками» из Антанты).

Это были годы, когда всеобщая повсеместная мобилизация пошатнула соблюдение законности даже в том, что касается представительных органов. Еще прежде, чем поприветствовать Октябрьскую революцию и поддержать роспуск Учредительного Собрания, Грамши ведет ожесточенные споры с Леонидом Биссолати, который, будучи членом Парламента, благодаря своим радикально интервенционистским взглядам, не колеблясь, угрожал депутатам с «пораженческими взглядами»: «Для обороны страны я был бы готов открыть огонь по всем вам!» [12, с. 308].

В эти годы США, несмотря на то, что они были всегда расположены на безопасном расстоянии от эпицентра конфликта, успокоенные окончанием войны и обеспокоенные «революционной опасностью», исходящей от России, Законодательное собрание штата Нью-Йорк исключает из правительства

социалистов, несмотря на то, что социалистическая партия была совершенно законной организацией [14, с. 260].

Не ясно, почему большевистской партии (уже пережившей опыт депортации в Сибирь своих депутатов, которые были против войны) должно быть отказано в «праве» прибегать (с целью спасти революцию и полностью заблокировать войну) к аналогичным запланированным или уже приведенным в действие мерам, но в гораздо менее драматичных условиях в тех же либеральных странах с продолжением тотальной мобилизации и войны, то есть борьбы против революционной пропаганды. Тем более, если на Западе были затронуты или под угрозой применения к ним чрезвычайных мер находились только органы, которые воплощали исключительно принцип законности, в Советской России роспуск Учредительного собрания – это всего лишь момент столкновения двух принципов законности, которые на практике столкнулись уже в февральские дни. О последнем факте Грамши делает заметку, когда подчеркивает контраст между «Учредительным собранием и Советами» (так называется статья): революция кропотливо пытается найти «представительные формы, через которые будет осуществляться суверенитет пролетариата» [8, с. 399].

Чуждость Грамши доктринерству ярко подтверждалось его статьей, опубликованной в газете «Ордине Нуово» от 7 июня 1919 года. Одной из центральных тем или, возможно, основной темой данной статьи является создание государства в Советской России. В данном случае, речь не идёт о создании государства после исчезновения прежнего Государства, согласно ортодоксальному марксизму–ленинизму. Вот, что по этому поводу писал Грамши: «Революция – только тогда не пустая раздутая риторика, когда воплощается в Государстве, когда становится организованной системой власти» [8, с. 57].

Именно в этом утверждении, согласно Грамши, раскрылась величина замысла большевиков. Вначале реализуя, а затем и защищая Октябрьскую революцию, они защищали нацию и российское государство от распада и «балканизации», которые возникают в результате военного поражения и краха старого режима. Грамши считал В. И. Ленина «величайшим государственным деятелем современной Европы», а большевиков – «аристократией в среде государственных деятелей, подобных которым нет ни у какой другой нации». Одной из их заслуг является прекращение «мрачной бездны страданий, варварства, анархии, распада», возникших «в результате долгой и катастрофической войны», они спасли нацию, «великий русский народ» и им удалось «скрепить коммунистическую доктрину с коллективным сознанием русского народа». Дистанцировавшись от прошлого, но, при этом, сохранив с ним связь, установив преемственность с историей своей страны, большевики в то же самое время выражали собой «классовое сознание» и при этом выполняли всенародную функцию: им удалось «добиться поддержки и лояльности у большей части русского народа в новом Государстве» и создать «Государство всего русского народа». И империализм продолжался в его политике агрессии не поэтому, а потому, что «русский народ восстал [...] он полностью вооружился ради своей Валми». Коммунистическая партия, вдохновленная «классовым самосознанием», на самом деле была призвана

возглавить борьбу за национальную независимость, тем самым взяв на себя функцию якобинцев [8, с. 56–58, 60].

В статье Грамши большевики предстают в виде главных действующих лиц в борьбе за строительство на развалинах буржуазного общества Государства и национальных идентичностей, которые играют роль архитекторов спасения Государства и нации от нападков класса эксплуататоров России и всего мира. Такой политический баланс сил был составлен Грамши в 1919 году, и он подтверждается историками 80 лет спустя. Так, Николас Верт замечает (в свое время, он был одним из кураторов «Черной книги коммунизма»): «Без сомнения, успех большевиков в Гражданской войне был обусловлен, в конечном счете, их необыкновенной способностью «строить Государство», которой не было у их оппонентов» [20, с. 26].

В этом смысле большевики действительно являются «аристократией среди государственных деятелей», которые, однако, вдохновлялись теорией, находящейся в явном противоречии с их собственной практикой. Для того, чтобы найти теорию, соответствующую уровню этой практики, необходимо прежде всего обратиться к Грамши. С момента своих первых исследований Грамши демонстрирует более реалистичное представление о пост-капиталистическом обществе, которое должно быть построено, и к тенденции демессиианизации марксизма, нежели Блох и некоторые другие, кто ожидал смену «экономики денег», «меркантильной морали» и их «превращением власти в любовь» [2, с. 298].

Это подтверждается тем фактом, что Грамши наделял НЭП несколько другим значением, чем это было принято как левой, так и правой тенденциями, которые интерпретировали перемены, произошедшие в Советской России, как возвращение к капитализму.

Формулировку с теоретической точки зрения более зрелую в дискурсе Грамши о Новой Экономической Политике мы находим в известном письме к ЦК КПСС от 14 октября 1926: «действительность СССР нас ставит перед феноменом, которого еще «никто и никогда не видел в истории»; класс, политически «доминирующий», «во всей своей целостности находится «в более худших условиях жизни, чем те классы, над которыми он господствует и доминирует». Народные массы, которые продолжают страдать от жизни, полной лишений, дезориентированы от спектакля, который устроил «нэпман, в мехах и при всех благах»; и, тем не менее, это не должно стать причиной скандала или отречения от революции, поскольку пролетариат, как не может завоевать власть, также не может даже и удержать ее, если он не способен жертвовать определенными интересами во имя «общих и непреходящих интересов класса» [6, с. 129–30]. Те, кто считает период НЭПа синонимом возвращения к капитализму, ошибаются в отождествлении экономически привилегированного класса и политически доминирующего класса.

В поддержку данного взгляда выступает вернувшийся из поездки в Москву в 1927 году Вальтер Бенджамин так резюмирует свои впечатления: «В капиталистическом обществе власть и деньги стали измеримыми величинами. Каждая данная сумма денег, конвертируемая в определенную порцию власти, и цена любой власти вычисляема [...] Советское государство нарушило это взаимопроникновение денег и власти. Партия за собой явно оставляет власть, а

деньги отдаются человеку НЭПа» [1, с. 40]. Последний, однако, подвергается «страшной социальной изоляции». Таким образом, Бенджамин не ставил знака равно между экономическим богатством и политической властью.

Несколько недель спустя после публикации этого письма Грамши оказался в руках фашистской полиции. Несмотря на сложную ситуацию, он не пожалел сил, чтобы получить как можно больше книг и журналов, которые позволили бы ему продолжать следить за изменениями в стране, образовавшейся в результате Октябрьской революции. Это вопрос жизненной важности: «что, если мне не удастся получить материал об СССР, который я запросил» – пишет Грамши в письме к Тане 16 ноября 1931 года – «все мои интеллектуальные привычки будут грубо нарушены, и мои условия будут значительно усугублены этим вмешательством» [6, с. 494].

Внимание Грамши прежде всего привлек первый пятилетний советский план. Запланированный процесс реконструкции и развития советской экономики демонстрирует, что был возможен новый социальный порядок. Можно было преодолеть этап «коллективизма бедности и страданий», вызванный катастрофой войны. Но утверждение пятилетнего плана также имеет большое значение в философском плане: как «революция против капитала», так и экономическое и промышленное развитие Советской России – это дополнительное подтверждение того, что, на самом деле «концепция исторического материализма [...] приводит к расцвету частной инициативы и предпринимательства, которые поражают многих наблюдателей», а не к «фатализму и пассивности» [7, с. 893].

Преодоление «коллективизма бедности и страданий» можно считать весьма положительным даже с точки зрения международной политики. Другое дело – угроза, которая нависла над Советской Россией. Ее затяжная дипломатическая изоляция сделала ее уязвимой. Главный вопрос, который беспокоит в этот период Грамши – будет ли возобновляться контрреволюционное вмешательство капиталистического Запада? Грамши ищет в газетах и журналах подтверждения или опровержения его тревог. «Новая Антология» публикует серию статей о международном значении «Английской империи», цель которых – «проповедовать моральную изоляцию России (разрыв дипломатических отношений) и создание единого антироссийского фронта, в качестве подготовки к войне». Да, эти статьи, к сожалению, возможно, вдохновленные важными британскими персоналиями и политическими кругами, стремятся вселить уверенность в то, что война на уничтожение между Англией и Россией неизбежна: война, в которой Россия будет вынуждена сдать» [7, с. 190].

С появлением Третьего Рейха главной опасностью для России, очевидно, стала Германия: «после демонстрации жестокости и неслыханной подлости так называемой немецкой «культуры», в которой доминировал Гитлер, настало время отметить, «насколько хрупкой является современная культура»» [7, с. 990].

Проявления курса яростного антикоммунизма «гитлеровской партии» не заставили себя долго ждать даже на международном уровне. «Всегда внутренняя политика диктует решения, подразумевающая определенную страну. На самом деле ясно, что инициатива, стимулированная внутренними причинами любой страны,

становится «внешней» для страны, которая подвергается инициативе извне». [9, с. 213]

Общеизвестно, против кого была направлена агрессивная политика нацистской Германии. Не только «Тетради», даже «Письма из тюрьмы» Грамши свидетельствуют о постоянном сочувствии и интересе их автора, которые он испытывает по отношению к стране, порожденной Октябрьской революцией. Не забываются даже самые тонкие нюансы, о чем свидетельствуют положительные отсылки (в письмах к сыну Делио летом и в ноябре 1936 года) к «газете пионеров» и к «молодой и доблестной советской филологии», к «свежей литературе» и «критически переработанной» о Пушкине и Гоголе [9, с. 179]. И все в том же 1936 году в письме к Юлии Грамши подчеркивает как одну из сильных сторон воспитания сына Делио, тот факт, что он, в отличие от племянника, прожил не «жизнь мелочного и мелкого городка на Сардинии», а живет в атмосфере «мирового города, где текут огромные потоки культуры и интересов и чувств, которыми проникнуты даже уличные продавцы сигарет» [9, с. 194].

До конца жизни Грамши оставалось несколько месяцев. После того, как Грамши до последнего отказывался подписывать прошение о помиловании, еще 25 марта 1937 года, за месяц до смерти, приближение которой он предчувствовал, мыслитель просит Пьеро Сраффа, чтобы он передал товарищам по партии, его идеи о лучшем способе ведения политической борьбы, в то время как по другой версии Грамши поручает ему подготовить черновик запроса на эмиграцию: он надеется выехать в СССР – в Москву, город, о котором в письмах Юлии за год до этого он отзывается в лестных тонах [18, с. 220–221]. Таким образом, не только письменные тексты, но и свидетельства очевидцев и фактическое поведение – все это опровергает тезис об окончательном разрыве Грамши с СССР и с коммунистическим движением, который сегодня имеет широкое распространение.

Конечно, позиция Грамши в поддержку Советской России никогда не опускалась до уровня простой апологетики. В его текстах мы встречаем критическое отношение в самом высоком смысле этого слова. Критика в случае Грамши – это не синоним холодности или дистанцированности, а наоборот – выражение трепетного и глубоко сочувственного участия по отношению к историко-политическому феномену, созданному большевистским Октябрем, которое и являлось основой исследований Грамши. Следующий пример может пролить свет на подход, свойственный Грамши. В 30-е годы обоснования обеих набирающих обороты тоталитарных систем распространяется настолько, что с ними вступают в полемику Троцкий и Бухарин, которые под категорией «тоталитарный режим» (или «тоталитарная диктатура») и «Тоталитарное всемогущественное Государство», ставили в один ряд СССР Сталина и Германию Гитлера [13, с. 17–20, 88–92, 76–81]. Совсем не так в «Тетрадах» Грамши, где нет представления об СССР как о «диктатуре пролетариата» или как о «подлинной демократии», но речь идет о режиме «цезаризма». При этом, Грамши подчеркивал отличие «прогрессивного цезаризма» от цезаризма другого типа – «регрессивного, воплощением которого в XX веке стали режимы Муссолини и Гитлера» [6, с. 1194].

Другими словами, критика Грамши никогда не впадал в «чистое поражение», в котором в «Тетрадах» автор упрекает Бориса Суварина. Последний, будучи руководителем высшего уровня Французской Коммунистической Партии и Третьего Интернационала, становится яростным критиком большевизма и Советской России, а с 1930 года он начинает публиковать свои обвинительные статьи в политическом журнале «La Critique sociale» («Социальная критика»). Грамши внимательно следит за публикациями в этом журналом и осуждает его неспособность понять невероятную сложность процесса строительства нового социального порядка.

С точки зрения сочувствующего Суварину Франсуа Фюре, первый «принадлежит к той категории интеллектуалов, которые испытывают саркастическую радость от того, что они становятся в оппозицию большинству людей» [4, с. 133]. Именно против подобного «умничания» Грамши высказывается в «Тетрадах»: *«Непрерывно говорят банальные вещи с наглостью, присущей тем, кто самовлюблен и самодоволен [...] Да, это правда, что речь действительно идет о работе над созданием элиты, но эта работа не может быть отделена от работы по воспитанию широких масс. Наоборот, эти два вида деятельности являются на самом деле одним процессом, и именно это создает трудность [...]; в общем, я имею в виду, что речь идет о необходимости одновременно проводить Реформирование и Возрождение»*. В заключение он пишет: *«Очевидно, что молекулярный процесс утверждения новой цивилизации, который происходит в современном мире, не может быть понят без первоочередного понимания исторической связи Реформация-Возрождение»* [6, с. 891–892].

По мнению Грамши только филистер может удивляться тому, что, новый порядок, в процессе своего трудного рождения и обретения конкретной формы, не может принять уже заранее подготовленную форму мирового порядка, который он намерен свергнуть, и вековой опыт управления, на который он может опираться. Достаточно сравнить Гуманизм–Ренессанс с одной стороны и Реформацию с другой, то есть, в идеал-типическом смысле, Грамши имеет в виду Эразма Роттердамского и Лютера. Ведь именно реформы Лютера заложили основу ликвидации старого режима и появления новой и более передовой цивилизации с более обширной социальной основой.

Аналогично необходимо рассматривать историческую веху событий, начавшихся в октябре 1917 г.: *«Если необходимо написать исследование о Союзе [Советском], первая глава, или даже первый раздел книги, должен быть разработкой материалов по теме «Реформация и Возрождение»»* [6, с. 893].

Таким образом, можно говорить о том, что «Тетради», в первую очередь, являются историко-теоретической подводкой напряженного и противоречивого процесса строительства «нового порядка». Согласно Грамши, России Сталина необходимо было действовать в такой же манере, как и Германии Лютера.

Но если это так, то остается вопрос: чем можно объяснить интенсивное и продолжительное внимание, начиная с 1929 года – как свидетельствует письмо к Тане от 25 марта этого же года, которое Грамши оказывает темам «американизма» и «фордизма» [9, с. 248]? Отсюда вытекает следующий вопрос: разве положительное

суждение, выраженное по данному аргументу в «Тетрадах», не подтверждает растущее отчуждение революционера в тюрьме от коммунистического движения? Следует сразу сказать, что страницы 22-й Тетради «Американизм и фордизм» речь идет не только о Соединенных Штатах, но и о Советской России, и, возможно, о последней даже больше, чем о Соединенных Штатах. Для прояснения необходимо обратиться к текстам и к исторический контексту.

Так, известно, что Пьер Паскаль приветствовал Октябрьскую революцию как появление общества, в котором есть «только бедные и нищие» и чье моральное благородство состоит из относительно равного распределения нищенства. Подобное видение, а также незаинтересованность в развитии производительных сил и социального обогащения, является общим ощущением. После поездки в Москву Бенджамин сообщает: ««Труд», профсоюзное рабочее учреждение, посредством настенных плакатов проводило [...] кампании за пунктуальность [...] «время – деньги»; но, чтобы утвердить подобный странный призыв на афишах прибегали даже к авторитету Ленина. Настолько подобный «менталитет» чужд русскому народу. Надо всем преобладает их игривый инстинкт [...] если, например, на улицах снимают какой-нибудь фильм, они забывают, куда и зачем они идут, они смотрят часами за съёмочной группой и приходят на работу в замешательстве. С течением времени понятие «русский» останется до последнего синонимом «азиатского»» [1, с. 34–35].

Обращение к рационализации производства и пониманию того, что «время – деньги» с трудом приживалось, потому что «азиатское» мировоззрение, которое можно назвать по-другому «азиатизмом», имеет склонность к попаданию под влияние популистов, которые только и мечтали об обществе, в котором никто не спешит или не беспокоится о том, чтобы упорядоченно выполнять свою работу и свою производственную задачу. Такое понятие «азиатизма» Ленин определенно не разделяет, о чем в марте – апреле 1918 году он предупреждает: «В сравнении с работниками из более развитых стран, русский – это плохой работник [...] Научиться работать – вот задача, которую советская власть должна поставить перед народом» [11, с. 27, 231]. Таким образом, нужно было учиться у самых развитых стран капиталистического Запада. Этот тезис подтвердил Ленин, например, в октябре 1920 г.: «Мы хотим превратить Россию из страны, ничтожной и бедной, в богатую»; для того, чтобы достичь этого результата, необходимо прибегнуть к «организованной работе», «работе сознательной и дисциплинированной», для того, чтобы усвоить и применить на практике «последние достижения техники», в том числе, очевидно, и американский тейлоризм. В противовес «азиатизму» в данном конкретном случае «американизм» мог играть положительную роль [11, с. 31, 283–84].

Паскаль с этим не согласен. Во второй половине 20-х годов он жалуется, что «с материальной точки зрения все идет к американизации» (под этим подразумевается идолопоклонство экономического и технологического развития); правда, некоторые экономические успехи были достигнуты, но «ценой невероятной эксплуатации рабочего класса» [18, с. 33–34].

На этой же позиции, правда в более радикальном варианте, стояла француженка Симона Вейль, которая в 1932 году приходит к выводу, что Россия уже тогда взяла себе за образец развития модель Америки, эффективности, продуктивности и «тейлоризм», порабощение работника на производстве: «Тот факт, что Сталин, на вопрос, что находится в центре конфликта между трудом и капиталом, отказался от точки зрения Маркса и соблазнился на капиталистическую систему в ее наиболее совершенной форме, показывает, что СССР все еще далек от расцвета культуры рабочего» [19, с. 106–107].

Это были годы, когда критика «американизма» появляется у авторов и политических кругов совершенно различной ориентации. При посещении Советской страны в период с сентября 1926 по январь 1927 года великий австрийский писатель Йозеф Рот, осуждает процесс «американизации»: «Америку презирают за то, что она – капитализм без души, страна, в которой золото – это Бог. Но Америкой восхищаются за то, что она – воплощение прогресса, электрического уюта, гигиены и акведуков». В заключение он добавляет: «Это – современная Россия, технически прогрессирующая, и с американскими амбициями. Это уже не Россия». «Духовный вакуум» все-таки появился в стране, которая изначально подавала так много надежд [13, с. 279].

Заслуживает внимания и позиция Мартина Хайдеггера, который в 1935 году упрекает США и СССР (и коммунистическое движение), в том, что они представляют с метафизической точки зрения принцип, который заключается в «ужасе развязанного процесса технизации» и в «стандартизации человека». И через несколько лет в 1942 году он делает следующий вывод: «большевизм – это просто один из вариантов американизма» [10, с. 40–41, 53, 86].

Данный спор, в котором участвуют и советские руководители, уже вступившие на путь, который вызвал разочарование или скандал со стороны популистов. В 1923 году Бухарин провозглашает: «нам нужно объединить Америку с марксизмом». В свою очередь, Сталин на страну, которая также участвовала в военной интервенции против советской России, как кажется, смотрит с таким сочувствием, и обращает многозначительный призыв к большевикам: если мы хотим быть действительно на высоте «основ ленинизма», мы должны уметь сплести «импульс русский революции» с «духом американской практики». Как позднее уточняет Сталин в 1932 году, Соединенные Штаты, безусловно, являются капиталистической страной, тем не менее, «их традиции в промышленности и производственной практике имеют что-то от демократизма, чего нельзя сказать о капиталистических странах старой Европы, где все еще жив дух благородной феодальной аристократии». [12, с. 205]

Необходимо заметить, что у Бухарина и у Сталина «американизм» и «американский практический дух» означают крупное и масштабное развитие производительных сил и крупной промышленности: в Америке развитие стало возможным из-за отсутствия паразитарного богатства, которое является наследием прежнего режима. И именно у такого «американизма» и «американского практического духа», по их мнению, Россия должна учиться, чтобы выйти из отсталости к строительству социализма.

После рассмотрения исторического контекста необходимо перейти непосредственно к тексту Грамши. Оценивая «американизм» (или некоторые его аспекты), Грамши полностью отказывается (уже в тот момент, когда он приветствует Октябрьскую революцию), идентифицировать социализм с «коллективизмом бедности и страдания». Там же в «Тетрадах» подчеркивается преемственность с ранним периодом творчества Грамши, поскольку уже в «Ордине Нуово» используется термин «американизм» [6, с. 72]. Следует обратить внимание на некоторые моменты в публикациях июля – августа 1920 года: основные задачи совета завода, на котором «работник выступает в качестве производителя», являются «контроль над производством» и «разработка трудовых планов» [8, с. 422]. Но как выполнить такие задачи? «На заводе рабочие – это производители в том смысле, что они взаимодействуют таким образом, что они точно распределены в зависимости от промышленной техники, которая (в некотором смысле) не зависит от способа присвоения ценности продукции, в процессе подготовки продуктов производства» [8, с. 424]. Будучи революционными органами, Советы заводов минуют экономический тред-юнионизм, который способен видеть в работнике только продавца его рабочей силы, стремящегося повысить ее цену посредством организации и профсоюзной борьбы, но не «производителя»; и отвергают анархизм, традиционно склонный к луддизму. Правильно понимаемый «американизм» является неотъемлемой частью революционного проекта или, по крайней мере, революционного проекта, который отказывается от скатывания в «коллективизм страдания и бедности». Не случайно, между октябрём и ноябрём 1919 года, «Ордине Нуово» посвящает ряд статей тейлоризму, в которых анализируется, в конечном счете, различие между «богатыми научными достижениями» (о которых говорит Ленин) и их капиталистическим использованием.

Теперь можно лучше понять «специальную» «Тетрадь 22», посвященную «Американизму и фордизму». В параграфе первом можно найти следующее: «Ряд проблем должны быть рассмотрены в этой общей и несколько условной рубрике «Американизм и фордизм»». Таким образом, перед нами – «общая» тема, которая открывает множество проблематик, и в которой Грамши пишет «условным» языком, учитывая опасность вмешательства фашистской цензуры. Двадцать вторая Тетрадь, таким образом, проясняет спорный момент: «Можно сказать, в общем, что американизм и фордизм оказываются необходимыми для достижения организации программной экономики и, что различные рассмотренные вопросы должны быть звеньями одной цепи, означающими переход от старого экономического индивидуализма к программной экономике» [6, с. 1139].

Достаточно трудно сказать, идет ли здесь речь о Штатах и о том, что они совершили «переход» к «программной экономике», или же автор делает отсылку к советской России. Тетрадь, которую мы анализируем, заканчивается утверждением, согласно которому в США, в отличие от множества созданных мифов, происходила не просто классовая борьба, но она была еще и «самой необузданной и жестокой борьбой одного класса против другого» [6, с. 1181]. В первом абзаце текста присутствует следующее: «Прогрессивная попытка, предпринятая одной, или другой силой не прошла без фундаментальных последствий: подчиненные силы,

которые должны быть «манипулируемой» стороной или рационализированы в соответствии с новыми целями, обязательно сопротивляются. Но также сопротивляются некоторые части доминирующих сил или, по крайней мере, союзники правящих сил» [6, с. 1139].

Таким образом, фордизм и американизм сражаются с разными и противоположными перспективами и противоположными социальными силами.

С одной стороны, есть «общие места». Так, Грамши согласен с Гульельмо Ферреро, который пишет хвалебно о Европе как о хранителе «качества» и высказывает свое презрение США – чемпиону по «количеству» [6, с. 1180]. На самом деле, с подозрением и враждебностью смотрят в Европе, где до сих пор ощущается присутствие классов, связанных с прежним режимом и бенефициарами исключительно паразитарного богатства, на «замену нынешнего плутократического класса новым механизмом накопления и распределения финансового капитала, основанного непосредственно на промышленном производстве» [6, с. 940]. Здесь явно заметно осуждение Грамши «антиамериканизма», который является «комичным, если ни сказать, глупым» [6, с. 635].

Тетрадь об «Американизме и фордизме» заканчивается жесткой полемикой Гульельмо Ферреро, «духовным отцом всей глупой идеологии о возвращении к ремесленничеству» [6, с. 1180]. Но не только с Ферреро. В годы, когда Грамши настаивает на потенциале эмансипации в условиях большой фабрики, и, следовательно, на необходимости рабочего и коммунистического движения покончить с тейлоризмом и фордизмом, французская философ Вайль приходит к противоположному выводу: «сама схема современного производства, то есть большая промышленность» должна быть поставлена под сомнение «с теми промышленными исправительными учреждениями, которые являются крупными фабриками, можно изготовить только рабов, а не свободных работников» [19, с. 104].

Таким образом, страницы «Тетрадей» об американизме и фордизме являют нам Грамши, который не был готов распрощаться с коммунистической традицией, который призывал коммунистическое движение отказаться раз и навсегда от доиндустриальной ностальгии популистского и пауперистского толка, который критикует «антиамериканизм», и, который выступает за марксизм, очищенный от любого мессианского пережитка.

Список использованных источников и литературы

1. Benjamin W. «Moskau» (1927). – Torino: Einaudi, nuova ed., 2007. – 324 p.
2. Bloch E. Geist der Utopie (1918: erste Fassung). – Suhrkamp, Frankfurt a. M., 1971. – 364 p.
3. Figs O. La Rivoluzione russa 1891–1924. – Milano Tea, 2000 – 425 p.
4. Furet F. Il passato di un'illusione. L'idea comunista nel XX secolo, Mondadori, Milano. 1995 – 640 p.
5. Gramsci A. La costruzione del partito comunista 1923–1926. – Torino: Einaudi, 1975 – 565 p.
6. Gramsci A. Quaderni del carcere / A cura di Valentino Gerratana. – Roma: Editori riuniti, stampa 1977. – 1380 p.
7. Gramsci A. La città futura 1917–1918/ A cura di Sergio Caprioglio. – Torino: Einaudi, 1987. – 995 p.

8. Gramsci A. L'Ordine Nuovo 1919–1920 / A cura di Valentino Gerratana e Antonio A. Santucci. – Torino: Einaudi, 1996. – 500 p.
9. Gramsci A. Lettere dal carcere 1926–1937 / A cura di Antonio A. Santucci. – Palermo: Sellerio, 1996. – 266 p.
10. Heidegger M. Il pensiero poetante: la produzione lirica heideggeriana, 1910–1975. – Milano: Mimesis, 2000. – 281 p.
11. Lenin V. Opere complete, Editori Riuniti, Roma. 1955–70 Roma: Rinascita, 1954. – 558 p.
12. Losurdo D. Democrazia o bonapartismo. Trionfo e decadenza del suffragio universale. – Torino: Bollati Boringhieri, 2007. – 353 p.
13. Losurdo D. Stalin. Storia e critica di una leggenda nera. – Roma: Carocci, 2013. – 382 p.
14. Losurdo D. La lotta di classe. Una storia politica e filosofica. – Roma-Bari: Laterza, 2015. – 387 p.
15. Luxemburg R. Die Russische Revolution (1918) / Traduzione dal tedesco e introduzione a cura di Onorato Damen. – Milano: Ed. Prometeo, 1957. – 200 p.
16. Marx K., Engels F. Scritti sull'arte. – Roma-Bari: Laterza, 1973. – 240 p.
17. Trotskij, L. La rivoluzione permanente: I temi e le idee fondamentali del trotskismo e della quarta internazionale. – Verona: Einaudi, 1967. – 295 p.
18. Vacca G. Vita e pensieri di Antonio Gramsci. 1926–1937, Collana Storia. – Torino, Einaudi, 2012. – 215 p.
19. Weil S. Oeuvres complètes, a cura di A.A. Devaux e F. de Lussy, Tome II, Écrits historiques et politiques. – Paris: Gallimard, 1989–91. – 278 p.
20. Werth N. La terreur et le désarroi. Staline et son système. – Paris: Perrin, 2007. – 304 p.

Koskova A. S. Features of Antonio Gramsci's view on the post-revolutionary era in Soviet Russia and the question of Gramsci's final break with the communist ideology

This article discusses some of the controversial issues in the Western historiography of Antonio Gramsci on the theme of the October revolution and the Civil war. It touches on the thesis of the distancing of Gramsci from Soviet Russia and the Communist movement, the view of the Italian thinker on the emerging new social order in the USSR after the revolution, Gramsci's assessment of revolutionary and post-revolutionary events and their analogy in the world history. The author of the article analyzes the concepts of the State, Americanism and Fordism, Caesarism, New economic policy, the role of the Bolsheviks in the formation of a new order in the discourse of the Italian philosopher. Gramsci's positions in the article are considered in the historical context and are accompanied by the analysis of the thinkers opposite to his worldview.

Keywords: Antonio Gramsci, USSR, Prison notebooks, Ordine Nuovo, Avanti, Grido del Popolo, Caesarism, Americanism, Fordism, State, October revolution.

УДК 94(47+57)

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО МОБИЛИЗАЦИОННОГО ОРГАНА КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1918–1922)

Макаревич О. Л.

*Военная академия Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: vagsh@mil.ru*

Анализируется проблема становления и развития в 1918–1922 гг. в России Мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба, затем – Мобилизационного отдела Всероссийского главного штаба Наркомвоена, а затем – Мобилизационного управления Всероссийского главного штаба Реввоенсовета Республики – центрального органа управления Красной армии, ответственного за мобилизацию, учет и комплектование войск людскими ресурсами. Становление этого органа происходило в неразрывной связи с развитием других центральных органов управления советского военного ведомства. В статье показано, что, в отличие от войсковых формирований Красной армии, создававшихся 1918 г. после роспуска частей старой армии заново, в центральном аппарате значительно сильнее проявилась кадровая и организационная преемственность с аналогичными институтами Русской императорской армии. Иначе и быть не могло, ибо большевистское руководство не располагало специалистами в области мобилизации, комплектования и организации войск.

Ключевые слова: мобилизация, Всероглавштаб, Реввоенсовет Республики, Гражданская война, военспецы.

Учетно-мобилизационная работа в вооруженных силах любой страны эпохи массовых армий, которая не закончилась и по сию пору – один из наиболее сложных и в то же время, наиболее ответственных участков работы органов военного управления, от качества которой, без преувеличения, зависит ход и исход войны. Мобилизация, проводимая в особый период, новые формирования и дальнейшее питание войск людскими резервами в ходе боевых действий, требуют досконального знания количественного и качественного состояния людских ресурсов страны, бережного, целесообразного и рационального их использования. В этом отношении опыт Гражданской войны уникален, поскольку военному руководству Советской России удалось в кратчайшие сроки воссоздать аппарат моборганов, который сумел наладить учет военнообязанных граждан и мобилизационно-призывную работу, располагая для этого самыми скудными материальными средствами, ограниченным кадровым ресурсом и в условиях полного развала военного учета на местах. Тем не менее, Красная армия на голову превзошла своих многочисленных противников именно в этом сегменте военного строительства, умев построить работоспособный учетно-мобилизационный аппарат в центре и на местах и обеспечив себе превосходство в обеспечении действующих войск непрерывным потоком пополнений.

Историография проблем мобилизации людских ресурсов в годы Гражданской войны, а также проблем зарождения и развития мобилизационных органов Красной армии, невелика. Среди наиболее интересных работ можно выделить давно ставшую библиографической редкостью монографию Н. Н. Мовчина [1], в которой рассмотрены многообразные проблемы всеобщих и частичных мобилизации, борьбы с дезертирством и иных источниках комплектования Красной армии в годы Гражданской войны, однако организационное строительство центральных мобилизационных органов затронуто в работе лишь вскользь. В 1930-е гг. вопросы мобилизации в условиях гражданского противостояния в России затрагивались в работах Я. Я. Алксниса [2], Д.В. Саттеруппа [3]. Все перечисленные авторы непосредственно служили в центральных мобилизационных органах Русской императорской армии или в Красной армии и хорошо были знакомы с мобилизационным делом. Возрождение интереса к этому, хотя и узкому, но чрезвычайно важному участку работы центральных органов военного управления отмечается в последние годы. В частности, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ издал две больших работы, где уделено определенное внимание организационному строительству центральных моборганов РККА и их деятельности в годы Гражданской войны [4; 5]. Причем эти работы построены на новых архивных источниках. В целом же становление и развитие органов Красной армии, ответственных за мобилизацию в масштабах всей страны, до сих пор остается недостаточно исследованной темой.

К моменту Октябрьской революции 1917 г. мобилизационная работа в Русской армии была сосредоточена в составе Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). В его структуру входил Мобилизационный отдел, главными задачами которого были: составление мобилизационных расписаний, планов и соображений, объявление мобилизации и их выполнение, а также пополнение действующей армии во время войны людьми и лошадьми. Кроме Мобилизационного отдела ГУГШ в составе Министерства внутренних дел действовало Управление по делам о воинской повинности, ведавшее учетом населения и его призывом к отбытию воинской повинности, а также льготами и отсрочками по призыву [6, с. 86–89].

Итак, в дореволюционной России мобилизационное дело было распределено между двумя центральными учреждениями, которые, в свою очередь, имели на местах свои местные органы: Моботделу ГУГШ подчинялись мобилизационные отделы окружных штабов и уездные воинские начальники, а Управлению по делам о воинской повинности – губернские и уездные по воинской повинности присутствия.

Коренной слом старой военной организации страны, произошедший после Октябрьской революции, повлек за собой, в числе прочего, и преобразование учреждений, ведавших системой укомплектования новой армии. В тоже время, в отличие от войск, охваченных революционной волной, органы военного управления проявили определенную живучесть. Многие центральные органы военного управления, в числе которых Главный штаб, Главное управление Генерального

штаба, и другие как бы по инерции перешли под начало большевистской власти. «Резкого слома структур старой армии не произошло – эти учреждения трансформировались в новые, причем с сохранением значительной части кадрового состава», – подчеркивает А.В. Ганин, ведущий специалист в области истории органов военного управления дореволюционной России [7, с. 29–30]. Как отмечает этот же автор в своем исследовании о судьбе генштабистов в Советской России, для немалого их числа, согласившихся на сотрудничество, советская власть была приемлема и даже желанна в сравнении с беспомощными режимами позднего царизма и Временного правительства. Кроме того, объективно большевики отстаивали патриотическую идею, борясь за единство страны, в то время как белые армии и интервенты разрывали ее на части [7, с. 343–344]. Поэтому центральные военные учреждения и штабы продолжали свою работу, хотя круг деятельности в условиях разрыва живой связи с войсками существенно сузился. Многие из них в условиях хозяйственной разрухи вынуждены были заниматься элементарным самоснабжением. В этот период Главное управление Генерального штаба и его Мобилизационный отдел продолжали свое существование, однако прекратили всякую деятельность по своему прямому назначению – мобилизации и пополнению армии. Руководство демобилизацией старой армии было возложено на Комиссию по демобилизации, исполнительными органами на местах которой являлись фронтовые, армейские и войсковые комиссии. Нарушились и вертикальные связи. На местах управления уездных воинских начальников в большинстве случаев поступили в ведение или же слились с военными отделами местных совдепов, а частично были расформированы. Управление по делам о воинской повинности, а также губернские и уездные по воинской повинности присутствия в большинстве своем были ликвидированы, частично же их делопроизводство перешло к военным отделам местных совдепов.

К 1 апреля 1918 г. Моботдел ГУГШ вместе с остальными правительственными и военными учреждениями переехал в Москву. В этот период разворачивалось активное строительство Красной армии, формирование новых воинских частей на добровольной основе, а также создание системы органов местного военного управления. Все это вновь сделало Моботдел, который в основном продолжал сохранять прежнюю структуру и кадровый состав, востребованным элементом органов военного управления. В течение весны и лета 1918 г. деятельность отдела развивалась в двух направлениях: во-первых, участие в создании новых органов местного военного управления в части разработки нормативной базы; во-вторых, участие в формировании новых войсковых частей и соединений Красной армии в части разработки их организационно-штатной структуры.

Результатом законотворческой работы Моботдела ГУГШ (совместно с Организационным отделом того же управления) были первые основополагающие документы, заложившие основы организации и комплектования Красной армии: «Декрет об учреждении окружных, губернских, уездных и волостных комиссариатов по военным делам» (8 апреля 1918 г.), штаты пехотной дивизии (20 апреля 1918 г.), и, наконец, «Декрет о всеобщем военном обучении всех граждан Советской Республики» (22 апреля 1918 г.).

Одновременно предпринимались меры по созданию центральных органов военного управления и организации войск. 8 мая приказом наркомвоена № 339 был учрежден Всероссийский Главный штаб (Всероглавштаб), как центральный орган, ведавший организацией Красной армии. Всероглавштаб вобрал в себя организационно-мобилизационные учреждения старой и новой армии: Главного управления Генерального штаба и Главного штаба, Главного комиссариата военно-учебных заведений и Управления по ремонту армии, а также Всероссийской коллегии по формированию РККА.

24 мая 1918 г. в составе ВГШ было организовано Управление по организации армии (во главе которого был поставлен опытный генштабист, бывший генерал-майор А. М. Мочульский, комиссар управления – Е. В. Мочалов), в состав которого был включен и Мобилизационный отдел [8, л. 75–77]. Следует особо подчеркнуть, что кадровый состав Управления по организации армии ВГШ и входивших в его состав подразделений в значительной степени укомплектовывался профессиональными военными, бывшими офицерами и генералами, выпускниками Николаевской академии Генерального штаба, занимавшими аналогичные посты и в Главном управлении Генерального штаба, в армейских и фронтовых штабах в период Первой мировой войны. Например, А. М. Мочульский в 1917–1918 гг. являлся начальником Отдела по устройству и службе войск ГУГШ. Мобилизационный отдел возглавил бывший генерал-майор П. П. Лебедев [9, л. 243], служивший перед войной в ГУГШ и Главном штабе.

В ведении отдела были сосредоточены важнейшие направления строительства новой армии: 1) призыв граждан на военную службу и разработка нормативных документов, связанных с ней; 2) составление мобилизационных расписаний и руководств по учету и призыву военнообязанных, а также организация поверочных сборов; 3) учет и поставка в войска лошадей, повозок, упряжи; 4) организация учебных сборов, учет и призыв инструкторов при мобилизации; 5) учет личного состава Красной армии и регистрация их семейств; 6) учет состояния формирующихся частей Красной армии.

Структурно Моботдел состоял из четырех отделений и одного подотдела (по учету личного состава РККА). Всего по штату в Мобилизационном отделе положено было иметь 46 чел.: начальник отдела и его помощник, начальник подотдела, шесть начальников отделений, 10 старших и 7 младших делопроизводителей, 14 переписчиков, 5 счетчиков и 1 журналист [10, л. 32]. При этом из-за нехватки специалистов, до штата Моботдел не удалось укомплектовать до самого его момента расформирования в ноябре 1918 г. Например, до июня 1918 г. в составе отдела работало всего 18 человек и лишь с июля списочный состав достигал 35–40 чел. [10, л. 34]. Очевидно, экстренное наращивание численности работников было связано с разворачиванием именно в на рубеже июня – июля 1918 г. первых призывов в Красную армию.

В основу новой системы военных учреждений Советской Республики был положен принцип сосредоточения всех вопросов военного характера исключительно в учреждениях Народного комиссариата по военным делам, в том числе и всех вопросов, связанных с учетом, призывом на военную службу, правами

и обязанностями граждан в связи с несением военной службы, т.е. всего того, что в конструкции органов учреждений старой армии относилось к кругу ведения Управления по делам о воинской повинности МВД. Так что, сфера деятельности Мобилизационного отдела ВГШ, включившего в себя функции бывшего Управления по делам о воинской повинности, значительно расширилась.

С другой стороны, нельзя не сказать, и о том, что в самом Наркомвоене первый период строительства Красной армии были созданы фактически два органа, ведавших организационно-мобилизационной работой. Еще 3 марта 1918 г. СНК РСФСР принял постановление о создании Высшего военного совета (ВВС), на который возлагалось «руководство всеми военными операциями с безусловным подчинением Высшему совету всех без исключения военных учреждений и лиц» [11, с. 523]. При ВВС 14 мая 1918 г. были созданы Оперативное и Организационное управления, а 20 июня – объединивший эти управления Штаб. С 6 сентября 1918 г. этот Штаб был преобразован в Штаб Революционного Военного Совета Республики (РВСР), а 2 октября 1918 г. – в Полевой Штаб РВСР. В его составе было создано Административно-учетное управление, разрабатывавшее общие вопросы организации, формирования и укомплектования войск Красной армии, вело сбор и обобщение сведений о численности и степени обеспеченности армии и флота [4, с. 70]. Поэтому большую часть Гражданской войны в учетно-мобилизационной работе существовал параллелизм, который нередко оказывался вредоносным для дела.

Ключевое значение в системе комплектования Красной армии сыграли решения Советской власти о переходе к обязательному призыву в Красную армию. 29 мая 1918 г. ВЦИК принял постановление о принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную армию, указав наркомвоену на необходимость безотлагательно перейти к призыву одного или нескольких возрастов. 10 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов подтвердил и развил это решение, приняв постановление «Об организации Красной армии». Постановление вводило всеобщий призыв для трудовых классов, устанавливало строгую иерархию и жесткий централизм в деятельности органов военного управления в деле строительства вооруженных сил [12, с. 180–183]. В этом же месяце были проведены первые обязательные призывы рабочих Москвы и Петрограда 1897 и 1896 годов, порядок которых и инструкции были разработаны Моботделом ВГШ. Наконец, 11 сентября 1918 г. приказом Реввоенсовета Республики был объявлен первый действительно всероссийский призыв граждан 1898 года рождения бывших офицеров, военных чиновников и унтер-офицеров, родившихся в 1890–1897 г. Одновременно вводились в действие правила производства призыва, разработанные Моботделом. Эти правила в дальнейшем использовались при всех дальнейших призывах периода Гражданской войны [13, с. 1384–1386]. 22 сентября приказом РВСР № 6 был повсеместно объявлен призыв еще пяти возрастов граждан, родившихся в 1897–1893 годах. Значимость Моботдела ВГШ как центрального органа учета и комплектования Красной армии людским и конским составом, резко возросла. Как отмечалось в одном из отчетов Всероглавштаба, с введением

обязательной военной службы для всех граждан, «кончается первый период теоретической деятельности Мобилизационного отдела и начинается новый период его широкой практической работы» [10, л. 4].

Парадоксальность первых призывов состояла в том, что они проводились в отсутствие точных учетных данных о ресурсах военнообязанных, возрастных, профессиональных и иных характеристиках контингента и вообще при общей зачаточности органов учета и мобилизации. В одной из докладных записок в РВСР начальник Мобилизационного управления Всероглавштаба П.П. Лебедев, так пояснял обстоятельства объявления первого призыва: «В конце мая и начале июня 1918 г. в Особом совещании под председательством Л.Д. Троцкого вырабатывалась подготовка к первому призыву на обязательную военную службу... Обсуждался вопрос о производстве учета предварительно призыву военнообязанных. Но тогда же было выяснено, что учет требует длительного времени, а призыв необходимо сделать в ближайшие дни». Поэтому было решено «призывы проводить без предварительного учета», а сам учет налаживать параллельно [14, л. 5]. На деле рассылка на места временного руководства по ведению учета и личных карт военнообязанных затянулось до начала 1919 г. Первые учетные сведения, присланные в ВГШ от военкоматов тоже пришлось на рубеж 1918–1919 гг. За это время уже было проведено несколько крупных мобилизаций [5, с. 100].

Продолжается интенсивная нормотворческая деятельность: сотрудники Моботдела разрабатывают целый ряд законопроектов, положений, инструкций и руководств во всех областях мобилизационного дела. В целях планомерного укомплектования формируемых частей Красной армии и правильного учета штатного, списочного и наличного состава людей в октябре 1918 г. Моботделом ВГШ было разработано «Временное руководство по ведению письменных сведений на солдат для учета военнослужащих и лошадей в войсковых частях, управлениях, учреждениях и заведениях, подведомственных комиссариату по военным делам» [15]. Разрабатываются формы учетных карт, бланков и ведомостей. В начале 1919 г. руководящие материалы по ведению мобработки были обобщены и опубликованы в специальном сборнике [16].

Налаживание мобилизационной работы протекало непросто. Ее успех зависел от согласованной и четкой работы центральных и местных учетно-призывных органов. Между тем, становление сети военкоматов на местах шло медленно из-за острой нехватки квалифицированных работников, каковых по современным подсчетам, для штатного укомплектования всех военкоматов требовалось почти 100 тыс. чел. [5, с. 79]. Общим мобилизациям мешали повсеместные внеплановые мобилизации, проводившиеся фронтами и армиями. Мобилизации объявлялись столь часто, что накладывались друг на друга. Это препятствовало их плановому выполнению. Руководящие документы доходили до исполнителей крайне медленно.

Тем не менее, до 1 января 1919 г. в РККА было призвано без малого 739460 чел. [14, л. 5 об], в чем была большая заслуга Мобилизационного управления Всероглавштаба.

Между тем, к концу 1918 г. интенсивные бои развернулись по всему периметру границ молодой Советской Республики. Непрерывное и планомерное пополнение

действующей армии стало критически важным фактором для сохранения советской власти. Не случайно наркомвоен Л.Д. Троцкий назвал кризис Восточного фронта в начале 1919 г. кризисом пополнений [1, с. 79]. На 1919 г. пришлось время самых ожесточенных боев Гражданской войны, потребовавших самых интенсивных пополнений. Однако, в 1919 г. состояние мобилизационного и военно-учетного дела продолжало оставаться в неудовлетворительном состоянии. Это не позволяло рационально использовать людские ресурсы и отчасти служило причиной частых, нередко случайных мобилизаций, так нервировавших население. 14 сентября 1919 г. Л.Д. Троцкий была получена аналитическая записка Всероглавштаба «Об упорядочивании мобилизационного дела», в которой отмечалось, что еще до конца июля 1919 г. вопрос о развитии мобилизационной политики нельзя было поставить в полном объеме, поскольку, во-первых, до сих пор не был налажен учет подлежащих призыву граждан и во-вторых, Всероглавштаб не имел данных об уже прошедших мобилизациях. На запрос Высшей военной инспекции о результатах мобилизации Мобупр Всероглавштаба 17 мая 1919 г. смог представить лишь некоторые сведения, признавшись, что они «носят случайный характер и не могут считаться точными». После этого данные были затребованы с мест. К концу июля 1919 г. указанные сведения были собраны Всероглавштабом и представлены Высшей военной инспекции: по данным на 9 августа 1919 г. по всем округам республики состояло на учете 3395619 чел. [17, л. 293–294].

Тем не менее, усилия мобилизационных органов можно оценить по росту численности Красной армии: за год, с 1 января 1919 по 1 января 1920 г. выросла почти вчетверо – с 800 тыс. чел. до 3 млн. чел. [5; с. 104]. О масштабах работы моборганов могут свидетельствовать и такие цифры: за полтора года, с 11 сентября 1918 г. по 26 июня 1920 г. было осуществлено без малого 27 *обязательных призывов* граждан по возрастам, социально-классовым и профессиональным категориям, давших армии 3866009 чел. [18, л. 216]. В эту цифру не входят данные по комплектованию армии дезертирами, а также по полевым мобилизациям. Эти источники пополнения находились вне компетенции моборганов.

Главной причиной успеха было налаживание вертикально организованной системы учетно-мобилизационных органов. Уже к началу 1919 г. функционировало 7 окружных, 39 губернских, 385 уездных и около 7 тыс. волостных военкоматов. В «Кратком отчете о деятельности РВСР» за два года (1917–1919) указывалось, что в основном работу по созданию системы военного управления удалось выполнить в беспрецедентный в истории срок и «к концу 1918 г. весь аппарат как центрального, так и местного управления уже полностью осуществлял свои функции» [Цит. по: 19, с. 88].

Совершенствование мобилизационной работы, разумеется, было невозможно, без развития центрального мобилизационного органа Всероссийского Главного штаба. Таких изменений было несколько, причем с каждым из них структура этого органа военного управления усложнялась, а штатная численность росла. В начале сентября 1918 г. ВГШ внес на рассмотрение Военно-законодательного совета представление о реформировании Мобилизационного отдела в Мобилизационное

управление, а также представил на утверждение наркомвоена новое положение и штат Мобилизационного управления Всероссийского Главного штаба. Одним из главных причин реорганизации стал отмеченный выше вредный параллелизм в работе Всероглавштаба и Полевого штаба РВСР (образован 6 сентября 1918 г. из Штаба Высшего Военного Совета), имевших в своем составе мобилизационно-учетные органы, со схожими функциями. В условиях перехода к комплектованию на основе всеобщей воинской повинности, такое положение дел могло быть особенно вредным. С целью его устранения из состава Всероглавштаба в Полевой штаб было передано Оперативное управление, в то время как Организационного управления Полевого штаба были выделены Общеорганизационный отдел и Учетный подотдел. Эти структурные единицы были расформированы, а их кадры обращены на укомплектование Мобилизационного управления. 24 октября 1918 г. новый штат был утвержден Реввоенсоветом Республики (приказ № 142) [20, л. 55].

Вновь сформированное Мобилизационное управление, возглавленное П. П. Лебедевым, состояло из двух отделов – Мобилизационного и Отдела обязательной военной службы. Всего по штату было положено 80 военнослужащих и вольнонаемных в том числе: начальник управления и военный комиссар, два начальника отделов и два их помощника, 8 начальников отделений, 14 делопроизводителей, 1 военный топограф, 24 переписчика, 2 счетчика и 3 журналиста, 1 помощник журналиста, 5 курьеров и 2 сторожа. В феврале 1919 г. в штат управления были введены три порученца для осуществления командировок в губернские военкоматы, а также два старших и два младших делопроизводителя и 4 переписчика (приказ РВСР от 13 февраля 1919 г.). Штат управления вырос до 92 чел. [10, л. 34].

По утвержденному одновременно со формированием Мобуправления положением, в его ведении сосредотачивались следующие вопросы: 1) составление мобилизационного расписания; 2) подготовка мобилизационных наставлений и проведение поверочных сборов; 3) осуществление военно-конской повинности; 4) учет личного состава армии и военнообязанных граждан; 5) проведение военных призывов; 6) руководство работой военкоматов [10, л. 32 об]. Несколько позднее к этим функциям добавились также все вопросы, связанные запасными частями и отправкой из них маршевых пополнений, но была изъята военно-конская повинность.

В сентябре 1919 г. был введен в действие новый временный штат Мобуправления на 122 человека. Значительно вырос руководящий аппарат управления. Он состоял из начальника управления, одного состоящего для поручений при начальнике управления с окладом начальника отделения и троих – с окладами старшего делопроизводителя, военного комиссара и при нем – одного секретаря, двоих начальников отделов, троих помощников начальников отделов, двоих журналистов отделов, восьми начальников отделений, 27 старших делопроизводителей, 23 – младших, 1 чертежника, 33 переписчика, 1 начальника канцелярии, заведующего журнальной частью и его помощника, 6 курьеров,

4 сторожей [10, л. 34 об]. В ноябре 1919 г. штат управления был несколько сокращен и составил 116 единиц, однако фактически наличное число сотрудников не превышало 75 чел. [10; л. 34 об]. Нельзя не обратить внимания на то, что не укомплектованность Мобуправления (а ранее – Моботдела) была хроническим явлением. Эта проблема касалась всех организационных и оперативных структур Красной армии, где требовались высококвалифицированные специалисты, прежде всего, с академическим образованием. Отсюда большевикам приходилось, буквально нещадно эксплуатировать тех немногих военспецов, которых посулами или угрозами удавалось привлечь на свою службу. Повсеместно генштабисты работали по 17–19 и даже свыше 20 часов в сутки, ночуя на рабочих местах, неделями и месяцами не имели выходных, годами – отпуска [7, с. 114–122]. Такими сверхчеловеческими усилиями, в том числе и военспецов, создавалась Красная армия...

В марте 1920 г. были предприняты меры по повышению качества работы мобилизационных аппаратов на местах, в частности были приняты меры по улучшению состава сотрудников моботделов, запрещены их перемещения, ротации и откомандирования без крайней на то необходимости [10, л. 13 об]. Одной из главных функций центральных моборганов было сбор, обобщение всех данных о поступающих на фронт пополнениях. Поступление в Мобуправление противоречивых данных о выполнении нарядов об отправке пополнений чрезвычайно осложняло планирование и организацию дальнейшей работы. Строгий порядок донесений из военных округов об отправленных и прибывших пополнениях был установлен лишь в начале 1920 г., после того, как на места была разослана соответствующая инструкция, а также установлены единые формы донесений «2-Моб» и «3-Моб» [10, л. 13 об].

Последняя реорганизация центрального мобилизационного органа за годы Гражданской войны пришлось на начало 1921 г. Она диктовалась дальнейшим развитием организационной структуры центральных органов управления РККА и освоением приобретенного за три года Гражданской войны опыта. К началу 1921 г. определилось достаточно скорое и победоносное для советской власти завершение Гражданской войны. К этому моменту отпала необходимость в двух органах центрального военного управления – административном (Всероглавштаб) и оперативном (Полевой штаб РВСР). 10 февраля 1921 г. приказом РВСР № 336/41 оба эти органа были объединены в единый Штаб РККА. Организационно-мобилизационная работа была объединена под руководством 2-го помощника начальника Штаба (бывший Генерального штаба полковник В. Е. Гарф), которому были подчинены Организационное и Мобилизационное управления. В функции последнего входили: разработка мобилизационного плана всех вопросов и распоряжений по мобилизации граждан; комплектование действующей армии, запасных тыловых частей; мероприятия по борьбе с дезертирством; прохождение службы рядовым составом; разработка мероприятий по демобилизации армии; статистический учет людских и конских ресурсов. Штаты этих управлений были введены в действие приказом РВСР № 712/128 от 4 апреля 1921 г. Мобилизационное управление по штату насчитывало 227 чел. и состояло из пяти

отделов: мобилизационного; военной службы; укомплектования армии конским составом; учетно-статистического; по прохождению военной службы и увольнению с таковой. Во главе Мобуправления стал Н. Л. Шпектров – офицер военного времени Русской императорской армии.

Таким образом, строительство армии нового типа потребовало организационной перестройки учетно-мобилизационных органов. В то же время в этом компоненте строительства Вооруженных Сил отмечается структурная и кадровая преемственность, ибо мобилизационная работа требовала самой высокой квалификации и длительного опыта работы. Такими кадрами большевистское руководство не располагало и полностью положилось на услуги военспецов. Мобилизационные органы Красной армии успешно справились с задачей непрерывного и достаточного пополнения действующих войск людским и конским составом, что обеспечило им преимущество перед многочисленными противниками. Для сравнения, в армиях Белого движения не было создано централизованной системы воинского учета, мобилизации и подготовки резервов в запасных частях, а значит, не было условия для непрерывного и полноценного восполнения потерь.

Постепенное расширение масштабов Гражданской войны и сопровождавшие его наращивание численности и усложнение организации Красной армии потребовали постепенного расширения штата центрального мобилизационного органа и развертывание его в управление.

Список использованных источников и литературы

1. Мовчин Н. Комплектование Красной армии: исторический очерк. – М.: Штаб РККА. Управление по исследованию и использованию опыта войн. Издание Военной типографии Управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. – 292 с.
Movchin N. Komplektovanie Krasnoj armii: istoricheskij ocherk. – М.: Shtab RKKA. Upravlenie po issledovaniyu i ispol'zovaniyu opyta vojn. Izdanie Voennoj tipografii Upravleniya delami Narkomvoenmor i RVS SSSR, 1926. – 292 s.
2. Алкснис Я. Я. Основы мобилизации РККА. М.: АГШ РККА, 1937. – 114 с.
Alksnis Ya. Ya. Osnovy mobilizacii RKKA. М.: AGSH RKKA, 1937. – 114 s.
3. Саттеруп Д. Комплектование сухопутных вооруженных сил. – М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. литературы, 1930. – 210 с.
Satterup D. Komplektovanie suhoputnyh vooruzhennyh sil. – М.; L.: Gos. izd-vo. Otd. voen. literatury, 1930. – 210 s.
4. История зарождения, становления и развития организационно-мобилизационных органов Вооруженных Сил России. – М.: СИНТЕРИЯ, 2019. – 464 с.
Istoriya zarozhdeniya, stanovleniya i razvitiya organizacionno-mobilizacionnyh organov Vooruzhennyh Sil Rossii. – М.: SINTERIYA, 2019. – 464 s.
5. Военные комиссариаты: История создания и развития (1918–2018 гг.). – М.: АО «Красная Звезда», 2018. – 368 с.
Voennye komissariaty: Istoriya sozdaniya i razvitiya (1918–2018 gg.). – М.: АО «Krasnaya Zvezda», 2018. – 368 s.
6. Казаков А.В. Особенности организации военной мобилизации в России в 1914 г. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: «История и археология». – 2008. – № 4/5. – С. 86–92.

Kazakov A.V. Osobennosti organizacii voennoj mobilizacii v Rossii v 1914 g. // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: «Istoriya i arheologiya». – 2008. – № 4/5. – S. 86–92.

7. Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. – М.: Кучково поле, 2016. – 712 с.

Ganin A.V. Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trockom. – М.: Kuchkovo pole, 2016. – 712 s.

8. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 11. Оп. 8. Д. 10.

Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA). F. 11. Op. 8. D. 10.

9. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 48.

RGVA. F. 11. Op. 5. D. 48.

10. РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 36.

RGVA. F. 11. Op. 8. D. 36.

11. Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Политиздат, 1957. – 625 с.

Dekrety Sovetskoj vlasti. T. 1: 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. M.: Politizdat, 1957. – 625 s.

12. Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов: Стенографический отчет. – Москва, 4–10 июля 1918 г. – М.: Изд-во ВЦИК, 1918. – 254 с.

Pyatyj Vserossijskij s'ezd Sovetov rabochih, soldatskih, krest'yanskih i kazach'ih deputatov: Stenograficheskiy otchet. – Moskva, 4–10 iyulya 1918 g. – М.: Izd-vo VCIK, 1918. – 254 s.

13. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. – 1488 с.

Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg. – М.: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR, 1942. – 1488 s.

14. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 5.

RGVA. F. 33987. Op. 1. D. 5.

15. Временное руководство по ведению письменных сведений на солдат, а также для учета военнослужащих и лошадей в войсковых частях, управлениях, заведениях и учреждениях подведомственных Комиссариату по военным делам. – Пг.: [б.и.], 1918. – 47 с.

Vremennoe rukovodstvo po vedeniyu pis'mennyh svedenij na soldat, a takzhe dlya ucheta voennosluzhashchih i loshadej v vojskovyh chastyah, upravleniyah, zavedeniyah i uchrezhdeniyah podvedomstvennyh Komissariatu po voennym delam. – Petrograd: [b.i.], 1918. – 47 s.

16. Сборник декретов, приказов и распоряжений правительства по милитаризации, бронированию и освобождению военно-обязанных от призыва на военную службу по роду занятий и иным причинам. – М.: Мобилизац. управл. штаба Рабоче-Крест. Красн. Армии, 1921. – 308 с.

Sbornik dekretov, prikazov i rasporyazhenij pravitel'stva po militarizacii, zabronirovaniyu i osvobozhdeniyu voenno-obyazannyh ot prizyva na voennuyu sluzhbu po rodu zanyatij i inym prichinam. – М.: Mobilizac. upravl. shtaba Raboche-Krest. Krasn. Armii, 1921. – 308 s.

17. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 180.

RGVA. F. 33987. Op. 1. D. 180.

18. РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 440.

RGVA. F. 7. Op. 7. D. 440.

19. Молодцыгин М.А., Михалева В.М. Из истории создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии // Военно-исторический журнал. – 1988. – № 2. – С. 38–47.

Molodcygin M.A., Mihaleva V.M. Iz istorii sozdaniya Raboche-Krest'yanskoj Krasnoj Armii // Voенно-istoricheskij zhurnal. – 1988. – № 2. – S. 38–47.

20. РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 10.

RGVA. F. 11. Op. 8. D. 10.

Makarevich O. L. On the question of the organization of the Central control body of mobilization work in the Red Army during the Civil war in Russia (1918–1922)

The article is devoted to the analysis of the problems of formation and development of the Mobilization Department of the Main Directorate of the General staff, then-the Mobilization Department of the all-Russian General staff of the people's Commissariat of War, and then-the Mobilization Department of the all-Russian General staff of the Revvoensovet of the Republic – the Central management body of the red army responsible for the mobilization, accounting and staffing of troops with human resources during the Civil war in Russia 1918–1922. The article shows that unlike the red army formations, which were created in 1918 after the dissolution of the old army units, the Central apparatus showed much stronger personnel and organizational continuity with similar institutions of The Russian Imperial army. It could not be otherwise, because the Bolshevik leadership did not have specialists in the field of mobilization, recruitment and organization of troops.

Keywords: mobilization, all-Russian military, revolutionary military Council of the Republic, Civil war, military experts.

УДК 930(47+57)КРЫМ(092)

НИКОЛАЙ МУРЗАКЕВИЧ И СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО КРЫМОВЕДЕНИЯ: БИОИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru*

На основе материалов личных архивных фондов крупнейшего историка Новороссийского края XIX столетия, археолога, коллекционера, музейного деятеля Николая Никифоровича Мурзакевича (1806–1883) из Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН и Государственного архива Одесской области – восстановлены аспекты его многогранной научной и организационной деятельности, которые способствовали зарождению научного крымоведения, становлению музейного дела на полуострове. Использование обширного эпистолярия ученого, отложившегося в личных архивных фондах десятков крымоведов того времени, позволило восстановить отдельные сюжеты развития крымоведения эпохи. Статья продолжает развернутый биоисториографический этюд, посвященный роли Одесского научного центра в досоветском историческом крымоведении.

Ключевые слова: Н. Н. Мурзакевич, Одесское общество истории и древностей, историческое крымоведение, музеи, библиография.

Столица Новороссийского края Одесса уже с первой трети XIX столетия концентрировала в себе лучший научный потенциал Юга России. Предметом

*Николай Никифорович
Мурзакевич.*

интереса и разработок местных деятелей, кроме территорий степного Северного Причерноморья, стало и прошлое Крыма, археологические объекты (древности) полуострова, вопросы изучения и сохранности памятников. С образованием в 1839 году Одесского общества истории и древностей, вплоть до учреждения в 1887 году Таврической ученой архивной комиссии в Симферополе, Одесса являлась наиболее представительным научным центром по изучению Крыма. Крупнейшим одесским историком, активно занимавшимся изучением истории полуострова, организатором научного крымоведения был Николай Никифорович Мурзакевич (1806–1883) – бессменный секретарь (до 1875 года), вице-президент (1875–1883) Одесского общества истории и древностей, редактор «Записок» Общества, директор его музея, директор Одесской

публичной библиотеки (1843–1852) и Городского музея древностей (1843–1858), руководитель Ришельевского лицея (1854–1856). Фигура Н. Н. Мурзакевича в общем корпусе биоисториографии крымоведения настолько значима, что мы не стали включать его в очерк, где дана характеристика Одесскому научному центру по изучению исторического крымоведения [1], а посвящаем деятельности подвижника отдельный биоисториографический этюд. Актуальность обращения к анализу научного наследия Мурзакевича, его роли в становлении основ исторического крымоведения в Российской империи усиливается и рядом переизданий некоторых из его трудов, прокатившихся в Российской Федерации и Украине в последние десятилетия [2].

Исследователям доступны два личных архивных фонда Н. Н. Мурзакевича. Отложившийся в Государственном архиве Одесской области ф. 148 «Мурзакевич Николай Никифорович» (11 единиц хранения) довольно малоинформативен: охватывает материалы с 1817 по 1852 год. В большей части это бумаги о деятельности Ришельевского лицея, где работал Мурзакевич, а также выписки, сделанные историком из разных книг по истории и статистике края, и собранные им статистические материалы. Гораздо более содержательным для истории крымоведения является «Архив Н. Н. Мурзакевича», который хранится в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН (ф. 603). Фонд выделен из собрания журнала «Русская старина» и содержит 252 единицы хранения. Это личные документы одесского подвижника науки (автобиографии, дневники за разные периоды, отдельные отчеты Одесского общества истории и древностей, удостоверения, дипломы, аттестаты, выданные Мурзакевичу различными учеными обществами и организациями, его формулярный список, датированный 1879 годом. Главным информационным богатством этого собрания документов является обширный эпистолярный – письма, адресованные Н. Н. Мурзакевичу от различных деятелей науки, в которых содержатся много полезной информации по истории не только крымоведческих изысканий, направляемых Мурзакевичем в Одессе, но и его деятельности по научному руководству Феодосийским и Керченским музеями древностей (письма к нему директоров этих культурных и научных учреждений: А. Б. Ашика, И. С. Безкровного, С. И. Веребрюсова, О. Ф. Ретовского и др.). Интересно, что Н. Н. Мурзакевич контактировал с крымоведами разных эпох. Документы фонда предоставляют возможность проследить изменение приоритетов исследований, например, сравнивая его переписку с П. И. Кёппеном (1851 г.) и более позднюю – с А. Л. Бертье-Делагардом (1879–1886). Эти архивные бумаги дополняются неизвестным ранее дневником Мурзакевича, охватывающим 1874–1880 годы, выявленном нами в фонде «Коллекция мемуаров и дневников» Российского государственного архива литературы и искусства (д. 155). Еще одним содержательным собранием бумаг, где хранятся рукописи трудов и служебная документация, подготовленная Н. Н. Мурзакевичем, его комментарии к подготовленным «Запискам» и рецензии, является обширный фонд 5 «Архив Одесского общества истории и древностей» (3788 единиц хранения), который отложился в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины. Характеристика опубликованного наследия в

сочетании с рукописными научными материалами подвижника крымоведения, малоизвестными, а порой и не вводимыми ранее в научный оборот, позволяет более рельефно очертить весь многогранный спектр крымоведческих штудий Н. Н. Мурзакевича, обозначить его роль как главного научного куратора исторического крымоведения эпохи [3].

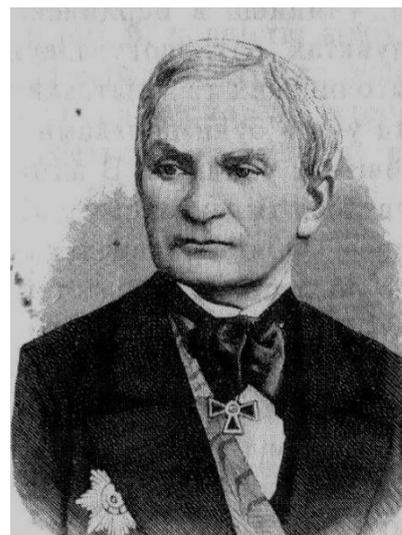
Биография Н. Н. Мурзакевича дошла до нас достаточно подробно благодаря сохранившимся дневниковым записям историка за разные годы [4], опубликованным посмертно его автобиографическим запискам [5], а также многочисленным формулярным спискам, аттестатам и анкетам, заполненным им при жизни [6].

После окончания Смоленской духовной семинарии в 1825 году Николай Мурзакевич поступил на этико-политическое отделение философского факультета Московского университета. По окончании университета в 1828 году [7], Николай Никифорович некоторое время занимался частным преподаванием в Москве и родном Смоленске, а в 1830 году по протекции своего университетского товарища Михаила Михайловича Кирьякова (1810–1839) переехал в Одессу, где поступил на службу по таможенному ведомству [8]. Нетворческая работа быстро надоела, и молодой человек перешел в 1831 году в самое известное и престижное учебное заведение Новороссийского края – Ришельевский лицей на должность «учительского помощника» [9]. С 1832 года Н. Н. Мурзакевич получил место надзирателя лицея. Хорошо сохранившиеся документы по организации учебного процесса в лицее свидетельствуют, что в неделю он давал 22 урока, «дежурил по 18 часов через день» [10]; преподавал русскую и всеобщую историю и географию [11, с. 62–63]. Несмотря на довольно большую учебную нагрузку, молодой преподаватель находил время для занятий наукой. В 1840–1853 годах Мурзакевич – профессор, а в 1854–1856-м – директор лицея.

Обилие античных древностей, которые Мурзакевич увидел в Новороссийском крае, творческий коллектив, собравшийся в Ришельевском лицее, стимулировали развитие у Николая Никифоровича интереса к изучению памятников. В газете «Одесский вестник» с 1834 года нами выявлен цикл публикаций Н. Н. Мурзакевича (подписаны «Н. М.»), посвященный археологическим находкам по всей территории края, которые историк аргументированно увязывал с историческими событиями, войнами и, зачастую, с прошлым Крымского ханства («Археологические известия» (1834 г.), «О заселении Новороссийского края», «Краткая история древнего Херсона», «О чекании монеты в Крыму» (1836 г.)). Список крымоведческой библиографии Н. Н. Мурзакевича, включающий ряд ранее неизвестных газетных публикаций, представлен нами в 2001 году в составе общего досоветского библиографического крымоведческого свода [12, с. 405–410]. Тематика публикаций показывает и увлечение в этот период молодого историка статистикой. Тут сказались его общение и дружба на данном жизненном этапе с Аполлоном Александровичем Скальковским (1808–1898). В сохранившихся архивных бумагах Н. Н. Мурзакевича нами выявлены собираемые им в эти годы «Статистические материалы о состоянии Новороссийского края за 1835–1845 годы», включающие копии различных ведомостей и обобщающие таблицы, представляющие сегодня

немалый интерес для так и ненаписанной до сегодняшнего дня экономической истории края [13, л. 1–101]. Первой серьезной научной публикацией историка стало описание древностей Одесского археологического музея, где большая часть экспонатов была крымского происхождения [14]. Рецензией на эту работу откликнулся А. А. Скальковский, который дистанцировался от Одесского общества истории и древностей по личным мотивам, однако поддержал Н. Н. Мурзакевича и отметил значение этого первого музейного каталога [15].

Николая Никифоровича с момента его появления в Южной Пальмире манил Крым с его легендарными мотивами и уникальными древностями. Информация о поездке Н. Н. Мурзакевича в Крым в 1836 году подтверждена его путешественными записками – модным в то время жанром околонучных сочинений. Они начали печататься в том же году в «Одесском вестнике», а в 1837-м вышли целиком в «Журнале Министерства народного просвещения». Однако имеется информация и про ознакомительную поездку краеведа 1835 года. Именно в Крыму Н. Н. Мурзакевич познакомился с М. С. Воронцовым, с которым историк обсудил, как бы сейчас обозначили, актуальные проблемы развития исторического регионоведения. Страстный подвижник научного изучения Новороссии, постоянно патронировавший исследования по изучению истории и археологии Крыма, М. С. Воронцов подарил Мурзакевичу несколько иностранных сочинений, где освещались торговые контакты в бассейне средиземного и Черного морей в Средневековье, и попросил «составить» статью по истории итальянских поселений в Крыму [16]. Заметим, что начавшая проявляться с этого времени близость к М. С. Воронцову в дальнейшем обеспечила Н. Н. Мурзакевичу одно из ведущих мест в кружке одесских антиквариев. Очерк о генуэзцах в Крыму, над которым он сразу же стал работать, разросся в обширное исследование. Таким образом, Николай Никифорович одним из первых среди российских ученых занялся историей средневековых генуэзских факторий на Черном море. В 1837 году вышла его монография «История генуэзских поселений в Крыму» [17], которую он защитил затем в Московском университете как магистерскую диссертацию. На основании сочинений итальянских исследователей (Г. А. Одерико, Саули, Серры, Формалиони), а также немногочисленных работ российских исследователей (Н. М. Карамзин, П. И. Кёппен, И. М. Муравьев-Апостол, С. Сестренцевич-Богущ, П. И. Сумароков, П. С. Паллас), исследователь представил первую в отечественной историографии обстоятельную историю итальянских поселений на полуострове: ход борьбы Генуи и Венеции за преобладание на Черном море, историю

*Аполлон Александрович
Скальковский.*

дипломатических союзов генуэзцев, подробное описание генуэзских торговых связей, причины упадка Кафы. Книгу украшает и усиливает в качестве исторического источника «Карта Черноморья» XIII века. Современники справедливо подчеркивали значение «первого полного исследования данного вопроса» [18], которое, по мнению одного из рецензентов, «отличается добросовестностью исследований, ясностью и простотой изложения» [19]. В то же время отмечались популярный стиль изложения [20] и то, что у Н. Н. Мурзакевича «предмет черноморской торговли оказывается не так сух, как это могло бы показаться» [21]. Издание книги Н. Н. Мурзакевич осуществил на собственные средства. Он жаловался П. И. Кёппену 4 сентября 1849 года: «когда печатал «Историю генуэзских поселений», издержал 500 рублей ассигнациями, а выручил 150 рублей ассигнациями. Теперь извольте сказать, стоит ли трудиться и издерживать нажитое потом и честным трудом?» [22]. Актуальность данной работы не стерлась временем. В современной историографии сочинение активно востребовано [23].

После защиты магистерской диссертации Николай Никифорович был назначен адъюнктом Ришельевского лицея (1837 год), а спустя два года – профессором по

*Петр Иванович
Кёппен.*

кафедре российской истории и статистики [24]. Исследователь и в дальнейшем продолжал разрабатывать различные аспекты истории генуэзских поселений в Крыму. На страницах «Записок Одесского общества истории и древностей» он предпринял попытку систематизировать хронологию консулов города Кафы [25] на основе собранных им архивных материалов. Хотя составленный им перечень не учитывал всех правителей города, для своего времени подобная обобщающая работа представляла определенный интерес. Ряд публикаций ученый посвятил вопросам анализа нумизматических [26] и письменных источников эпохи пребывания итальянцев на полуострове [27], организации охраны исторических памятников средневекового Крыма (Феодосия, Судак, Керчь) [28]. Заметим, что в ряде публикаций Н. Н. Мурзакевич, как и все историки той эпохи, шедшие непроторенными

еще путями изучения Крыма, не имея доступного свода исторических источников, допустил ряд фактологических погрешностей. Так, исследователь итальянских колоний в Крыму Михаил Волков в письме к одесскому историку Филиппу Карловичу Бруну в 1872 году язвительно заметил, что «наш почтенный секретарь срамит Общество <...> ошибками» [29]. М. Волков, специалист в области истории генуэзских факторий на Черном море, безусловно, ревниво отнесся к появлению труда Н. Н. Мурзакевича и не преминул неоднократно выступить на

заседаниях Одесского общества истории и древностей с указанием на неточности, выявленные им у Мурзакевича.

В 1837 году публикуется написанный в жанре записок путешественника отчет краеведа о его поездке из Одессы в Крым [30]. В статье предложено не только описание городов и окрестностей, через которые проехал краевед (Евпатория, Бахчисарай, Ак-Мечеть, Балаклава, Севастополь, Южный берег, Судак, Феодосия, Керчь), но и, главное, исторические и статистические справки, описания памятников древности и их схематические рисунки. Автору удалось колоритно представить этнографическое разнообразие населения Крыма. Свои мысли и выводы он постоянно подкреплял цитатами из сочинений крымоведческой классики тех лет – сочинений И. М. Муравьева-Апостола и С. Сестренцевича-Богуша. Значительное место в его публикации занимают описания руин генуэзских укреплений в Крыму (Каффы, Солдаи, Чембало). Автор впервые обосновал тезис о значении Чембало как важного стратегического пункта среди других крепостей генуэзской Газарии. Он выделил шесть периодов в существовании поселения на месте Чембало (скифский, греческий, генуэзский, феодорийский, второй генуэзский, османо-татарский). Данная схема исторического развития города, несмотря на ее относительную условность, остается господствующей в научной и научно-популярной литературе до наших дней [31].

В этом же 1837 году Николай Никифорович вновь посетил Крым. В этот раз по предписанию министра народного просвещения Сергея Семеновича Уварова (1786–1855). Ему поручалось составление описания древностей полуострова [32]. В Государственном архиве Одесской области нами выявлена неизвестная ранее рукопись Н. Н. Мурзакевича, оконченная 24 мая 1838 года, посвященная каталогизации и краткому описанию археологических памятников Крыма [33]. Анализируя общее состояние охраны древностей и их изучения в Крыму, автор отмечал, что «в настоящее время в материалах для истории Крымского полуострова чувствуется крайний недостаток» [34]. В качестве первоочередных мер по восполнению этого пробела он предложил организовать покупку старых рукописей у крымских татар, сбор монет, копирование всех известных надписей. «Время не щадит памятников и потому должно спешить их спасать», – справедливо заключил он [35]. В последующие годы поездки Н. Н. Мурзакевича в Крым стали постоянными. Внимание одесского антиквара привлекали многочисленные эпиграфические памятники. Итогом этой работы стал ряд статей, помещенных им в «Записках» Общества [36].

В 1845-м, уже как управляющий Одесским учебным округом (1854–1856), историк сопровождал в поездке по полуострову великого князя Константина Николаевича, а в следующем году, в качестве секретаря Одесского общества истории и древностей, он специально поехал в Керчь разбираться с «раскопочною деятельностью» Керченского музея древностей. Становление правильной научной работы крымских музеев – важная составляющая работы историка. В Керчи в это время развернулась настоящая «золотая лихорадка». Директор местного музея Антон Балтазарович Ашик (1801–1854) и правитель канцелярии Керчь-Еникальского градоначальника, ставший затем чиновником Министерства

императорского двора для разыскания древностей на Юге России, Дамиан Васильевич Карейша (1808–1878), разделив между собой многочисленные курганы по реке Мелек-чесме, соревновались в количестве вскрытых памятников и найденных драгоценностей. Воспитав в себе глубокое, почти религиозное уважение

*Александр Ефимович
Люценко.*

к древностям, Н. Н. Мурзакевич повел жесткую борьбу с невежественным отношением к археологическим раскопкам известных керченских курганокопателей. Именно он в немалой степени способствовал смещению с поста директора Керченского музея древностей А. Б. Ашика и устройству на эту должность своего приятеля Александра Ефимовича Люценко (1806–1884), с именем которого связано начало правильной организации раскопок на Керченском полуострове. В 1852 году Н. Н. Мурзакевич вновь специально ездил в Керчь, для того чтобы оказать методическую помощь в организации разрытия курганов и городищ [37]. В письме к П. И. Кёппену он сокрушался о невосполнимых потерях, принесенных науке горе-археологами, сообщал о мерах, предпринятых по его рекомендации керченскими властями для организации ученого исследования городищ [38]. В дальнейшем Николай Никифорович

поддерживал тесные научные контакты с директорами Керченского музея древностей, которые сообщали ему о ходе работ, советовались по спорным вопросам [39].

В еще большей степени краевед участвовал в организации правильной научной деятельности Феодосийского музея древностей. Не без вмешательства одесского патрона крымских археологов в 1850 году Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор М. С. Воронцов принял решение о передаче этого старейшего в крае древлехранилища в ведение Одесского общества истории и древностей. Совместно с новым директором музея, действительным членом Общества Евгением Францевичем де Вильневым (1803 – после 1865) Н. Н. Мурзакевич начал работу по приведению музея в состояние, соответствующее элементарным научным нормам. Общество, прежде всего, приняло меры для пополнения коллекции музея. В 1858 году, благодаря ходатайству Н. Н. Мурзакевича, таврический губернатор издал распоряжение о передаче в музей всех памятников, находимых при строительных работах в Феодосии и уезде. Некоторые экспонаты были переданы и из музея ООИД. В 1865 году Николай Никифорович в рапорте Обществу сообщал о крайне медленном ходе улучшений в организации музея и даже предлагал просить власти в Симферополе о разрешении санкционировать сбор средств среди населения для оказания помощи музею [40, с. 40–45]. В 1863 году Н. Н. Мурзакевич получил прямое указание Общества самому заняться реорганизацией музея.

Благодаря энергичным действиям Николая Никифоровича в течение последующего десятилетия коллекция музея заметно возросла за счет приобретения 32 надписей, более чем 600 монет, различных мелких вещей. Началась постепенная научная обработка фондов музея [41]. Сам Н. Н. Мурзакевич передал в дар библиотеке музея несколько десятков европейских и отечественных научных изданий [42]. После переезда музея в 1870 году в новое помещение Н. Н. Мурзакевич лично занимался устройством его экспозиции. Сохранившиеся письма к Н. Н. Мурзакевичу директора Феодосийского музея древностей Степана Ивановича Веребрюсова (1819–1884) свидетельствуют о том, что одесский ученый вникал во все тонкости жизни музея, руководил подготовкой очередных выпусков «Указателей» [43]. Совместно с Оттоном Фердинандовичем Ретовским (1849–1925) им была разработана программа мер по сохранению Константиновской башни в Феодосии. Из письма О. Ф. Ретовского к Н. Н. Мурзакевичу от 18 сентября 1882 года явствует, что И. К. Айвазовский, который брался финансировать эти работы, не пошел дальше словесных обещаний [44]. Разбирая архив музея, бумаги, оставшиеся от разных директоров, Н. Н. Мурзакевич подготовил в 1874 году к печати «Сборник документов Грапперона Ивана Ивановича, карантинного доктора, заведовавшего Феодосийским музеем древностей», насчитывающий 56 документов, датированных

*Оттон Фердинандович
Ретовский.*

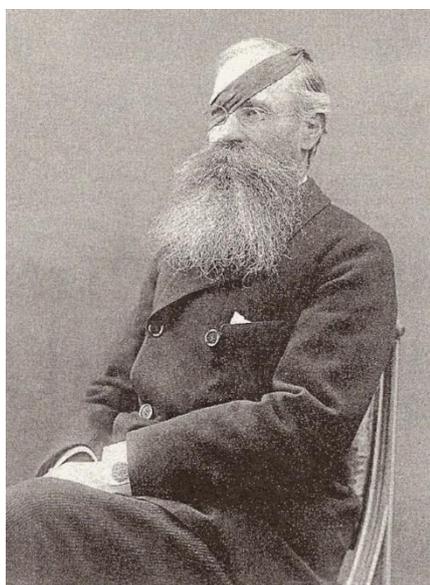
1818–1840 годами. К сожалению, интересные для изучения историографии Крыма рукописи И. И. Грапперона (95 листов), включающие исследования по нумизматике, истории Феодосии, археологии (на французском языке), так и остались неопубликованными [45].

Квалифицированная помощь, постоянно оказываемая Н. Н. Мурзакевичем Феодосийскому музею древностей, оказалась результативной в силу огромного опыта, который он приобрел, занимаясь организацией музея Общества в Одессе. Благодаря постоянной заботе одесского ученого археологическая и нумизматическая коллекции из Феодосии, пополняемые из керченских, херсонесских и феодосийских раскопок, приобрели известность в Европе [46].

В конце 70-х годов XIX века одесский крымовец предпринимал попытки организовать работу музея на развалинах Херсонеса. Об этом нам сообщает его переписка с А. Л. Бертье-Делагардом [47], с которым они обсуждали опыт работы древлехранилищ в Керчи и Феодосии и варианты организации археологического музея в Севастополе. О необходимости передачи херсонесских раскопок ООИД настаивали и другие члены Общества. Так, Владимир Норбертович Юргевич, в частности, в письме к Н. Н. Мурзакевичу от 9 мая 1876 года аргументировал необходимость взять Одесскому обществу истории и древностей научный патронат над Херсонесом тем,

что «это поможет обогатить наш [Одесский (А. Н.)] музей» [48]. Однако те же мысли об обогащении музеев Санкт-Петербурга удержали Императорскую Археологическую комиссию от передачи Херсонеса одесским археологам.

В это время археологическими раскопками в Херсонесе уже активно занимались монахи Херсонесского монастыря. Соблюдалась и видимость подотчетности этих раскопок перед ученым миром. Так, настоятель обители игумен Анфим с 1875 года был действительным членом ООИД. Наблюдения за разрытиями осуществлялись одним из монахов, специально назначенным. В Государственном архиве города Севастополя екатеринбургским историком А. В. Шаманаевым выявлен корпус документов, свидетельствующих о неослабном внимании Н. Н. Мурзакевича к раскопкам в Херсонесе. Вице-президент ООИД во время посещения раскопок (в частности, 1 мая 1878 г.) оставил монастырю письменные инструкции по вскрытию захоронений, хранению находок и составлению описаний к ним. Для рабочих, производящих раскопки, 5 сентября 1879 года Н. Н. Мурзакевич также составил специальную инструкцию:

*Александр Львович
Бертье-Делагард.*

«Вскрывать землю не прежде, как хорошо осмотрев, нет ли кусков мрамора, надписей, сосудов и вещей, такие осторожно откапывать и, вынув, относить в указанное место. Ломами не разбивать закрытых могил, ни кувшинов, тем более не разламывать мелких вещей.

Открытый фундамент церкви или дома обкладывать то[т]час теми плитами и черепьями, какие были при начале и точно по-прежнему.

По окончании дневных работ, все мраморы и камни, имеющие какой-либо вид, относить осторожно в назначенное место. Из найденных монет, вещей и прочего рабочим отнюдь у себя не удерживать или продавать на сторону под ответственностью строгого взыскания как за кражу монастырского имущества. О чем наблюдающему за раскопками напоминать рабочим сколь можно чаще. О случаях утайки вещей или продажи докладывать г. полковнику.

Для укладки тронутых камней на прежнее место можно назначить двух или трех рабочих. О[тец] Маркиан непременно должен посмотреть в тот же день, что и как положено, всенепременно по-прежнему.

Замечены многие колонны свежеразбитыми, что у церковного фундамента Карантинной бухты. Назначить туда и где церковная мозаика, – хотя огражденная стенкою и дверью, но однажды уже разбитая – сторожа ночного, которому, из общих издержек на раскопки производить плату невысокую. Предполагается, что разбитие колонн производилось намеренно для увоза в Севастополь, то, узнав о таких

лицах, доводить немедленно до сведения полиции, а о. Маркиану тогда же сообщать Одесскому обществу» [49, с. 387].

Занимая ключевую, в плане коммуникации с коллегами и формирования репертуара научного ежегодника, должность секретаря Одесского общества истории и древностей, Н. Н. Мурзакевич активно старался привлекать к участию в работе научного собрания и авторству в «Записках» исследователей из столиц, которые работали в русле изучения истории и этнографии Новороссии. В этой связи показательно его общение с известным российским библиографом Григорием Николаевичем Геннади (1826–1880), который в середине XIX столетия приобрел известность благодаря публикации одной из первых библиографий о Крыме. 7 ноября 1856 года Н. Н. Мурзакевич писал к Г. Н. Геннади:

«Милостивый Государь Григорий Николаевич,

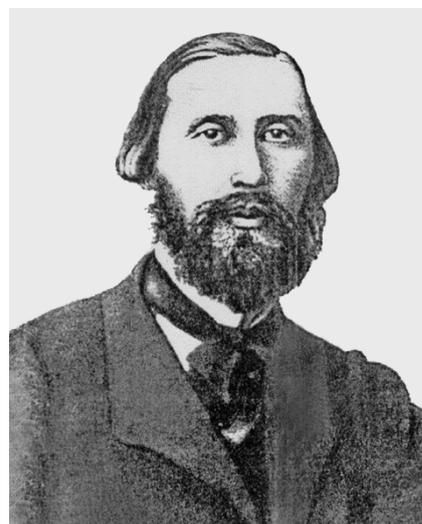
Давний мой друг, князь Родион Николаевич, сделал мне величайшее удовольствие, доставлением от Вас, Милостивый Государь, нескольких брошюр, а что более – доставил приятный случай войти в сношение с Вами. Некогда и я был библиофилом; по сему воспоминание старины, всегда доставляет мне особое удовольствие. Вы, Милостивый Государь, владели редкими книгами, исследовали за кафедрю старину, если это будет Вам угодно, припомните мне забытое, или вовсе мною неизвестное.

Прошу Вас, принять меня в Ваше доброе благорасположение, и не скучать, если иногда буду беспокоить разными вопросами или просьбами: антикварию, вообще народ неразговорчивый!

Третий том Записок Одесского Общества немедленно препровожая. Этой книги нет в СПбурге, да и в других шкафах, по причине известной всему и каждому. Теперь по возвращению спокойствия, начинаю их рассылать. Во II-ом томе изволите встретить мое описание Бессарабских монастырей, которые не вошли в Ваш прекрасный указатель.

Жаль, что Географическое общество не делает рецензии на 2 и 3-й тома Записок Одесского общества; пора снять разчитанное невнимание, которое не благонамеренно ввел некогда г. Надеждин прескверно разошедшись с Обществом, на счет которого путешествовал по землям Славянским и не возвратил 300 р., взятых на покупку книг, и сделал многое иное неподобное.

Нет ли у Вас дубликатов ясных изданий времени Потемкина: все относящееся до сего великого человека с недавно собираю в Общество. В обмен, с своей стороны, готов буду вернуть Вам, чем только возмогу.

*Григорий Николаевич
Геннади.*

Поручив себя благосклонности и приязни Вашей, с почтением имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугой Николай Мурзакевич.

Одесса 7 ноября 1856» [50].

Благодаря вниманию Н. Н. Мурзакевич к трудам по библиографии спустя десятилетие развернутый «Список сочинений о Крыме» Г. Н. Геннади был напечатан на страницах «Записок Одесского общества истории и древностей» [51]. Н. Н. Мурзакевич для этого в течение нескольких лет неоднократно напоминал Г. Н. Геннади об острой востребованности такого труда для развития только зарождающегося исторического крымоведения [52]. Новый «Список» Г. Н. Геннади состоял из трех разделов: «Книги на иностранных языках», «Русские книги» и «Виды Крыма». Учтено 214 изданий [53, с. 45–46]. В это время было написано второе из выявленных нами в личном архивном фонде Г. Н. Геннади в РГАЛИ интересных писем Н. Н. Мурзакевича к Григорию Николаевичу, которое датируется 21 апреля 1868 года:

«Милостивый Государь Григорий Николаевич!

Как действительного сотрудника Записок Общества уведомляю Вас, что приступлено к печатанию VII тома. Одна археологическая статья уже кончается печатаньем. Не будет ли со стороны Вашей вклада? Некогда обещали дать нам продолжение списка сочинений о Новороссийском крае. После списка Крымского это будет для нас богатый клад. Время (месяца 2 или 3) пока еще терпит. Уповаю на Ваше трудолюбие и стремление к научному делу.

Пополнил я в Музее Общества собрания гравированных и литографированных портретов лиц, преимущественно подвизавшихся на почве Новороссии и Бессарабии. Не найдется ли в Вашем богатом собрании такого, чтоб пригодились и для нас. Будьте добры, пособите нам! Хотелось иметь портреты Н. Зотова учителя Петра I, Румянцева, Долгорукова-Крымского, Евгения Булгариса, генерала Вейсмана, Карла XII, Северина и Ивана Потоцких и т. д., Пушкина.

Видел часть Вашего собрания в Чертковской библиотеке, полагаю, что могут найтись у вас и дуплеты. Особенно желателен портрет Черткова.

Положено начало и фотографическим карточкам членов Общества. Смею надеяться, что Вы, Милостивый Государь, не откажете прислать свою карточку.

Как с библиографом беседую, то сообщу Вам, что я издаю 2-е издание «Псковской судной грамоты» в некоторых местах исправленное. В числе 300 экз. Издаю по facsimile, отфотографированное. Это количество назначается для немногих любителей отечественной старины.

Пожелав Вам здоровья и всяческого благополучья поручаю себя Вашей благосклонной памяти.

Неизменно уважающий Вас Н. Мурзакевич.

Р. S. Ищу не нахожу картин, изображающих взятие штурмом Очакова и Измаила, а также смерти Потемкина. Нет ли возможности отыскать в Москве?» [54].

Таким образом, благодаря изучению эпистолярного наследия Н. Н. Мурзакевича становится ясным, что изначально Г. Н. Геннади был настроен на публикацию указателя (списка) о всем Новороссийском крае, а крымский библиографический блок был лишь его составляющей. И Мурзакевич деликатно

напоминает библиографу о возможности публикации общего свода в «Записках Одесского общества истории и древностей», что отвечало программе издания.

Итогом ежегодных поездок Н. Н. Мурзакевича по Крыму стала подготовка им «Путеводителя Южного берега Крыма», напечатанного в Одессе в 1866 году.

*Михаил Семенович
Воронцов.*

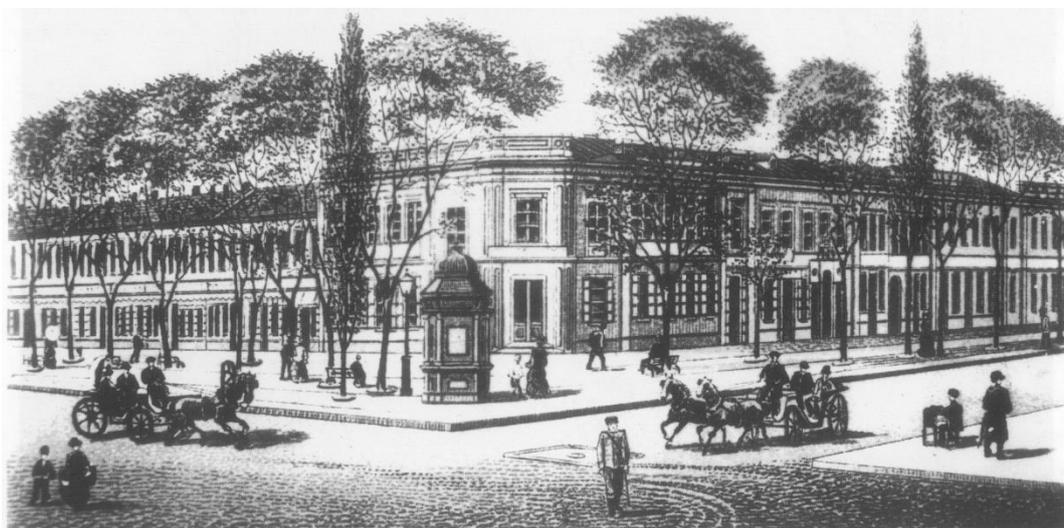
Издание сконцентрировало в себе скрупулезно отобранные историком краеведческие данные о памятниках и народах этого региона. Небольшой по объему (51 страница 15×12 см) и недорогой по цене (30 коп.), путеводитель включал информацию не только о Южном берегу от Севастополя до Ялты, но и маршруты по Юго-Западному горному Крыму, в Бахчисарай. Отличием книги от подобных справочных изданий, жанр которых только начинал свое бурное восхождение в 60-х годах XIX века, явилось наличие обстоятельных исторических очерков, алфавитного и других указателей, что существенно облегчало пользование им как приезжими, так и любопытствующими, которые знакомились с этой территорией, не выходя из дома [55].

Научные крымоведческие публикации краеведа охватывали весь спектр истории полуострова. Кроме истории генуэзских поселений, это прошлое культовых сооружений в Керчи и Херсонесе [56], обзоры археологических находок [57], исследования по дипломатической истории Крымского ханства [58], в том числе и выявленная рукопись Н. Н. Мурзакевича о ярлыках крымских ханов [59], обзор археографических памятников [60]. Историк инициировал публикацию и подготовил комментарии к сочинению Мартина Броневского «Описание Крыма», которое было напечатано в шестом томе «Записок Одесского общества истории и древностей» в 1867 году.

Важной составной научной деятельности краеведа была организация охраны остатков древностей в Крыму. Вопрос о сохранении и реставрации развалин Крыма поднимался Н. Н. Мурзакевичем почти во всех публикациях. В связи с этим информативна его рукопись, представляющая собой письмо в Одесское общество истории и древностей, которое содержит отчет о поездке по Восточному Крыму и в Севастополь в мае – июне 1875 года [61]. Рукопись содержит описание археологических памятников, фондов Керченского музея древностей и представляет интерес для характеристики состояния археологических исследований в то время. По поручению ООИД Н. Н. Мурзакевич в 1869 году долгое время пробыл в Судаке, где занимался принятием в ведение ООИД 16 десятин земли, на которых находились развалины Судакской крепости. На месте он организовывал охрану руин крепости от дальнейшего разбора камня для новостроек. Вопросы охраны исторических памятников Крыма постоянно поднимались и в личной переписке

краеведа. Показательны, прежде всего, письма к Н. Н. Мурзакевичу киевского митрополита Евгения, датированные 1834–1837 годами [62], где ставился вопрос о сохранении греческих христианских древностей на Юге России. Уже тогда Н. Н. Мурзакевич был известен как составитель «дельных» справок о населении и истории южного края, в том числе Херсонеса.

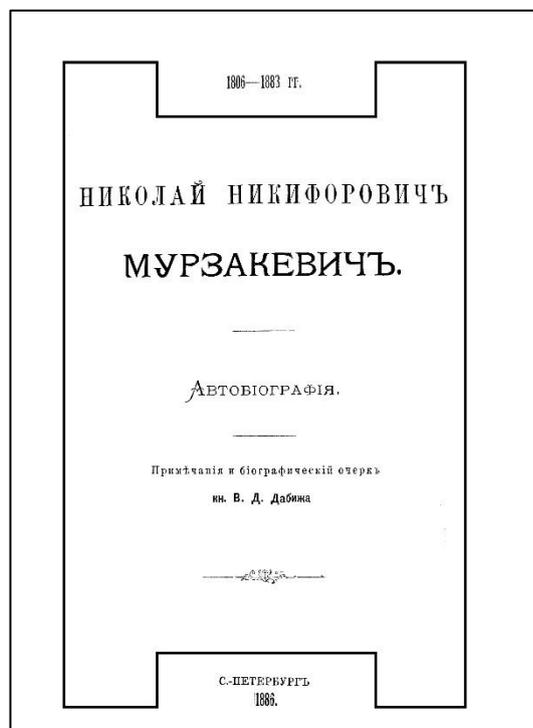
Еще одним направлением краеведческих штудий Николая Никифоровича стали историко-статистические исследования. Среди них выделяется «Очерк успехов Новороссийского края и Бессарабии в истекшее двадцатипятилетие, то есть с 1820-го по 1846-й год» [63], где основная часть посвящена описанию городов и различных этнических групп населения Крыма, характеристике экономической жизни полуострова. Обширные статистические данные, приведенные в работе, сегодня являются уникальным историческим источником о развитии края в то время (количество жителей по городам, перечень податей и повинностей, количество домов в городах и их архитектурные особенности и др.) Содержательное хронологико-историко-статистическое исследование, посвященное существованию христианской церкви в Северном Причерноморье (в том числе и в Крыму), Н. Н. Мурзакевич поместил в «Новороссийском календаре».

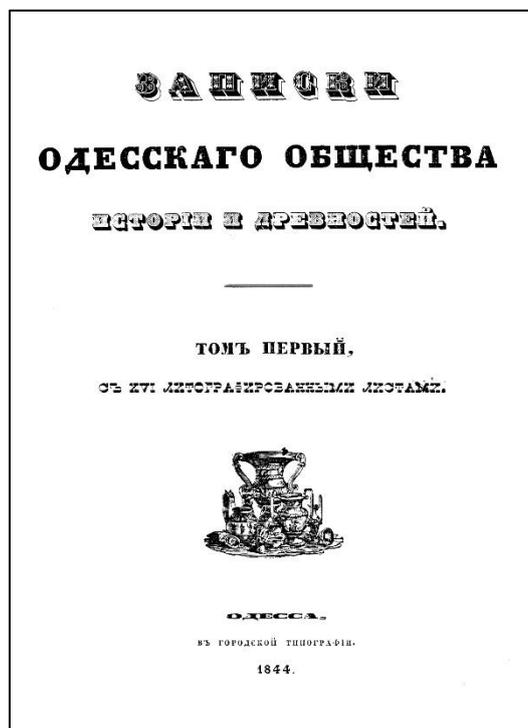
Ришельевский лицей.

Являясь организатором исторической науки в Одессе, Н. Н. Мурзакевич близко знал многих историков-краеведов Крыма, был хорошо знаком с их творчеством. Вот почему большое количество некрологов историкам-крымоведам, принадлежащих перу Н. Н. Мурзакевича, также относим к крымоведческим сочинениям. Историк стал автором посмертных статей о В. Н. Кузьмине (1853 г.), Г. И. Соколове (1853 г.), А. Ф. Негри (1860 г.), А. Я. Фабре (1867 г.), П. И. Кёппене (1867 г.), З. А. Аркасе (1867 г.), А. А. Борзенко (1868 г.), Н. Б. Герсеванове (1872 г.), С. Сестренцевиче-Богуше (1875 г.), А. А. Уманце (1879 г.), Ф. К. Бруне (1881 г.), П. В. Беккере

(1881 г.). В этих очерках мы находим не только обзор жизненного и творческого пути ученых, но и характеристики их деятельности и сочинений, связанных с изучением Крыма, первые попытки составления библиографических списков их работ. Они, как правило, охватывали лишь основные, наиболее значимые произведения. Вместе с тем, библиография трудов И. А. Стемповского, предложенная именно Н. Н. Мурзакевичем, значительно дополняет информацию о сочинениях археолога, известных по другим справочникам [64].

*Титульный лист издания
Н. Н. Мурзакевича.*

*Титульный лист
издания.*

Весомое значение для более полного представления о развитии исторических исследований в Новороссийском крае имеет сообщение Н. Н. Мурзакевича, сделанное на одном из заседаний Одесского общества истории и древностей, посвященном памяти Михаила Семеновича Воронцова (1782–1856). Оно опубликовано в «Записках» Общества, а также вышло отдельной книгой [65]. Кроме изложения основных вех жизненного пути главного реформатора Юга Российской империи, основное внимание автор уделит деятельности князя, направленной на развитие исторических исследований и популяризацию ученых путешествий по Крыму. Н. Н. Мурзакевич восстановил список изданий, осуществленных при финансовой поддержке М. С. Воронцова, большая часть которых стала базовой для

дальнейшего изучения Крыма (в частности, знаменитый «Крымский сборник» П. И. Кёппена).

Разностороннюю научную работу краевед постоянно сочетал с административной деятельностью, связанной с организацией науки в Одессе. В течение десятилетия Н. Н. Мурзакевич заведовал и внес немалый вклад в формирование уникальных книжных фондов Одесской городской публичной библиотеки, которая благодаря его заботам приобрела ученый характер. С его приходом в библиотеку начались разборы и каталогизация имеющихся книг. В результате кропотливой работы выяснилось, что библиотека располагает 2789 названиями книг, на основании чего был издан специальный каталог. Н. Н. Мурзакевич организовал закупку большого количества отечественных и иностранных сочинений по истории, этнографии и экономике [66]. Благодаря заботам директора к 1852 году в библиотеке насчитывалось 12022 тома различных изданий [67].

Сохранившаяся переписка Н. Н. Мурзакевича с исследователями Крыма, работавшими как на полуострове, так и в столичных научных центрах – важный источник, позволяющий детальнее представить вклад каждого подвижника науки в развитие крымоведения. Нами исследованы десятки личных архивных фондов в собраниях документов Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Одессы и Симферополя и выявлены письма к Н. Н. Мурзакевичу А. Б. Ашика, П. И. Бартенева, И. С. Безкровного, А. Л. Бертъе-Делагарда, П. О. Бурачкова, С. И. Веребрюсова, Г. Н. Геннади, епископов Таврических Гермогена и Гурия, антиквариетов и историков Ф. А. Жилия, Д. И. Иловайского, Г. Э. Караулова, П. И. Кёппена, А. А. Куника, О. Ф. Ретовского, А. А. Уманца, В. Н. Юргевича, а также письма Н. Н. Мурзакевича к В. В. Григорьеву, архиепископу Иннокентию, П. И. Кёппену, Д. И. Струкову [68].

Н. Н. Мурзакевич являлся признанным авторитетом среди ученых своей эпохи. Он состоял действительным членом отечественных и зарубежных научных собраний, что подтверждало высокий статус историка: Общества истории и древностей российских при Московском университете, Московского археологического общества, Общества сельского хозяйства Южной России, Курляндского общества литературы и искусства, Афинского археологического общества, Бельгийской археологической академии, Копенгагенского общества северных антиквариетов, членом-корреспондентом Русского археологического общества [69]. За представленное научной общественности описание личной нумизматической коллекции Тиберийская и Аркадская академии в Риме ввели его в число своих членов.

Несмотря на многочисленные научные заслуги, а, главное, огромный вклад в изучение и организацию музейного дела и памятникоохранения Юга России, Мурзакевич, как это часто бывает, неоднозначно воспринимался современниками. Ему завидовали, а некоторые коллеги видели в нем лишь «сановную фигуру с тройным подбородком <...> добродушия ни малейшего: во всем, в лице, во взоре и в тяжелой походке – выражение недоступной важности» [70]. Так, саркастическое описание Н. Н. Мурзакевича привел в своей «Археологической оде» брат директора

Керченского музея древностей А. С. Люценко – Ефим Ефимович (1810–1888):

«<...> Пыхтя и весь в поту,
Изнемогающий от жира,
Стоит с сигарою во рту
На маковке горы – Сатира
Тот одессит-археолог,
Любитель пива и комфорта,
Который к ближним очень строг
И переспорит даже черта;
Но к каменным он бабам слаб:
Трудов и денег не жалея,
Он целый полк из этих баб
Поставил на дворе музея.
Пылая нежной страстью к сим
Мифологическим уродам,
Он не решил еще, каким
Принадлежат они народам.
Его пытливый занят ум
Лишь сими бабами – и только;
Конечно, из подобных дум
Не выйдет никакого толка.
Чужим заслугам невпопад
Усердно подводя итоги,
Теперь он пишет зауряд
Коротенькие некрологи
И прославляет тех особ
Интеллигентного застоя,
Которые попали в гроб
От старости и геморроя.
Когда-то в пользе убежден
Монетных и других собраний,
Музей в Одессе создал он
Из доброхотных подаяний.
Он не смущается, когда,
Выпрашивая вещи, книги,
Ему иные господа
В лицо показывают фиги.
Чего в музее этом нет!
В нем видны вазы и картины,
Статуи, книги и монет
Истертых полные витрины.
«Записки Общества», меж тем,
В сравнении с прошлыми годами,
Давно уж надоели всем

Своими тощими статьями.
Хвала тебе, археолог!
Когда умрешь ты от удара,
Тебе напишут некролог
По выпискам из формуляра,
Исчислят все твои чины,
Кресты, мундирные нашивки,
Которые тебе даны
По недосмотру и ошибке,
Прибавя только на конце,
Что под корой семинариста
Ты совмещал в своем лице

Доносчика и карьериста <...>» [71]. При этом напомним, что именно благодаря Н. Н. Мурзакевичу оба брата Люценко получили возможность заниматься раскопками на Керченском и Таманском полуостровах, Александр Ефимович стал директором местного музея, имел служебное жилье. Но, как хотелось поострословить...

Николай Никифорович Мурзакевич – одесский патрон крымоведения на протяжении большей части XIX столетия – сумел не только собственными штудиями обогатить источниковедение истории Крыма, способствовать освещению средневековых страниц истории края. Своей многогранной деятельностью от имени Одесского общества истории и древностей он способствовал становлению научного музейного дела в Крыму, сохранению монументального культурного наследия полуострова. Как подвижник крымоведения Мурзакевич привлекал к работам по развитию библиографии региона, изучению его истории возможных деятелей из столиц, которые принимались в члены-корреспонденты, действительные члены ООИД, приглашались с докладами на заседания, публиковались в «Записках» Общества. Тем самым была создана разносторонняя база данных по истории Крыма, которая до сегодняшнего дня не потеряла актуальности и активно востребована нынешним поколением крымоведов.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Крымоведение в Одессе (середина XIX – начало XX вв.): биоисториографические этюды [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время.– 2016.– Т. 12.– Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма.– Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_e-ast12-1.2016.51.

Непомнящчий А. А. Krymovedenie v Odesse (seredina XIX – nachalo XX vv.): bioistoriograficheskie etudy [Elektronnyj resurs] // Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremya.– 2016.– Т. 12.– Вып. 1: Krymovedenie: prostranstvo i vremya Kryma.– Statsionarnyj setevoj adres: 2227-9490e-aprov_e-ast12-1.2016.51.

2. Историко-культурна спадщина України (XIX ст. – поч. XX ст.): зб. докум. і матер. / Авт.-упор. Т. Ф. Григор'єва.– Київ: Рідний край, 1995.– С. 55–58, 103–104; Мурзакевич Н. Н. Очерк заслугам, сделанных наукам, Светлейшим князем Михаилом Семеновичем Воронцовым // Памятники Отечества.– М., 1997.– № 4: Алупка=Alupka=Aloupka: исторические очерки / Ред.-сост. Т. А. Князева.– (Серия: «Встречи с Крымом»).– С. 129–147; То же // Тайна Великой княжны: полуденный альманах / Под ред. Н. В. Николаенко.– М.; Симферополь, 1998.– (Серия: «Б-ка журнала «Крымский контекст»»).– С. 177–191; Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым в 1836 году // Петрова Э., Прохорова Т.

Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов (к 200-летию юбилею Н. В. Гоголя).– Симферополь: Бизнес-Информ, 2011.– С. 23–70; Мурзакевич Н. Н. История генуэзских поселений в Крыму / подг., вступ. ст. Т. Татаринцевой.– Феодосия: Арт лайф, 2012.– 104 с.

Istoriko-kul'turna spadshchina Ukraïni (XIX st. – poch. XX st.): zb. dokum. i mater. / Avt.-upor. T. F. Grigor'eva.– Kii'v: Ridnij kraj, 1995.– S. 55–58, 103–104; Murzakevich N. N. Ocherk zaslugam, sdelannyh naukam, Svetlejshim knyazem Mihailom Semenovichem Vorontsovym // Pamyatniki Otechestva.– M., 1997.– № 4: Alupka=Alupka=Aloupka: istoricheskie ocherki / Red.-sost. T. A. Knyazeva.– (Seriya: «Vstrechi s Krymom».– S. 129–147; To zhe // Tajna Velikoj knyazhny: poludennyj al'manah / Pod red. N. V. Nikolaenko.– M.; Simferopol', 1998.– (Seriya: «B-ka zhurnala «Krymskij kontekst»».– S. 177–191; Murzakevich N. N. Poezdka v Krym v 1836 godu // Petrova E., Prohorova T. Krymskie puteshestviya: N. N. Murzakevich, A. N. Demidov (k 200-letnemu yubileyu N. V. Gogolya).– Simferopol': Biznes-Inform, 2011.– S. 23–70; Murzakevich N. N. Istoriya genuezskih poselenij v Krymu / podg., vstup. st. T. Tatarintsevoj.– Feodosiya: Art lajf, 2012.– 104 s.

3. Непомнящий А. А. Источники библиографической информации по историческому крымоведению // Библиография и книговедение.– 2019.– № 4.– С. 64–71.

Непомнящий А. А. Источники библиографической информации по историческому крымоведению // Библиография и книговедение.– 2019.– № 4.– С. 64–71.

4. ИРЛИ, ф. 603, оп. 1, д. 2, л. 1–82; д. 3, л. 1–118; д. 4, л. 1–105; РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 155, л. 1–105.

IRLI, f. 603, op. 1, d. 2, l. 1–82; d. 3, l. 1–118; d. 4, l. 1–105; RGALI, f. 1337, op. 1, d. 155, l. 1–105.

5. Николай Никифорович Мурзакевич: автобиография.– СПб., 1886.– VIII, 233 с.; Записки Н. Н. Мурзакевича // Русская старина.– 1887.– № 1.– С. 16–46; № 2.– С. 263–298; № 3.– С. 651–666; № 4.– С. 129–144; № 6.– С. 643–662; № 9.– С. 477–497; № 12.– С. 649–675; 1888.– № 9.– С. 583–610; 1889.– № 1.– С. 231–260.

Nikolaj Nikiforovich Murzakevich: avtobiografiya.– SPb., 1886.– VIII, 233 s.; Zapiski N. N. Murzakevicha // Russkaya starina.– 1887.– № 1.– S. 16–46; № 2.– S. 263–298; № 3.– S. 651–666; № 4.– S. 129–144; № 6.– S. 643–662; № 9.– S. 477–497; № 12.– S. 649–675; 1888.– № 9.– S. 583–610; 1889.– № 1.– S. 231–260.

6. ИРЛИ, ф. 603, оп. 1, д. 37, л. 1–8; ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 71а, л. 41.

IRLI, f. 603, op. 1, d. 37, l. 1–8; GAOO, f. 93, op. 1, d. 71a, l. 41.

7. Там же, д. 1, л. 9–10.

Tam zhe, d. 1, l. 9–10.

8. ГАОО, ф. 44, оп. 1 (1831 г.), д. 1, л. 7–9.

GAOO, f. 44, op. 1 (1831 g.), d. 1, l. 7–9.

9. Там же, оп. 1 (1833 г.), д. 12, л. 72–74; д. 4, л. 80–81.

Tam zhe, op. 1 (1833 g.), d. 12, l. 72–74; d. 4, l. 80–81.

10. ИРЛИ, ф. 603, оп. 1, д. 39, л. 4 об.–5.

IRLI, f. 603, op. 1, d. 39, l. 4 ob.–5.

11. Михневич И. Исторический очерк сорокалетия Ришельевского лицея с 1817 по 1857 год.– Одесса, 1857.– 200 с.

Mihnevich I. Istoricheskij ocherk sorokaletiya Rishel'evskogo litseya s 1817 po 1857 god.– Odessa, 1857.– 200 s.

12. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века).– Симферополь: Доля, 2001.– 816 с.

Непомнящий А. А. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arhivy (konets XVIII – nachalo HKH veka).– Simferopol': Dolya, 2001.– 816 s.

13. ГАОО, ф. 148, оп. 1, д. 4, л. 1–101.

GAOO, f. 148, op. 1, d. 4, l. 1–101.

14. Murzakewicz N. Descriptio nummorum veterum Graecorum atque Romanorum, qui inveniuntur in museo.– Odessae, 1835.– 67 p., 4 tabl.

15. [Скальковский А. А.] [Рецензия] // Одесский вестник.– 1835.– № 103.– 25 дек.– Изд. под псевд.: А. А. С.– Рец. на кн.: Murzakewicz N. Descriptio nummorum veterum Graecorum atque Romanorum, qui inveniuntur in museo.– Odessae, 1835.– 67 p., 4 tabl.

[Skal'kovskij A. A.] [Retsenziya] // Odesskij vestnik.– 1835.– № 103.– 25 dek.– Izd. pod psevd.: A. A. S.– Rets. na kn.: Murzakevich N. Descriptio nummorum veterum Graecorum atque Romanorum, qui inveniuntur in museo.– Odessa, 1835.– 67 p., 4 tabl.

16. Историческая записка о деятельности императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования.– М., 1890.– С. 160.

Istoricheskaya zapiska o deyatelnosti imperatorskogo Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva za pervye 25 let sushchestvovaniya.– М., 1890.– С. 160.

17. Мурзакевич Н. Н. История генуэзских поселений в Крыму.– Одесса, 1837.– III, 91, V с., карта. Murzakevich N. N. Istoriya genuezskih poselenij v Krymu.– Odessa, 1837.– III, 91, V s., karta.

18. В. Г. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения.– 1838.– № 6.– С. 613–616.– Рец. на кн.: Мурзакевич Н. Н. История генуэзских поселений в Крыму.– Одесса, 1837.– III, 91, V с., карта.

V. G. [Retsenziya] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.– 1838.– № 6.– С. 613–616.– Rets. na kn.: Murzakevich N. N. Istoriya genuezskih poselenij v Krymu.– Odessa, 1837.– III, 91, V s., karta.

19. [Рецензия] // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду».– 1837.– 23 окт.– С. 417–426.– Рец. на кн.: Мурзакевич Н. Н. История генуэзских поселений в Крыму.– Одесса, 1837.– III, 91, V с., карта.

[Retsenziya] // Literaturnye pribavleniya k «Russkomu invalidu».– 1837.– 23 okt.– С. 417–426.– Rets. na kn.: Murzakevich N. N. Istoriya genuezskih poselenij v Krymu.– Odessa, 1837.– III, 91, V s., karta.

20. N. T. Coup d'oeil sur la littérature Russie en 1838. Quatrième lettre // Journal de débats politiques et littéraires.– 1839.– 12 fevrier.

21. [Рецензия] // Современник.– 1850.– Т. 21, отд. 5.– С. 86–88.– Рец. на кн.: Примодэ Э. История черноморской торговли в средних веках, изданная Василием Шостаком.– Одесса, 1850.– 157 с.

[Retsenziya] // Sovremennik.– 1850.– Т. 21, отд. 5.– С. 86–88.– Rets. na kn.: Primode E. Istoriya chernomorskoj trgovli v srednih vekah, izdannaya Vasiliem SHostakom.– Odessa, 1850.– 157 s.

22. СПФАРАН, ф. 30, оп. 3, д. 185, л. 16.

SPFARAN, f. 30, op. 3, d. 185, l. 16.

23. Шаманаев А. В. «История генуэзских поселений в Крыму» Н. Н. Мурзакевича: библиографическое исследование // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 2: «Гуманитарные науки».– 2009.– № 3(65).– С. 160–172.

Shamanaev A. V. «Istoriya genuezskih poselenij v Krymu» N. N. Murzakevicha: biobibliograficheskoe issledovanie // Izvestiya Ural'skogo gos. un-ta. Ser. 2: «Gumanitranye nauki».– 2009.– № 3(65).– С. 160–172.

24. Дабижа В. Д. Николай Никифорович Мурзакевич, 1806–1883 гг. // Николай Никифорович Мурзакевич: автобиография.– СПб., 1886.– С. 6.

Dabizha V. D. Nikolaj Nikiforovich Murzakevich, 1806–1883 gg. // Nikolaj Nikiforovich Murzakevich: avtobiografiya.– SPb., 1886.– С. 6.

25. Мурзакевич Н. Генуэзские консулы города Кафы // ЗООИД.– 1853.– Т. 3, отд. 3.– С. 552–553.

Murzakevich N. Genuezskie konsuly goroda Kafy // ZOOID.– 1853.– Т. 3, отд. 3.– С. 552–553.

26. Мурзакевич Н. Медные монеты города Кафы // ЗООИД.– 1860.– Т. 4, отд. 2.– С. 387–388.

Murzakevich N. Mednye monety goroda Kafy // ZOOID.– 1860.– Т. 4, отд. 2.– С. 387–388.

27. Мурзакевич Н. Донесение об осмотре Архива Банка Св. Георгия // ЗООИД.– 1863.– Т. 5, отд. 3.– С. 982–985.

Murzakevich N. Donesenie ob osmotre Arhiva Banka Sv. Georgiya // ZOOID.– 1863.– Т. 5, отд. 3.– С. 982–985.

28. Мурзакевич Н. Донесения Обществу // ЗООИД.– 1872.– Т. 8.– С. 318–322.

Murzakevich N. Doneseniya Obshchestvu // ZOOID.– 1872.– Т. 8.– С. 318–322.

29. ГАОО, ф. 160, оп. 1, д. 28, л. 1.

GAOO, f. 160, op. 1, d. 28, l. 1.

30. Мурзакевич Н. Поездка в Крым в 1836 году // Журнал Министерства народного просвещения.– 1837.– № 3, отд. 4.– С. 625–691.

Murzakevich N. Pоеzdka v Krym v 1836 godu // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.– 1837.– № 3, отд. 4.– С. 625–691.

31. Гинькут Н. В. Попытки сохранения генуэзских древностей Крыма в конце XVIII – первой половине XIX в. // Уваровские Таврические чтения «Древности Юга России». г. Севастополь.

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 12–16 сент. 2016 г.: тез. докл. и сооб. Междунар. науч. конф. / Гос. историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». – Севастополь, 2016. – С. 13–15.

Gin'kut N. V. Popytki sohraneniya genuezskih drevnostej Kryma v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. // Uvarovskie Tavricheskie chteniya «Drevnosti Yuga Rossii». g. Sevastopol'. Gosudarstvennyj istoriko-arheologicheskij muzej-zapovednik «Hersones Tavricheskij», 12–16 sent. 2016 g.: tez. dokl. i soob. Mezhdunar. nauch. konf. / Gos. istoriko-arheologicheskij muzej-zapovednik «Hersones Tavricheskij». – Sevastopol', 2016. – S. 13–15.

32. ГАОО, ф. 1, оп. 191 (1837 г.), д. 39, л. 2.

GAOO, f. 1, op. 191 (1837 g.), d. 39, l. 2.

33. Там же, л. 4–5 об.

Tam zhe, l. 4–5 ob.

34. Там же, л. 4 об.

Tam zhe, l. 4 ob.

35. Там же, л. 5 об.

Tam zhe, l. 5 ob.

36. Мурзакевич Н. Н. О латинской надписи с именем Воспорского царя Савромата II // ЗООИД. – 1844. – Т. 1, отд. 2. – С. 286–288; Мурзакевич Н. Н., [Негри А. Ф.] Эски–Керменская арабская надпись // ЗООИД. – 1850. – Т. 2, отд. 2. – С. 529–531.

Murzakevich N. N. O latinskoj nadpisi s imenem Vosporskogo sarya Savromata II // ZOOID. – 1844. – T. 1, otd. 2. – S. 286–288; Murzakevich N. N., [Negri A. F.] Eski–Kermenskaya arabskaya nadpis' // ZOOID. – 1850. – T. 2, otd. 2. – S. 529–531.

37. Непомнящий А. А. Биобиблиография А. Б. Ашика в контексте изучения Крыма в XIX веке // Боспорские исследования / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь, 2002. – Вып. 2. – С. 333–345.

Непомнящий А. А. Biobibliografiya A. B. Ashika v kontekste izucheniya Kryma v XIX veke // Bosporskie issledovaniya / Krymskoe otd. In-ta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy. – Simferopol', 2002. – Вып. 2. – С. 333–345.

38. СПФАРАН, ф. 30, оп. 3, д. 185, л. 18 об.

SPFARAN, f. 30, op. 3, d. 185, l. 18 ob.

39. ИРЛИ, ф. 603, оп. 1, д. 70.

IRLI, f. 603, op. 1, d. 70.

40. Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): биобиблиографическое исследование. – Симферополь, 2000. – 360 с.

Непомнящий А. А. Muzejnoe delo v Krymu i ego starateli (XIX – nachalo XX veka): biobibliograficheskoe issledovanie. – Simferopol', 2000. – 360 s.

41. ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 52, л. 32; ИРЛИ, ф. 603, оп. 1, д. 18, л. 1; д. 81, л. 1–30; д. 165, л. 1.

GAOO, f. 93, op. 1, d. 52, l. 32; IRLI, f. 603, op. 1, d. 18, l. 1; d. 81, l. 1–30; d. 165, l. 1.

42. Петрова Э. Б. Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь, 2007. – Вып. 13. – С. 614–631.

Petrova E. B. Krymskie puteshestviya: N. N. Murzakevich // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskoe otd. In-ta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy. – Simferopol', 2007. – Вып. 13. – С. 614–631.

43. Непомнящий А. А. «Полная энциклопедия нужных и полезных сведений о крае»: Новороссийский календарь // Пространство и время. – 2014. – № 4. – С. 160–167.

Непомнящий А. А. «Polnaya enciklopediya nuzhnyh i poleznyh svedenij o krae»: Novorossijskij kalendar' // Prostranstvo i vremya. – 2014. – № 4. – С. 160–167.

44. Непомнящий А. А. Незвестный крымский нумизмат: Оттон Ретовский: между Феодосией и Петербургом // Нумизматика Золотой Орды / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. – Казань, 2016. – № 6. – С. 120–125.

Непомнящий А. А. Neizvestnyj krymskij numizmat: Otton Retovskij: mezhdru Feodosiej i Peterburgom // Numizmatika Zolotoj Ordy / In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan. – Kazan', 2016. – № 6. – С. 120–125.

45. ИРНБУВ, ф. 5, оп. 1, д. 1130–1185, л. 1–95.
IRNBUB, f. 5, op. 1, d. 1130–1185, l. 1–95.
46. Непомнящий А. А. Становление и развитие историографии истории Крыма: этнографы и экспедиции (XIX – начало XX века) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2019.– Т. 5(71), № 4.– С. 21–66.
Nepomnyashchij A. A. Stanovlenie i razvitie istoriografii istorii Kryma: etnografy i ekspedicii (XIX – nachalo XX veka) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– 2019.– Т. 5(71), № 4.– С. 21–66.
47. ИРЛИ, ф. 603, оп. 1, д. 68, л. 3–5.
IRLI, f. 603, op. 1, d. 68, l. 3–5.
48. ИРЛИ, ф. 603, оп. 1, д. 227, л. 1–2.
IRLI, f. 603, op. 1, d. 227, l. 1–2.
49. Шаманаев А. В. Документы Одесского общества истории и древностей об организации археологических раскопок в Херсонесе в 1870–1880-х гг. // Документ. Архив. История. Современность: сб. научных трудов.– Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005.– Вып. 5.– С. 384–394; Шаманаев А. В. Деятельность Одесского общества истории и древностей по сохранению керченских древностей во второй половине XIX – начале XX вв. // Боспорские чтения. Вып. VIII: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: святилища и сакральные объекты / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.– Керчь, 2007.– С. 329–335; Шаманаев А. В. Деятельность Одесского общества истории и древности по сохранению Судакской крепости (вторая полов. XIX – нач. XX в.) // Сугдейский сборник / Национальный заповедник «София Киевская».– Киев; Судак, 2008.– (Б-ка Софии Киевской).– С. 627–635.
Shamanaev A. V. Dokumenty Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej ob organizacii arheologicheskikh raskopok v Hersonese v 1870–1880-h gg. // Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost': sb. nauchnyh trudov.– Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2005.– Vyp. 5.– S. 384–394; Shamanaev A. V. Deyatel'nost' Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej po sohraneniyu kerchenskih drevnostej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. // Bosporskie chteniya. Vyp. VIII: Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya: svyatilishcha i sakral'nye ob'ekty / Krymskoe otd. In-ta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy.– Kerch', 2007.– S. 329–335; Shamanaev A. V. Deyatel'nost' Odesskogo obshchestva istorii i drevnosti po sohraneniyu Sudakskoj kreposti (vtoraya polov. XIX – nach. XX v.) // Sugdejskij sbornik / Nacional'nyj zapovednik «Sofiya Kievskaya».– Kiev; Sudak, 2008.– (B-ka Sofii Kievskoj).– S. 627–635.
50. РГАЛИ, ф. 149, оп. 1, д. 21, л. 1–2.
RGALI, f. 149, op. 1, d. 21, l. 1–2.
51. Геннади Г. Н. Список сочинений о Крыме // Записки Одесского общества истории и древностей.– 1867.– Т. 6.– С. 623–644.
Gennadi G. N. Spisok sochinenij o Kryme // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej.– 1867.– Т. 6.– С. 623–644.
52. РГАЛИ, ф. 149, оп. 1, д. 21, л. 3–4.
RGALI, f. 149, op. 1, d. 21, l. 3–4.
53. Непомнящий А. А. Из переписки Н. Н. Мурзакевича и Г. Н. Геннади // Библиография и книговедение.– 2018.– № 6.– С. 44–49.
Nepomnyashchij A. A. Iz perepiski N. N. Murzakevicha i G. N. Gennadi // Bibliografiya i knigovedenie.– 2018.– № 6.– С. 44–49.
54. РГАЛИ, ф. 149, оп. 1, д. 21, л. 3–4.
RGALI, f. 149, op. 1, d. 21, l. 3–4.
55. Мурзакевич Н. Н. Путеводитель Южного берега Крыма.– Одесса, 1866.– 51 с.
Murzakevich N. N. Puteukazatel' Yuzhnogo berega Kryma.– Odessa, 1866.– 51 s.
56. Мурзакевич Н. Н. Некоторые подробности о церкви Св. Иоанна Предтечи в Керчи // ЗООИД.– 1844.– Т. 1, отд. 3.– С. 625; Мурзакевич Н. Н. Херсонисская церковь Св. Василия (Владимира) // ЗООИД.– 1863.– Т. 5.– С. 996–997.

- Murzakevich N. N. Nekotorye podrobnosti o cerkvi Sv. Ioanna Predtechy v Kerchi // ZOOID.– 1844.– Т. 1, otd. 3.– S. 625; Murzakevich N. N. Hersonisskaya cerkov' Sv. Vasiliya (Vladimira) // ZOOID.– 1863.– Т. 5.– S. 996–997.
57. Мурзакевич Н. Археологические разыскания в Керчи, произведенные в 1852 году // ЗООИД.– Одесса, 1853.– Т. 3, otd. 3.– С. 540–552; Мурзакевич Н. Н. Греческое древнее кадило // ЗООИД.– 1853.– Т. 3, otd. 3.– С. 565–566.
- Murzakevich N. Arheologicheskie razyskaniya v Kerchi, proizvedennye v 1852 godu // ZOOID.– Odessa, 1853.– Т. 3, otd. 3.– S. 540–552; Murzakevich N. N. Grecheskoe drevnee kadilo // ZOOID.– 1853.– Т. 3, otd. 3.– S. 565–566
58. Мурзакевич Н. Н. Пребывание иезуитов в Крыму // ЗООИД.– 1860.– Т. 4, otd. 3.– С. 466–467; Мурзакевич Н. Н. Материалы для истории Крыма // ЗООИД.– 1868.– Т. 7, otd. 2.– С. 199–210.
- Murzakevich N. N. Prebyvanie iezuitov v Krymu // ZOOID.– 1860.– Т. 4, otd. 3.– S. 466–467; Murzakevich N. N. Materialy dlya istorii Kryma // ZOOID.– 1868.– Т. 7, otd. 2.– S. 199–210.
59. Непомнящий А. А. Крымоведение в научном наследии Н. Н. Мурзакевича // Культура народов Причерноморья.– 1999.– № 9.– С. 82–87.
- Nepomnyashchij A. A. Krymovedenie v nauchnom nasledii N. N. Murzakevicha // Kul'tura narodov Prichernomor'ya.– 1999.– № 9.– S. 82–87.
60. Мурзакевич Н. Список со статейного списка Великого государя Его царского величества<...> Василия Михайловича сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова<...> // ЗООИД.– 1850.– Т. 2, otd. 2.– С. 568–658; Мурзакевич Н. Отвод земли грекам // ЗООИД.– 1860.– Т. 4, otd. 2.– С. 359–362.
- Murzakevich N. Spisok so statejnogo spiska Velikogo gosudarya Ego carskogo velichestva<...> Vasiliya Mihajlovicha syna Tyapkina, d'yaka Nikity Zotova<...> // ZOOID.– 1850.– Т. 2, otd. 2.– S. 568–658; Murzakevich N. Otvod zemli grekam // ZOOID.– 1860.– Т. 4, otd. 2.– S. 359–362.
61. ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 84, л. 76–77.
- GAOO, f. 93, op. 1, d. 84, l. 76–77.
62. Письма высокопреосвященного Евгения, митрополита Киевского Н. Н. Мурзакевичу, 1837–1837 // Киевские епархиальные ведомости.– 1868.– № 10, otd. 2.– С. 377–392.
- Pis'ma vysokopreosvyashchennogo Evgeniya, mitropolita Kievskogo N. N. Murzakevichu, 1837–1837 // Kievskie eparhial'nye vedomosti.– 1868.– № 10, otd. 2.– S. 377–392.
63. Годичный акт в Ришельевском лицее 23-го июня 1846 года.– Одесса, 1846.– С. 1–88.
- Godichnyj akt v Rishel'evskom licee 23-go iyunya 1846 goda.– Odessa, 1846.– S. 1–88.
64. [Мурзакевич Н. Н.] [Библиография трудов И. А. Стемповского] // ЗООИД.– 1863.– Т. 5.– С. 910.– Изд. под псевд.: Н. М.
- [Murzakevich N. N.] [Bibliografiya trudov I. A. Stempkovskogo] // ZOOID.– 1863.– Т. 5.– S. 910.– Izd. pod psevd.: N. M.
65. [Мурзакевич Н. Н.] Очерк заслуг, сделанных наукам светлейшим князем Михаилом Семеновичем Воронцовым // ЗООИД.– 1860.– Т. 4, otd. 3.– С. 395–413; То же.– Одесса, 1860.– 41с.
- [Murzakevich N. N.] Ocherk zaslug, sdelaynyh naukam svetlejshim knyazem Mihailom Semenovichem Voroncovym // ZOOID.– 1860.– Т. 4, otd. 3.– S. 395–413; To zhe.– Odessa, 1860.– 41s.
66. Мурзакевич Н. Н.: некролог // Журнал Министерства народного просвещения.– 1883.– № 12.– С. 81–89.
- Murzakevich N. N.: nekrolog // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.– 1883.– № 12.– S. 81–89.
67. Попруженко М. Г. Одесская городская публичная библиотека, 1830–1910 г.: исторический очерк.– Одесса, 1911.– 84 с.
- Popruzhenko M. G. Odesskaya gorodskaya publichnaya biblioteka, 1830–1910 g.: istoricheskij ocherk.– Odessa, 1911.– 84 s.
68. Непомнящий А. А. Рукописный библиографический текст как информативный ресурс // Современные информационные и коммуникативные технологии в глобальном мире: вызовы и возможности: сб. науч. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф. 20–22 окт. 2016 г. / Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского; гл. ред. Л. В. Савченко.– Симферополь: Ариал, 2017.– С. 164–169.
- Nepomnyashchij A. A. Rukopisnyj bibliograficheskij tekst kak informativnyj resurs // Sovremennye informacionnye i kommunikativnye tekhnologii v global'nom mire: vyzovy i vozmozhnosti: sb. nauch. st. po

mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 20–22 okt. 2016 g. / Krymskij federal'nyj un-t im. V. I. Vernadskogo; gl. red. L. V. Savchenko.– Simferopol': Arial, 2017.– S. 164–169.

69. Мансветов И. Д. Отчет о состоянии и деятельности императорского Московского археологического общества с 17 марта 1883 года по 1 марта 1884 года // Древности: труды имп. Московского археологического общества.– Москва, 1885.– Т. 10, отд. 4.– С. 2–3; Историческая записка о деятельности императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования.– Москва, 1890.– С. 158–163.

Mansvetov I. D. Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti imperatorskogo Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva s 17 marta 1883 goda po 1 marta 1884 goda // Drevnosti: trudy imp. Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva.– Moskva, 1885.– Т. 10, отд. 4.– С. 2–3; Istoricheskaya zapiska o deyatel'nosti imperatorskogo Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva za pervye 25 let sushchestvovaniya.– Moskva, 1890.– S. 158–163.

70. де-Рибас А. Старая Одесса: исторические очерки и воспоминания.– Одесса, 1913.– С. 232–324.

de-Ribas A. Staraya Odessa: istoricheskie ocherki i vospominaniya.– Odessa, 1913.– S. 232–324.

71. Археологическая ода: соч. Е. Е. Люценко: посвящается барону В. Г. Тизенгаузену / Предисл. А. И. Маркевича // Известия Таврической ученой архивной комиссии.– Симферополь, 1910.– № 44.– С. 71–72.

Arheologicheskaya oda: soch. E. E. Lyucenko: posvyashchaetsya baronu V. G. Tizengauzenu / Predisl. A. I. Markevicha // Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii.– Simferopol', 1910.– № 44.– S. 71–72.

A. Nepomnyashchy. N. Murzakevich and the formation of scientific historical Crimean studies: biohistoriographic etude

The author of the article studied the materials of personal archival funds from the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences and the State Archive of Odessa Region, concerning the greatest historian of the Novorossiya Region of the 19th century, archeologist, collector, museum figure Nikolai Nikiforovich Murzakevich (1806–1883). Aspects of his multifaceted scientific and organizational activities have been studied and restored, which contributed to the emergence of scientific Crimean studies and the formation of museum business on the peninsula. The use of the extensive epistolary of the scientist, which was postponed in the personal archival collections of dozens of Crimean scientists of the time, allowed to restore separate stories of the development of Crimean studies of the era. The article continues the wide biohistoriographic sketch dedicated to the role of the Odessa Scientific Center in pre-Soviet historical Crimean studies.

Keywords: N. N. Murzakevich, Odessa Society of History and Antiquities, Historical Crimean studies, museums, bibliography.

УДК 94(470.51) «1943/1945»

**МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ
УЧАСТИЯ ВОИНОВ ИЗ УДМУРТИИ
В ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ В 1943–1945 ГГ.***

Перевозищев Д. В.

*Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской академии наук
г. Ижевск, Российская Федерация
E-mail: dmitryizh76@mail.ru.*

На основе архивных документов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, а также публикаций в периодической печати рассматривается вопрос об участии в движении Сопротивления на территории зарубежной Европы советских военнопленных, уроженцев Удмуртской АССР или воинов, призванных в армию с ее территории. Эта тема недостаточно исследована. В работе впервые предпринята попытка обобщить и проанализировать известные и вновь выявленные факты по данной научной проблеме. Приводятся наиболее значительные события из биографий бывших военнопленных, принявших участие в движении Сопротивления. Названы нацистские концентрационные лагеря, где они содержались до своих успешных побегов. Перечислены также страны зарубежной Европы, на территории которых военнопленные воевали в составе партизанских отрядов. Приводятся данные из послевоенных биографий бывших узников нацистских концлагерей. Изучение вопроса с применением доступных для исследователя материалов способствуют выявлению некоторых особенностей выживания советских граждан в фашистском плену, функционирования партизанских отрядов, сражавшихся с гитлеровцами за рубежом.

Ключевые слова: Удмуртия, советские военнопленные, нацистские концлагеря, побеги, движение Сопротивления.

Бескомпромиссность вооруженного противостояния между СССР и армиями гитлеровской Германии, ее союзников, а также тяжелейшие условия содержания, высокая смертность советских военнопленных в нацистских концентрационных лагерях, предопределили значительное количество их побегов из мест заключения. Многие бывшие узники добровольно вступали в ряды вооруженных групп Сопротивления, активно действующих в захваченных гитлеровцами странах. Тысячи бывших советских военнопленных в 1941–1945 гг. боролись с врагом в рядах партизан и подпольщиков на территории Польши, Чехословакии, Норвегии, Югославии, Греции, Италии, Франции, Бельгии, Голландии и других европейских государств, которые были оккупированы гитлеровскими войсками.

Среди них находились уроженцы Удмуртии или военнослужащие, призванные в Красную Армию с территории республики. Указанная научная проблема получила отражение в работах К. И. Куликова [1], Н. А. Родионова [2]. Однако она остается недостаточно изученной и нуждается в дальнейшем углубленном исследовании.

* Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований Уральского отделения РАН, проект № 18-6-6-38.

Предлагаемая статья является первой попыткой обобщить и проанализировать имевшиеся и вновь выявленные данные об узниках нацистских концлагерей, судьба которых связана с Удмуртией, сумевших совершить успешный побег и присоединиться к движению Сопротивления в странах зарубежной Европы.

Судя по выявленным источникам, советские военнопленные, проживавшие до войны в республике, принимали участие в антифашистской борьбе на территории Бельгии, Греции, Италии, Польши, Франции, Чехословакии.

В Бельгии в партизанском отряде воевал И. Г. Подоплелов. В Греции в сражениях против гитлеровцев участвовал Г. Н. Николаев, в Италии – С. Н. Акузин и Г. П. Хлыбов, в Польше – А. Н. Ворожцов, во Франции – С. П. Лебедев и А. М. Михайлов, в Чехословакии – В. М. Емельянов и Ф. М. Нуриманов.

Выпускник ижевского аэроклуба, боец 212-й воздушно-десантной бригады Иван Григорьевич Подоплелов попал в плен на Украине в районе г. Фастов. Был отправлен гитлеровцами в Бельгию для работы на шахте. Пленные грузили на вагонетки каменный уголь и везли их из забоев. Бельгийские антифашисты помогли бежать И. Г. Подоплелову и еще 39 военнопленным. Среди них находились русские, французы, поляки, англичане. После побега И. Г. Подоплелов вступил в ряды бельгийских партизан. Проявил себя хорошим воином в борьбе с гитлеровскими оккупантами. По словам командира отряда Рауля, он был счастлив воевать с такими людьми, как И. Г. Подоплелов, которые не давали ему покоя, требуя все новых заданий.

После войны бывший участник бельгийского Сопротивления жил в г. Ижевске, работал на механическом заводе [3, с. 4].

Геннадий Николаевич Николаев родился в 1923 г. в д. Мувыр Шарканского района Удмуртии [4, л. 65]. Призван в армию в мае 1942 г. 3 сентября 1942 г. автоматчик 77-й стрелковой дивизии Г. Н. Николаев во время боя на территории Смоленской области был оглушен взрывом и в бессознательном состоянии попал в плен. Гитлеровцы отправили его в концлагерь на территории Франции. Затем перевезли в Грецию. Там Г. Н. Николаев содержался в одном из концентрационных лагерей, находившихся неподалеку от г. Патры. В сентябре 1943 г. вместе с двумя другими военнопленными С. Антиповым и Г. Семикиным ему удалось бежать. Они дождались, когда заснул конвоир, проползли под колючей проволокой, затем добрались до кустов, где переждали до ночи. Все трое ушли в горы и вступили в один из партизанских отрядов, находившийся в составе Греческой освободительной армии (ЭЛАС). Бывшие военнопленные участвовали в боевых операциях бойцов Сопротивления, в частности, в подрыве немецких эшелонов с военной техникой. Им удалось спасти одну из греческих деревень, которую гитлеровцы хотели сжечь, а жителей расстрелять за связь с партизанами. Немецкий карательный отряд, который направлялся на эту варварскую акцию, был уничтожен бойцами Сопротивления. Среди них находился Г. Н. Николаев. Он пользовался авторитетом среди воинов, его приняли в ряды Коммунистической партии Греции. 12 мая 1944 г. была написана характеристика бойца 11-й бригады Греческой национально-освободительной армии (ЭЛАС) Г. Н. Николаева. В документе говорилось:

«...Характеристика дана Николаеву Геннадию, который проявил себя дисциплинированным воином в рядах греческих партизан с 5 сентября 1943 г.

Николаев Геннадий бежал из немецкого плена в отряды греческих партизан.

Он участвовал в боях против немецких фашистов. Руководство партизанскими отрядами Пелопонесского округа выражает благодарность русскому воину, который сражался в рядах греческих партизан против немецко-фашистских захватчиков. Выполняя указания Межсоюзного комитета, он возвращается на родину.

Паспорт ему выдан 1-м батальоном 3-й дивизии, рота русских партизан, что и удостоверяем в настоящий момент» [5].

В 1944 г. гитлеровские войска покинули Грецию. Летом Г. Н. Николаев вместе с другими советскими гражданами встретил представителей английской армии. 22 июня 1944 г. британский корабль перевез бывших военнопленных в Италию. В окрестностях г. Таранто Г. Н. Николаев и его соотечественники содержались на территории бывшего гитлеровского концлагеря. На одной его половине размещались советские репатрианты, на другой находились военнопленные немцы. На вышках расположились английские солдаты с пулеметами. Несколько раз репатрианты требовали вызвать в лагерь представителей советской военной миссии. Однако британские оккупационные власти игнорировали все подобные обращения. В ответ на такое отношение русские объявили голодовку. Некоторое время спустя в лагерь приехали советские офицеры, и бывшие военнопленные в августе 1944 г. через Египет и Иран вернулись в СССР [6, с. 246–247]. После войны Г. Н. Николаев работал электриком в колхозах Шарканского и Воткинского районов Удмуртии. Несколько раз его избирали депутатом Светлянского сельского совета [7, с. 3].

Савелий Николаевич Акузин родился в 1917 г. в д. Паслоково Понинского района. 12 июля 1941 г. был призван в ряды Красной Армии. 20 сентября попал в плен под Демянском Ленинградской области. Сначала находился в концлагере, находившемся в этом же городе. Условия содержания там были крайне тяжелыми для заключенных. Гитлеровцы выдавали пленным лишь поллитра воды в день. Затем С. Н. Акузин был отправлен в г. Старая Русса, где работал на очистке улиц от щебня, камня, кирпича. Позднее он находился в гитлеровских концлагерях, размещенных в Латвии, Польше. В ноябре 1944 г. С. Н. Акузин оказался в Италии. Находился в концлагере на территории г. Караваджо, расположенного в 30 км. восточнее Милана. 22 декабря 1944 г. вместе с другими военнопленными ему удалось бежать и присоединиться к местным партизанам. Участвовал во многих акциях против фашистов. После эвакуации гитлеровских войск с Апеннинского полуострова вместе с другими бойцами Сопротивления С.Н. Акузин встретил наступавшие американские войска. В сентябре 1946 г. он вернулся на родину. Во время нахождения в Италии С. Н. Акузин получил от командующего Средиземноморскими союзными силами британского маршала А. Александра «Грамоту патриота», в которой говорилось: «От имени правительств и народов объединенных наций благодарим Акузина Савелья за то, что он сражался с врагом на полях битв в среде тех людей, которые своим оружием добились триумфа свободы, развертывая наступательные операции, выполняя акты саботажа, снабжая военными информацией».

Своей храбростью и преданностью итальянские патриоты оказали основательное содействие делу освобождения Италии и Великому делу всех свободолюбивых народов.

В возрожденной Италии обладатели этой грамоты будут провозглашены, как патриоты, которые сражались за честь и свободу» [6, с. 295].

Другой уроженец Удмуртии, воевавший с гитлеровцами на Апеннинском полуострове – Георгий Пантелеевич Хлыбов, служил танкистом, попал в плен летом 1943 г. во время Курской битвы. Он побывал во многих концентрационных лагерях, размещенных в том числе и в Германии. Летом 1944 г. в закрытых железнодорожных вагонах вместе с большой группой советских военнопленных Г. П. Хлыбов попал на север Италии. Ему удалось бежать и присоединиться к 4-й партизанской бригаде «Педаджера». Устраивая засады на дорогах, воины Соппротивления громили вражеские автомобильные колонны, проводили другие смелые операции. В этих боях участвовал и Г. П. Хлыбов. Командование партизанского подразделения было удовлетворено его воинским мастерством. В характеристике говорилось: «Партизан русской национальности Хлыбов Георгий Пантелеевич, 1904 г. рождения из Вавожа, служил в IV бригаде «Педаджера» первой дивизии Ланге с 4 июля 1944 года до окончания военных действий. За время пребывания его в наших рядах он всегда был корректен и дисциплинирован. В многочисленных боях, в которых он участвовал, проявлял отвагу и высокие моральные качества».

Возвратившись после окончания войны в СССР, Г. П. Хлыбов работал в г. Можге, руководил контрольно-семенной лабораторией, трудился агрономом, зоотехником [8, с. 76–89].

Уроженец д. Новый Ошмес Можгинского района Аркадий Николаевич Ворожцов закончил авиационное училище, которое располагалось в г. Энгельсе. В 1937 г. 21-й летний выпускник был призван в армию Октябрьским райвоенкоматом г. Саратова. Летом 1942 г. кадровый офицер, лейтенант Ворожцов являлся командиром звена 2-го авиаполка 204-й бомбардировочной авиадивизии. 4 июля не возвратился с боевого задания по разведке [9, л. 3]. Самолет Пе-2, экипажем которого командовал А. Н. Ворожцов, после боя с «мессершмиттами» совершил вынужденную посадку северо-западнее Ржева. 7 июля в бессознательном состоянии лейтенант попал в плен. Находился в концентрационных лагерях, расположенных в Калининской и Смоленской областях. С августа 1942 г. нацисты содержали его в лагере на территории польского города Лодзь. А. Н. Ворожцов сумел бежать и присоединиться к местным подпольщикам. Писал статьи для польской антифашистской газеты. Слушая советское радио, составлял листовки с информацией о положении на Восточном фронте.

В группе Соппротивления оказался провокатор. 18 апреля 1943 г. гестаповцы схватили А. Н. Ворожцова и его товарищей. Через год после ареста, пройдя через тюрьмы Варшавы, Кракова и Лодзи, он оказался в концлагере Освенцим, известном своими «медицинскими экспериментами» над беззащитными узниками, крематориями, газовыми камерами и другими бесчеловечными методами массового истребления противников гитлеровского режима. После недолгого пребывания в

печально знаменитом Маутхаузене А. Н. Ворожцов был отправлен в концлагерь, находившийся в австрийском г. Линц. В начале мая 1945 г. у заминированного гитлеровцами бомбоубежища, куда их вели на смерть, А. Н. Ворожцов и другие узники подняли восстание, захватили оружие, перебили фашистов, вернулись в лагерь и двое суток охраняли его своими силами. 5 мая г. Линц заняли американские войска. Через несколько дней после восстания А. Н. Ворожцов и другие бывшие военнопленные отправились в советские госпитали для лечения. В ноябре 1945 г. он был репатриирован [10, л. 25]. Прошел проверку в фильтрационном лагере НКВД № 806, направленную на выявление среди бывших узников нацистских пунктов заключения дезертиров, лиц, перешедших на сторону врага, военных преступников, карателей, а также завербованных гитлеровцами агентов спецслужб. Никаких серьезных обвинений к А. Н. Ворожцову не было предъявлено, поэтому он вернулся в армию и служил в 359-м стрелковом запасном полку 14-й стрелковой дивизии Московского военного округа. Демобилизовавшись, бывший военнопленный уехал к матери, которая проживала в г. Ижевске. Работал в Министерстве сельского хозяйства Удмуртской АССР, затем главным зоотехником местной племенной животноводческой станции [11, с. 25–30, 34–59, 87–102, 132]. Ушел из жизни в 1976 г.

Степан Петрович Лебедев родился в 1912 г. в с. Камбарка. Был призван в РККА Молотовским районным военкоматом г. Горького. Служил в 124-м отдельном стрелковом батальоне. 13 сентября 1941 г. С. П. Лебедев вместе с другими бойцами подразделения оказался в окружении и затем в районе г. Старая Русса Ленинградской области попал в плен. Находился в нескольких нацистских концлагерях. В 1943 г. был отправлен во Францию. 4 августа 1944 г. ему удалось осуществить успешный побег и через два дня присоединиться к бойцам Сопротивления. Он был зачислен в «русский батальон», состоявший из бывших советских военнопленных. Принял участие в вооруженной борьбе с гитлеровцами во французской Бретани. В сентябре отряд, где находился С. П. Лебедев, встретился с американскими войсками и вместе с ними участвовал в освобождении нескольких населенных пунктов, включая г. Брест. В 1945 г. как бывший военнопленный прошел проверку в фильтрационном лагере и вернулся на родину [12].

Александр Михайлович Михайлов родился в 1919 г. в д. Гожня Малопургинского района Удмуртской АССР. Был кадровым военным служащим – призван в ряды Красной Армии агрызским райвоенкоматом в 1939 г. Служил в 6-й армии [13, л. 445]. 6 августа 1941 г. попал во вражеский плен. Содержался в концлагерях на территории Германии и Франции. Ему удалось совершить успешный побег. В период с июля по ноябрь 1944 г. А. М. Михайлов принимал участие во французском движении Сопротивления. Участвовал в освобождении Люксембурга. До мая 1945 г. он находился в лагере для советских репатриантов в Париже. Вернулся в Советский Союз в ноябре 1945 г. [6, с. 255].

20-летний курсант танкового училища Виктор Матвеевич Емельянов, уроженец д. Сепыч Глазовского района, попал в плен летом 1941 г. Находился в гитлеровских концлагерях на территории Украины, Польши, Германии. В 1943 г. В. М. Емельянов вместе с другими военнопленными был отправлен в Словакию. Там ему удалось

бежать из плена и затем найти приют у местных крестьян, которые познакомили его с представителями бойцов Сопротивления. В составе словацкого партизанского соединения В. М. Емельянов участвовал в диверсионных операциях против гитлеровских войск и их союзников. В его характеристике было отмечено, что он как начальник штаба отряда разрабатывал и лично руководил боевыми операциями этого подразделения, бойцы которого сожгли 5 вражеских автомашин, взорвали шоссе мост, ликвидировали 38 и взяли в плен 66 немецких солдат и офицеров. В. М. Емельянов был представлен к награждению орденом Красной Звезды, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. После войны он вернулся в г. Глазов. В январе 1961 г. В.М. Емельянову был вручен орден чехословацкого партизана [1, с. 381–393].

Фатых Муллахметович Нуриманов родился 25 марта 1916 г. в д. Мордва Агрызского района Татарской АССР. До войны проживал в г. Ижевске. Служил под Ленинградом, в 201-й парашютной бригаде. На Карельском перешейке, в районе Каменки часть этого подразделения оказалась в окружении. 5 июля 1941 г. Ф. М. Нуриманов попал в плен. Гитлеровцы отправили его в концлагерь г. Дунабург (Даугавпилс), находившийся в Латвии. Несколько раз он предпринимал усилия для побега из неволи. Одна из попыток закончилась неудачно. При разборке разбомбленного советскими самолетами железнодорожного эшелона Ф. М. Нуриманову удалось незаметно от конвоя скрыться и уйти на расстояние 40 км. от лагеря. Однако гитлеровцы все же сумели настичь его. Некоторое время Ф. М. Нуриманов под № 4157 числился в концентрационном лагере Хаммельбург (Oflag XIII D), располагавшийся в 80 км. восточнее г. Франкфурта-на-Майне. Он находился также в аналогичном пункте заключения в районе г. Нюрнберга. Некоторое время спустя через пражскую тюрьму военнопленного отправили в другой концлагерь. Однако по пути Ф. М. Нуриманову удалось совершить успешный побег. Это произошло 1 июня 1944 г. [14, л. 316]. Чешский крестьянин Воячек приютил его и познакомил с учителем из г. Липник, который помог Ф. М. Нуриманову найти местных партизан. Вместе с ними бывший военнопленный участвовал в диверсиях и других операциях вооруженных бойцов Сопротивления. После прихода в Чехословакию войск Красной Армии Ф. М. Нуриманов вновь вступил в ее ряды и служил до марта 1946 г. После демобилизации вернулся в Ижевск, работал на одном из предприятий, а затем трудился в Удмуртском тресте нефтегазразведки [15, с. 4].

Все перечисленные воины Красной Армии прошли через тройное горнило второй мировой войны – тяжелые бои в рядах действующей армии, плен, сражения в составе партизанских отрядов. Участие в бескомпромиссном вооруженном противостоянии с хорошо оснащенным и опытным противником, негибаемая стойкость в условиях плена и непоколебимая решимость сражаться с ненавистным врагом даже за рубежами своей страны само по себе требует мужества и твердости духа, умения не склонять головы в самых неблагоприятных ситуациях. Биографии советских военнопленных, сумевших совершить успешные побег из мест заключения, отличаются неожиданными поворотами судеб этих людей, хорошо иллюстрируют особенности антифашистской борьбы и других составляющих

истории второй мировой войны. Поэтому вопрос о бывших узниках нацистских концлагерей, принявших участие в движении Сопротивления, представляет значительный интерес для исследователей.

Источники, содержащие информацию о советских военнопленных, биография которых так или иначе связана с Удмуртией, содействуют выявлению основных событий их судеб, содержат фактические данные по истории Великой Отечественной войны, затрагивают вооруженную борьбу с гитлеровцами за рубежом, процесс проверки в специальных фильтрационных лагерях и послевоенную жизнь этих людей в СССР. Анализ вопроса с привлечением всей совокупности сохранившихся документов способствует определению некоторых особенностей пребывания советских граждан в гитлеровском плену, боевой работы партизанских отрядов, действовавших на оккупированной территории стран зарубежной Европы.

Существенной проблемой при работе с документами является секретное хранение, на котором находится значительная часть архивных материалов, затрагивающих судьбы многих бывших узников нацистских концлагерей.

Список использованных источников и литературы

1. Куликов К. И. Грани победы: очерки. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы, 2005. – 437 с.
Kulikov K. I. Grani pobedy: ocherki. – Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury, 2005. – 437 s.
2. Родионов Н. А. Удмуртская республика. Путь к Победе 1945 года. – Ижевск: Удм. институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2015. – 320 с.
Rodionov N. A. Udmurtskaia respublika. Put' k Pobede 1945 goda. – Izhevsk: Udm. institut istorii, iazyka i literatury UrO RAN, 2015. – 320 s.
3. Корепанов В. Человек необычной судьбы // Удмуртская правда. – 1975. – 29 мая.
Korepanov V. Chelovek neobychnoi sud'by // Udmurtskaia pravda. – 1975. – 29 maia.
4. Центральный архив министерства обороны (ЦАМО). – Ф. 8314. – Оп. 674831. – Д. 70.
Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony (TsAMO). – F. 8314. – Op. 674831. – D. 70.
5. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). – Ф. 461. – Оп. 2. – Д. 4590.
Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki (TsGA UR). – F. 461. – Op. 2. – D. 4590.
6. Удмуртия в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Сборник документов / под ред. А. А. Тронина. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 365 с.
Udmurtiia v Velikoi Otechestvennoi voine. 1941–1945. Sbornik dokumentov / pod red. A. A. Tronina. – Izhevsk: Udmurtiia, 1995. – 365 s.
7. Ладьгин Г. Человек и легенда // Удмуртская правда. – 1972. – 1 апреля. – С. 3.
Ladygin G. Chelovek i legenda // Udmurtskaia pravda. – 1972. – 1 apreliia. – S. 3.
8. Семенов А. Год в горах Италии // Твои земляки. – Ижевск: Удмуртия, 1970. – С. 76–89.
Semenov A. God v gorakh Italii // Tvoi zemliaki. – Izhevsk: Udmurtiia, 1970. – S. 76–89.
9. ЦАМО. – Ф. 58. – Оп. 818883. – Д. 1604.
TsAMO. – F. 58. – Op. 818883. – D. 1604.
10. ЦАМО. – Ф. 33. – Оп. 594259. – Д. 76.
TsAMO. – F. 33. – Op. 594259. – D. 76.
11. Левин Ю. А., Мельников Н. Н. Золотой крест. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962. – 140 с.
Levin Iu. A., Mel'nikov N. N. Zolotoi krest. – Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. – 140 s.
12. ЦГА УР. – Ф. 461. – Оп. 2. – Д. 2219.

TsGA UR. – F. 461. – Op. 2. – D. 2219.

13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 9526. – Оп. 1. – Д. 23.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF). – F. 9526. – Op. 1. – D. 23.

14. ЦАМО. – Ф. 58. – Оп. 18003. – Д. 1565.

TsAMO. – F. 58. – Op. 18003. – D. 1565.

15. Казанцев Д. Через двадцать лет // Удмуртская правда. – 1965. – 18 апреля.

Kazantsev D. Cherez dvadtsat' let // Udmurtskaia pravda. – 1965. – 18 apreliia.

Perevoshchikov D. V. Out of the way items of information from the history of a participation of a soldiers from Udmurtia in the Resistance Movement in 1943–1945

The proposed article deals with a participating of Soviet prisoners of war whose biography has something in common with Udmurtia in the Resistance movement on the territory of Central and Western Europe in 1943–1945. The issue is not well understood. For a long time the theme about a participating of former prisoners of war who were natives of Udmurtia in the Resistance movement represented almost blank spot in the regional history. The proposed paper throws light on the little-investigated scientific matter. The research realized on a basis of the archival documents and publications in the periodical press. A large part of the materials was included in a science use for the first time. The data from documents of the central and regional archives were practiced in the article. The author makes an attempt to extend and analyze known and newly revealed facts for the scientific problem. The paper supplements with new interesting facts a history of Great Patriotic war and World War II. The scientific article contains the most protuberant facts from biographies of former prisoners of war who took part in the Resistance movement. The biographies feature unexpected quirks of fate of the former prisoners of war. The Nazi camps where prisoners of war stayed before their successful escapes refer in the paper. The countries of foreign Europe where prisoners of war fought within local partisan detachments enumerated in the article. The text contains some data from a postwar life of former prisoners of Nazi concentration camps. The paper touches upon the problem of the interrelation between former prisoners of war who were Soviet citizens and patriots, antifascists, population of occupied countries. The propose article reveals new, earlier unknown data for a relatives of former Soviet prisoners of war whose fates were reflected in the text.

The sources that maintain information about Soviet prisoners of war whose biographies has something in common with Udmurtia facilitate for detection main facts from their fates, contain data about history of Great Patriotic war, also touch upon armed struggle against Nazi overseas, the process of a control in the special filtration camps and postwar live of former prisoners of war in Soviet Union. The analyze of the issue with application whole constellation of extant archival documents and publications in periodical press contributes for determination some features of a cooperation and collaboration of many countries and nations in bitter, intransigent struggle against troops of Hitler military alliance on occupied territories of Central and Western Europe. A secret keeping of a significant portion of archival documents that touch upon fates of many former Soviet prisoners of war appears considerable problem for research of the scientific challenge.

The research of the issue with a use of available for a scrutinizer materials promote a detection of a main features of a survival of Soviet citizens in the fascist captivity, operation of a partisan detachments that fought against Nazi in occupied countries of Central and Western Europe.

Keywords: Udmurtia, Soviet prisoners of war, Nazi concentration camps, escapes, Resistance movement.

УДК 930(47+57)КРЫМ(092)

**К 125-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ В. И. РАВДОНИКАСА.
ПУТЬ В НАУКУ. Ч. 1: ТИХВИНСКИЕ ИСТОКИ¹**

Платонова Н. И.

*Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: niplaton@gmail.com*

Бондарева В. В.

*Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей,
г. Тихвин Ленинградской обл., Российская Федерация
E-mail: tikhvinmuseum@yandex.ru*

Жервэ Н. Н.

*Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: jsoph@mail.ru*

Титова А. А.

*Информационно-краеведческий центр «Нагорное Обонежье»,
г. Тихвин Ленинградской обл., Российская Федерация
E-mail: alla.titova@mail.ru*

Исследование посвящено одному из крупнейших российских советских археологов XX в. В. И. Равдоникасу. Скучный набор известных фактов его биографии, кочующих из публикации в публикацию, до сих пор изобилует неточностями и пробелами. Они построены почти исключительно на материалах oral history. Сейчас в нашем распоряжении появилась серия новых источников, способных пролить свет на ранний период жизни ученого (1894–1927). Без этой предыстории последующая головокружительная карьера «тихвинского краеведа» просто не может быть понята. Статья представляет собой первую часть работы и охватывает хронологический период с первой половины 1890-х гг. до осени 1917 года.

Ключевые слова: В. И. Равдоникас, научная биография, Тихвин, источники, И. П. Мордвинов

Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов.
Мы ленивы и нелюбопытны...

*А. С. Пушкин,
«Путешествие в Арзрум»*

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0006. «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и её соседей».

Введение

Владислав Иосифович Равдоникас не нуждается в дополнительных представлениях. Его знают практически все. Знают археологи и этнографы, палеолитчики и медиевисты, антропологи и культурологи. Знают в России и за рубежом, ибо это одна из центральных фигур советской археологии второй четверти XX века. Вклад, внесенный им в отечественную науку, безусловно весом. Тем не менее даже созыв конференции к 100-летию со дня рождения ученого (Гос. Эрмитаж, 1994 г.), с публикацией скромного сборника тезисов – святое, казалось бы, дело! – вызвал в свое время, мягко говоря, неоднозначную реакцию.

Выразителем неудовольствия стал А. А. Формозов, озвучивший свою позицию на страницах центрального археологического журнала. По его словам, «...вопрос об увековечении памяти В. И. Равдоникаса менее важен, чем стоящий перед всем российским обществом вопрос: «От какого наследства мы отказываемся?» И тут к организаторам конференции нельзя не предъявить серьезные претензии. ... Равдоникас был яркой личностью. Писать о нем нужно. Но ярким человеком был, скажем, и Л. Д. Троцкий. Закономерен выход книги о нем Д. А. Волкогонова. Однако юбилеи Троцкого мы не отмечаем. И это правильно. То же и с Равдоникасом...» [1: 197].

Далее следовали другие риторические вопросы: «Каким образом недавний тихвинский краевед, автор 20 заметок на сугубо частные темы оказался вдруг лидером советской археологии? Как мог доклад молодого ученого, отвергавший абсолютно все, что сделано русской археологией на протяжении 200 лет, вызвать сочувствие у слушателей и побудить их работать в совсем другом духе?». И наконец самое главное: «Надо ли доказывать, что доклад тихвинского краеведа не мог коренным образом изменить обстановку в советской археологии, если бы за спиной автора не стояли некие могучие силы? *Современники в этом не сомневались. Сошлюсь на книгу М. А. Миллера «Археология в СССР» (1954, с. 74) [2: 74]. То же говорили мне А. В. Арциховский и Б. Н. Граков... (курсив наш. – Авт.)*» [1: 198].

На все перечисленные вопросы, конечно, необходимо дать ответ, причем отнюдь не риторический, а подкрепленный фактами. К этому мы обязательно вернемся ниже, а сейчас обозначим принципиальную позицию. За время, истекшее после публикации цитированного текста А. А. Формозова (1996 г.), нашему ученому сообществу выпали немалые испытания. В частности, последнее десятилетие показало воочию всем и каждому (конечно, с поправкой на эпоху), как выглядит на практике инициированный сверху «перевод на новые рельсы» Российской академии наук, системы образования, музейного дела и т.п. Все это не могло не способствовать (по крайней мере, у части наших коллег) появлению более продуманных, более взрослых оценок пути, пройденного советской наукой в XX веке. Сквозь призму сегодняшнего дня опыт ведущих археологов эпохи «Великого перелома» (в числе коих был и В. И. Равдоникас), воспринимается несколько по-иному, не так, как лет 20 назад.

Следует прямо признать: наши предшественники сумели, в конечном счете, отстоять свой участок научного фронта в труднейшем диалоге с тогдашней властью.

В суровых условиях СССР 1930-х гг. им удалось актуализировать археологию, перевести исследования в новый контекст, сделав упор на принципиально иные аспекты – и не допустить при этом ни упадка науки как таковой, ни полного разрыва с прежней традицией (что было, кстати, абсолютно реальной перспективой!). Этот важный исторический опыт является сейчас нашим неотъемлемым наследием. Актуальность его в современном контексте лишь недавно стала осознаваться. Он требует непредвзятого, всестороннего, профессионального изучения.

Напротив, проблема «отказа от наследства» явно отошла на дальний план. То же следует сказать о конспирологических версиях, демонизирующих отдельных ученых и намекающих на «могучие силы», якобы стоявшие у них за спиной. Сегодня эти версии медленно, но верно теряют популярность под напором фактов, показывающих обратное.

В последние годы исследование аутентичных источников эпохи сталинизма ведется полным ходом. В частности, стали публиковаться *полные стенограммы* погромных дискуссий [3]. Эти уникальные документы (а также стенограммы собраний научных коллективов и заседаний различных комиссий в учреждениях археолого-этнографического профиля) уже легли в основу ряда монографий и статей, по-новому освещающих проблемы взаимодействия науки и власти в СССР, движущие силы и истоки процессов, происходивших в 1920–1950-х гг. [4; 5; 6; 7; 8]. Ранее все эти события были известны научному сообществу, в основном, в пересказах мемуаристов. Открывшаяся историческая реальность оказалась сложнее, запутаннее и жестче.

В результате плоская «черно-белая» картинка истории нашей науки, характерная для первых постсоветских лет (бинарная структура: противопоставление однозначных «гонителей» однозначным «гонимым»), сменилась многоплановым полотном, изобилующим сложными мотивациями, неожиданными тандемами, противоречивыми оценками и т.п. На наш взгляд, не следует доходить на этом пути до геркулесовых столбов, утверждая, что черного и белого вообще нет в природе, а есть лишь оттенки серого. Нет, моральные барьеры, точки отсчета добра и зла, на самом деле, никуда не деваются. Однако ученый-биограф призван не изрекать приговоры, а всесторонне исследовать источники. В этой работе так называемая *oral history*, вбирающая в себя и мудрую притчу, и злобную сплетню, и пустую болтовню, обязана занять подобающее ей сугубо подчиненное место.

Устные рассказы и байки об ученых («научный фольклор») имеют большую ценность для понимания *социальной атмосферы* исследуемого периода. Это важный источник для изучения, скажем, влияния пропаганды на умы или отражения исторических событий в массовом сознании. И уж конечно, эти рассказы прекрасно иллюстрируют *восприятие* неких персонажей некоторыми их современниками. Они оживляют научный текст. Но оперировать устными данными как достоверными историческими фактами недопустимо. Их использование подразумевает обязательный ответ на вопросы: в какой среде и в каких обстоятельствах «байка» могла возникнуть? По каким каналам передавалась информация? Чем объясняются

противоречия?.. В противном случае мы рискуем уподобиться чудаку, реконструирующему историю Руси эпохи князя Владимира по былинам об Илье Муромце или биографию Наполеона по рассказам старых солдат. И то, и другое по своему любопытно, но, разумеется, крайне односторонне.

Научной биографии В. И. Равдоникаса до сих пор не создано. Имеющиеся на данный момент краткие очерки [9; 10] построены даже не преимущественно, а *исключительно* на oral history, сопровождаемой далеко не исчерпывающим рассмотрением его трудов. Первой попыткой опереться при анализе его деятельности на архивные источники явилась публикация одного из авторов настоящей статьи [11]. Но эта работа, вышедшая в свет 17 лет назад, имела целью не биографию ученого, а разбор его книжки «За марксистскую историю материальной культуры». Сделанные тогда выводы нашли отражение в монографии, посвященной истории археологической мысли в России [12: 27–28]. Еще одна попытка анализа деятельности В. И. Равдоникаса была предпринята совсем недавно – в контексте новейших исследований Старой Ладogi [13].

В декабре 2019 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Владислава Иосифовича. Среди его учеников было немало крупных археологов, таких, как Я. В. Станкевич, Н. Н. Гурина, А. Д. Столяр, О. И. Давидан, Т. Д. Белановская, К. Д. Лаушкин и др. Но никого из них давно нет в живых. Очередной юбилей прошел незаметно. Только выставка, открытая к этой дате в Тихвинском историко-

мемориальном и архитектурно-художественном музее (ТИМАХМ), показала нежданное обилие ранее неостребованных источников о жизни и деятельности ученого. Последнее заставляет всерьез задуматься о научно-биографическом исследовании и объективном анализе «наследства». Настоящая статья призвана положить ему начало. Ближайшая цель – дать ответ на самый первый из вопросов, не раз повторявшихся нашими предшественниками: как случилось, что в конце 1920-х гг. в отечественную археологию «ворвался, как метеор, никому не известный провинциал и сразу же стал ее идейным лидером» [10: 372]

Скудный набор известных фактов биографии В. И. Равдоникаса, кочующих до сих пор из публикации в публикацию, изобилует неточностями и пробелами. Сейчас в нашем распоряжении появилась серия аутентичных источников, современных событиям и способных пролить свет на ранний период его жизни (1894–1927). Указанный период включает детство и довоенную юность ученого, а также фронт и последующее тихвинское десятилетие,

Рис. 1. Владислав Равдоникас – юнкер Михайловского артиллерийского училища. 1916 г. Фонды Музея истории СПбГУ. Инв. № КП 687-117.

вместившее в себя активнейшую общественно-политическую, военную, педагогическую и научную деятельность. Без этой предыстории, без уяснения того, что же, в действительности, представлял собой «тихвинский краевед» к 1929 году, его последующий головокружительный взлет просто не может быть понят. Настоящая статья представляет собой первую часть работы, охватывающую хронологический период с первой половины 1890-х гг. до осени 1917 г.

Основу исследования составили материалы, хранящиеся в СПбФ АРАН (ф. 1909, В. И. Равдоникас), РО НА ИИМК РАН (ф. 2 и 35), ЦГИА (ф. 2251, И. П. Мордвинов), в фондах ТИМАХМ, Музея истории Санкт-Петербургского университета, а также в частных руках.

Отец

Во всех анкетах в графе «социальное происхождение» В. И. Равдоникас неизменно писал: «Из крестьян» [14: 2]. Хотя из тех же анкет однозначно следовало: из крестьян происходил не он, а его отец, выходец из Ковенской губ. Иосиф Рау'доникас (1861–1902). На момент рождения сына отец служил в Тихвине фельдшером и числился крестьянином лишь формально. Так что, по советским понятиям, В. И. Равдоникас происходил из семьи «служащего».

В статье А. Д. Столяра, опубликованной в 1988 г., о самых ранних годах Владислава Иосифовича сказано следующее:

«Он был сыном обрусевшего литовца, фельдшера земской больницы Тихвинского уезда Иосифа Устиновича Равдоникаса (Раудоникаса), разделявшего прогрессивные взгляды и сотрудничавшего в 90-е годы с И. П. Мордвиновым – самоотверженным патриотом-просветителем, ... энциклопедистом-краеведом. В возрасте четырех лет Владислав Иосифович потерял мать, через год – отца. Начало столетия ребенок бы встретил бесприютной сиротской долей, если бы не душевная щедрость и забота вырастившей его семьи учителей Ильинской сельской школы – Андрея Гавриловича Остроумова и его жены. Среднее образование юноша получил в Петербурге, в реальном училище...» [9: 8].

В публикации Л. С. Клейна, вышедшей в 2010 г., эти скудные сведения дополнены так: «...мальчик к четырем годам потерял мать, а к 5 годам – отца, умершего от алкоголизма. Сироту воспитало семейство учителя сельской школы Остроумова... В общем, он вырос очень образованным человеком, с большими культурными запросами... (курсив наш. – Авт.)» [10: 373–374].

К архивным источникам (даже просто к «Личному делу» В. И. Равдоникаса в ИИМК РАН!) ни А. Д. Столяр, ни Л. С. Клейн не обращались, всецело полагаясь на свою память. Но память нередко подводит, особенно когда дело касается хронологии. В одной из своих анкет В. И. Равдоникас указал даты смерти матери и отца – 1898 и 1902 [14: 123]. Значит, отца он потерял не в 5, а в 8 лет. Однако и первая дата неверна. Еще в мае 1900 г. его мать была жива и родила дочь Елену. Что касается смерти родителя *от алкоголизма*, то это, скорее всего, чистый вымысел.

По признанию А. Д. Столяра, Владислав Иосифович «в личном общении был крайне лаконичен». Ответом на любые неуместные (или неумные, по его мнению) вопрошания бывала «...очень типичная для него вольтерьянская усмешка,

сопровождаяемая легким покашливанием (кхе, кхе...). Острейшая наблюдательность и беспощадный, уничтожающий, иногда оскорбительный, с издевкой, сарказм; прямота, порой изрядно выходящая за черту общепринятого. Все это, в совершенно особом исполнении, обрушивалось чаще всего на сотрудников; к студентам В. И. Равдоникас относился великодушнее, но и юными душами полученные от него уроки запоминались раз и навсегда...» [9: 19].

Этот пассаж заслуживает полного доверия: наговаривать на учителя А. Д. не стал бы никогда. Он принимал его таким, как есть, на всю жизнь сохранив по отношению к нему безоглядное преклонение, сродни юношеской влюбленности. Так что можно не сомневаться: В. И. Равдоникас жестко держал дистанцию даже с верными своими поклонниками, всегда оставаясь для них, в какой-то мере, загадкой. Все живые подробности о нем, попавшие в печать (а также все байки о нем, рассказанные студентам кафедры археологии ЛГУ), представляли собой именно *наблюдения со стороны* (подлинные или вымышленные). Они никогда не основывались на собственных рассказах Владислава Иосифовича. Цитированный очерк А. Д. Столяра – самый яркий тому пример. На сегодняшний день это самые подробные и самые прочувствованные воспоминания о В. И. Равдоникасе. Но и в них мы не найдем ни единой живой подробности, рисующей его молодость – тихвинскую или военную. Автор и рад бы нам их поведать, да только учитель не рассказал. Остается сухая схема: родился... потерял родителей... жил у Остроумовых... учился в Петербурге... воевал... все! Оживляется она лишь обильными авторскими эмоциями («бесприютная сиротская доля», «душевная щедрость и забота» и т.д., и т.п.).

В подобном контексте предположение, что В. И. Равдоникас мог сам, в порыве откровенности, выложить кому-то пикантные подробности смерти отца, выглядит маловероятным. А кто же их знал-то, кроме него самого? Мы явно имеем дело с досужим домыслом, ставшим привычным от частого повторения... Владислав Иосифович в зрелые годы не отличался воздержанностью, что, в сочетании с его любовью к эпатажу и издевке, иногда могло выглядеть ошеломляюще. Однако дожил он до глубокой старости в абсолютно здоровом уме и трезвой памяти. Такое возможно лишь при очень здоровой наследственности литовского хуторянина.

Вопрос о пребывании Владислава в семье Остроумовых представляет собой отдельную интригу. Оставшись круглым сиротой в 1902 г., он *никак не мог быть усыновлен этой семьей* – хотя бы потому, что семьи тогда не существовало. Андрей Гаврилович Остроумов обвенчался с Антониной Леонидовной Григорьевой лишь 9 июля (ст. ст.) 1908 г., о чем сообщается в ее «Воспоминаниях», датированных 1922 г.¹ [15: 1]. В дальнейшем они с женой, действительно, сыграют важную роль в судьбе подростка. Но будет это значительно позже – в 1910–1914 гг. (см. ниже).

¹ Воспоминания А.Л. Остроумовой, написанные в 1922 г. и продолженные ее дневниковыми записями 1923–1927 гг., охватывают период с середины 1908 г. (т.е. с момента свадьбы) по 1927 г. В настоящее время рукопись хранится в Санкт-Петербурге в семье ее правнучки Марии Коложвари. В середине 1990-х гг. А. А. Титовой была снята копия с этой рукописи. Цитаты приводятся по указанной копии.

Имя А. Г. Остроумова упомянуто в книжке В. И. Равдоникаса, посвященной жизни и деятельности его любимого наставника – педагога, археографа, краеведа и революционера Исаакия Петровича Мордвинова [16: 9]. В этом очерке дважды упоминается и его отец [16: 9, 14]. Описывая краткий период жизни Мордвинова, когда тот возглавлял образцовую частную школу в д. Яковлево Деревской волости (1892–1894 гг.), Равдоникас сообщает буквально следующее:

«...Он развил здесь свои педагогические взгляды, проверил их на живом опыте, а затем выступил в периодической печати... Вместе с тем он занимался и общественной работой в деревне (*вместе с другими передовыми учителями, особенно вместе с А. Г. Остроумовым, насадителем в уезде земских школ и кооперации*), участвуя в разных земских кампаниях – по борьбе с голодом, с холерой, по обсеменению, по статистике, был избран санитарным попечителем всего уезда и пр. ... Пробовал он вовлечь учителей в краеведческую работу: рассылал, например, по школам отписки своих статей с призывом к изучению края. *Работать было тогда, в мрачное время Александра III, нелегко. Кругом процветал «чеховский» уездный быт, интеллигенция пьянствовала, занималась не тем, чем надо; всякое серьезное общественное дело подвергалось удушению в самом начале. Зато развивалась подпольная революционная работа, получившая известное отражение и в Тихвине. И здесь в 90-х годах вышли споры между народниками и марксистами, и здесь возникали нелегальные и полунелегальные группы и кружки. Известно, что в 90-х годах в Тихвине существовали конспиративные квартиры и была организация подпольного Красного креста, возглавляемая И. У. Равдоникасом. И. П. участвовал и в нелегальной работе, попав под подозрение полиции. Кажется, именно ожидание полицейских преследований заставило его в 1894 г. бросить Тихвинский уезд... (курсив наш. – Авт.)» [16: 8–9].*

В другом месте Владислав Иосифович уже совершенно определенно указывает на связь И. П. Мордвинова со своим отцом:

«...То было время борьбы марксизма и народничества. И. П. примкнул к народникам, но не вполне; он занял своеобразную позицию... *В Тихвине И. П. нелегально работал также вместе с И. У. Равдоникасом – представителем нелегального Красного креста (организация, имевшая целью помощь и содействие революционерам-профессионалам)*» [16: 14].

Но если совместная подпольная работа И. П. Мордвинова с Равдоникасом-старшим достоверно имела место, то когда же она началась? Целенаправленный просмотр метрических книг Тихвинского уезда в фондах ТИМАХМ выявил два очень важных для нас источника. В части второй («О бракосочетавшихся») метрической книги за 1894 год содержится запись, что 23-его января¹ были обвенчаны «Ковенской губернии, Вилькомирского уезда, Коварской волости младший медицинский фельдшер Иосиф Иустинов Равдоникас, римско-католического вероисповедания, первым браком, 33-х лет» и «Города Тихвина дочь потомственного почетного гражданина Александра Николаева Базырина, православного исповедания, первым браком, 18-ти лет». Подписано: «Священник Александр Лебедев, псаломщик Владимир Смелов». Поручителями «по женихе»

¹ Все даты Метрической книги приводятся по старому стилю.

выступили «Боровичский мещанин Матфей Евдокимов Исаков и Земский врач Казимир Львович Гусаковский, а «по невесте: Секретарь Земской Управы Фадей Иванов Каменев и Горный Инженер Коллежский советник Василий Евгениев Ледант» [17: 272об.–273].

В части первой («О родившихся») метрической книги за тот же 1894 г. имеется запись, что 27 ноября родился и 11 декабря был крещен Владислав, сын «Тихвинской Земской больницы Фельдшера Иосифа Устинова Равдоникаса, римско-католического вероисповедания, и законной жены его Александры Николаевой – православной». Восприемниками стали «Боровичский мещанин Матфей Евдокимов Исаков и Тихвинская Купеческая жена Елена Иванова Тиханова». Подписи те же: «Священник Александр Лебедев, псаломщик Владимир Смелов» [17: 270об.–271].

Таким образом, мы видим: в конце января 1894 г. Иосиф Устинович еще даже не состоял на службе в Тихвинской земской больнице, а именовался младшим фельдшером Коварской волости, Вилькомирского уезда; сейчас это маленький городок Каварскас (*Kavarskas*) в Литве (Утенский уезд, Аникшяйский р-н). Называть его «обрусевшим» явно не стоит – он просто был литовцем, подданным Российской империи.

Рис. 2. Иосиф Устинович и Александра Николаевна Равдоникас с сыном Владиславом. Ок. 1895 г. СПбФ АРАН. Ф.1049, оп. 2. Д. 36.

Звание *младшего* фельдшера свидетельствовало, что его носитель окончил военно-фельдшерскую школу при каком-то госпитале, однако не по первому разряду (то есть отвлекался от учебы другими, более важными для него делами). Впрочем, в Тихвине Иосиф Устинович занял место уже старшего фельдшера. Значит, необходимый стаж работы (5 лет) у него имелся, и аттестации были неплохие. Сам факт женитьбы на юной красавице, дочери состоятельного человека (см. ниже), и то, что земский доктор, его будущий начальник, стал шафером на свадьбе, свидетельствует: жених имел добропорядочную репутацию и сумел расположить к себе самых уважаемых людей Тихвина.

Если знакомство Иосифа Устиновича с И. П. Мордвиновым состоялось лишь в 1894 г., когда Равдоникас-старший стал работать в Тихвинской земской больнице, то придется признать: оно было непродолжительным. Именно в 1894 г. у Мордвинова начались неприятности, и он перебрался сначала в Лужский уезд, а затем еще дальше – в г. Валк (совр. Valka в Видземе, Латвия) [16: 11; 18: 46–55]. Но факт остается фактом: спустя много лет он разыщет осиротевшего сына тихвинского фельдшера, и станет для него, в конечном счете, самым близким человеком (см. ниже). Видимо, все-таки с отцом мальчика его связывали не одни деловые встречи. Это была давняя дружба, память которой он хранил.

Возникают законные вопросы: как глубоко Равдоникас-старший был вовлечен в подпольную революционную работу? Когда он появился в Тихвине? И даже... насколько соответствовали истине сведения о его прежней службе в Вилькомирском уезде?.. Конечно, до обнаружения новых источников в Литве ответить на последний вопрос затруднительно.

Понятно, что на свадьбе, состоявшейся в январе 1894 г., должен был предшествовать более-менее продолжительный период знакомства и сватовства. Так что жених приезжал в Тихвин и ранее, причем неоднократно. О тайной стороне его жизни знали, видимо, немногие. Одним из них был Мордвинов. Только он мог спустя много лет рассказать Владиславу правду о его отце. В своем очерке сын утверждает: отец не просто участвовал в местной организации подпольного Красного креста – он ее *возглавлял*... Логично предположить, что информация исходила от Исаакия Петровича.

Нет смысла гадать о причинах ранней смерти Иосифа Устиновича. Причина могла быть любой – от случайного пренебрежения антисептикой до заражения холерой. Но, так или иначе, остается непонятным, что произошло с мальчиком после этого? Как уже говорилось выше, Остроумовы не могли усыновить его ни в 1902, ни, тем более, в 1899 году. И. П. Мордвинов начал принимать в нем участие не ранее 1906 г., когда возвратился в Тихвин. Но ни о какой опеке с его стороны даже речи не шло. Вплоть до 1910 г. он жил в городе нелегально, фактически в нищете, будучи в полицейском розыске за организацию забастовок в г. Валке (1905 г.). Его участие могло проявляться лишь в периодических встречах и общении с подростком... Чтобы реально уяснить ситуацию, необходимо рассмотреть все имеющиеся данные о семье Базыриных, к которой принадлежала безвременно умершая Александра Николаевна.

Материнская родня

Фамилия Базыриных была весьма известной в Тихвине второй половины XIX – начала XX в. Первое печатное указание на родство В. И. Равдоникаса с этой семьей принадлежит авторам второго тома научно-популярного издания «Тихвинский край». Начальный этап биографии ученого изложен там по старой схеме, но с новыми подробностями:

«Владислав Иосифович был сыном обрусевшего литовца, фельдшера земской больницы Иосифа Устиновича Равдоникаса (Раудоникаса) и помещицы Александры Николаевны Базыриной, выпускницы Тихвинской женской гимназии. В четыре года Владислав потерял мать, а через год – отца, но нашлась семья, которая усыновила мальчика. Ее глава, учитель Ильинской сельской школы (р. Сясь) Андрей Гаврилович Остроумов был знаком с родственниками В. И. Равдоникаса. Среднее образование юноша получил в Петербурге, в реальном училище. После учебы он вернулся в Тихвин. Благодаря И. П. Мордвинову, наставнику и другу, юноша заинтересовался историей и археологией Тихвинского края... (курсив наш. – Авт.)» [19: 2/150]¹.

К сожалению, ссылок на источники о матери Владислава здесь не приводится. Однако источники, в общем, ясны. В изданном еще в 1915 г. очерке истории Тихвинской женской гимназии в числе выпускниц 1889 г., действительно, названа «Базырина Александра, по мужу Равдоникас», с пометкой: «ум.»². В тот период данное учебное заведение было еще 4-хклассной прогимназией [20: 124]. В списке ее «попечительного совета» значился Базырин Н. П. [20: 37]. В его инициалы, по-видимому, закралась опечатка. В действительности, речь идет о *Николае Ивановиче Базырине*, потомственном почетном гражданине, отце многочисленного семейства. Помимо Александры, он имел еще, как минимум, четверых дочерей – Лидию (баронессу фон Швахгейм), Екатерину (по мужу Крутицкую), Зинаиду и Антонину. Его сыновьями были Владимир и Сергей³, совместно владевшие в начале XX в. имением Заозерье Большегорской волости Тихвинского уезда, близ пог. Колбеки (ныне – Борское сельское поселение Бокситогорского района). В 1903 г. собственность их в Тихвинском уезде составляла 1079 десятин земельных угодий⁴.

Совместное владение имением однозначно свидетельствует, что братья получили его в наследство от отца. Таким образом, Николай Иванович, родной дед Владислава, формально вполне мог считаться «помещиком». Но поскольку он был не дворянином, а потомственным почетным гражданином, то вывод напрашивается

¹ Здесь и далее первая цифра означает номер тома издания «Тихвинский край», вторая (за чертой) номер страницы.

² По данным Метрической книги Знаменской церкви г. Тихвина, годы жизни А.Н. Базыриной-Равдоникас определяются как 1876 – не ранее 1900 (Фонды ТИМАХМ, инв. № ТМ КП 10681-77. Л. 210об.-211).

³ Состав семьи Н. И. Базырина реконструирован по разным источникам, включая дневники И. П. Мордвинова и А. Л. Остроумовой, где упомянуты дядя и тетки В. И. Равдоникаса, а также данные, размещенные на сайтах <https://www.geni.com/people/> (дата обращения 10.12.2019) и <https://tihviniana.ucoz.org/> (дата обращения 10.12.2019).

⁴ Сведения о земельной собственности братьев Базыриных собраны пикалевским краеведом Л. А. Старовойтовым.

сам: перед нами успешный коммерсант из низов – один из тех, кто в пореформенное время получил возделенную возможность приобрести себе «вишневый сад».

В томе 3 «Материалов для оценки городских недвижимых имуществ Новгородской губернии» (1901 г.), указано, что наследники почетного гражданина Николая Ивановича Базырина (его самого уже не было в живых) сообща владеют двумя каменными двухэтажными домами в г. Тихвине, с землей и надворными строениями. В домах размещались гостиница и потребительская лавка [21: 34–35]. Тот же источник содержит сведения о других родственниках, имевших недвижимость в городе. Из этих последних особо стоит отметить Софию Фёдоровну Григорьеву [21: 16, 54].

Авторы издания «Тихвинский край» сообщают, что София Фёдоровна была урожденной Базыриной, потомком «обедневшего дворянского рода»¹. «...Она окончила в Санкт-Петербурге Александровское училище для девочек, была прекрасной пианисткой, хорошо владела французским языком...» [19: 2/144]. Мужем ее стал земский деятель и краевед Леонид Иванович Григорьев, автор книги «Тихвин и его святыня» – первого светского издания, посвященного тихвинской старине [22]. Для нас же особенно важно то, что это были родители уже упомянутой выше Антонины Леонидовны Остроумовой (урожд. Григорьевой), сыгравшей, вместе с мужем, важную роль в жизни Владислава.

Степень родства Софии Фёдоровны с Н. И. Базыриным не вполне ясна, но само наличие родства – несомненно. Скорее всего, они были кузенами. Воспоминания и дневник А. Л. Остроумовой свидетельствуют, что между семьями сохранялись прочные связи. Антонина, дочь Софии Фёдоровны приходилась умершей Александре Николаевне кузиной. Именно поэтому в 1910 г. она и ее муж неожиданно для всех (и для себя самих) оказались в роли опекунов трудного, озлобленного подростка – Владика Равдоникаса.

Опекуны

Уникальное, хотя очень лаконичное свидетельство на сей счет содержат «Воспоминания» А. Л. Остроумовой:

«...Пасха была сухая и теплая. Гуляли в одних платьях. ... Вскоре после Пасхи поселился у нас Владислав Равдоникас. *Когда я приехала на летние каникулы, то он и от меня долго прятался в лесу: был страшно дик и оборван. О нем заботилась Лидиха Швахгейм, хотя слабо...* (курсив наш. – Авт.)» [15: 16, 54].

Возникает вопрос: как случилось, что при таком обилии ближайших родственников мальчика в конце концов приняла дальняя родня, причем в состоянии явно неблагополучном? Прежде, чем это объяснить, скажем несколько слов о семье Остроумовых.

Как уже говорилось выше, поженились они в июле 1908 г. Начало супружества оказалось не очень счастливым. Через полгода после тяжелой болезни скончалась София Фёдоровна. У Антонины, убитой горем, случились преждевременные роды;

¹ Основания для подобного утверждения нам пока неясны. Род Базыриных не был дворянским. Хотя возможно, ее отец сумел получить дворянское достоинство по выслуге.

ребенок угас через несколько дней, а сама она едва не умерла. Пришлось делать операцию.

*Рис. 3. Антонина Леонидовна
Остроумова. 1890-е годы.
Фото из семейного архива
Елены Михайловны Лобковской
(Санкт-Петербург).*

Промежутки между этими печальными событиями были заполнены упорным трудом. Семья Остроумовых не походила на традиционную, где жена занималась бы исключительно домашним хозяйством и детьми. Выйдя замуж, Антонина продолжала зарабатывать сама. Супругов нередко называют, вслед за А. Д. Столяром, «учителями Ильинской сельской школы»¹, но это неверно. После свадьбы в Ильинском работал один Андрей Гаврилович, да и он периодически менял место службы. Антонина Леонидовна в 1908/1909 уч. г. уезжала преподавать в Ярославль. В 1909/1910 уч. г. она получила место в Тихвинской женской гимназии, где благополучно прослужила вплоть до революции. Бывали периоды, когда муж и жена жили совместно только во время каникул (именно так обстояли дела весной 1910 г., когда Владислав перебрался к ним). Но судя по «Воспоминаниям», в семье царил полное согласие. Остроумовы очень любили свое Ильинское – как место, где можно отдохнуть душой и набраться сил. Они были

деятельны и хлебосольны, любили тамошнюю природу, любили повеселиться на праздниках. В Ильинском у них был собственный дом, и Андрей Гаврилович постоянно его обустроивал – в свободное от службы время. Обо всем этом Антонина будет с горечью вспоминать позднее, в середине 1920-х гг., когда с домом придется расстаться:

«...С Дядькой²... плохо; за него душа болит. Всю жизнь отказывал себе во всем, возился с мужиками, а они его готовы предать при всяком удобном случае. Теперешняя власть считает его буржуем. Почему? Очевидно только потому, что дом красивый в Ильинском, да и то отделал-то его благодаря тому, что я жила на свой счет и детей содержала... [15: 27]

...Что-то будет с нашим Ильинским? М. б. через год будет стоять пустой дом и разрушаться, либо на дрова разберут, купить вряд ли кто сможет и захочет; пусть бы хоть учреждение какое-нибудь поселилось, чтобы польза была; к весне, наверное, выяснится. В какое тяжёлое время мы попали жить; да хорошо, если мы переживём и освободим путь нашим детям...» [15: 35].

¹ К сожалению, эта ошибка допущена и в нашей недавней публикации, появившейся в тихвинском еженедельнике «Дивья» [23: 50/4].

² Домашняя кличка Андрея Гавриловича.

Разумеется, в 1910 г. никто не предвидел подобного. В мае Владислав переехал жить именно в Ильинское, к Андрею Гавриловичу. 15-летний подросток был «дик и оборван». Причины одичания отчасти проясняет нам письмо самого В. И. Равдоникаса, направленное им в ЦКК в 1922 г., в связи с исключением из РКПб:

«...Я, сын земского фельдшера, рано умершего, с 14 лет самостоятельно добывал средства к жизни, был я рабочим – начиная от кочегара, подручного слесаря, слесаря и кончая ж.д. машинистом, одним словом пролетарскую школу я прошёл, а образование вырвал себе зубами, в университет в частности я поступил уже во время революции и занимался в нём, не отрываясь от работы по добыванию средств к жизни. Во всяком случае расхлябанности, внутренней дряблости и мещанства в себе я не замечаю... (курсив наш. – Авт.)» [24].

Текст этого письма, вроде бы, давно известен. Однако никому, включая опубликовавшего его А. Д. Столяра, не бросилось в глаза разительное противоречие его содержания с благостной сказочкой об усыновленном мальчике, нашедшем себе новую, любящую семью. Даже если допустить, что автор письма слегка сгустил краски, а о чем-то, наоборот, умолчал (так и было!), суть дела не подлежит сомнению. 14-летний сирота, племянник уважаемых в городе людей, землевладельцев и домовладельцев, сделался пролетарием, рабочим железнодорожного депо. И это – вместо учебы, вместо гимназии, вместо подготовки в университет. Памятуя удивительную легкость, с которой Владислав усваивал знания в последующие годы (и оценив пассаж о «вырванном зубами» образовании!), приходится сделать вывод: причина заключалась не в нем. Между тем, люди, окружавшие его, вовсе не были злодеями... Так в чем же дело?

Разумеется, степень материального благоденствия родичей Владика не стоит преувеличивать. Богачом, по уездным меркам, мог считаться только его дед. Когда состояние, так или иначе, разделилось на семерых, ситуация изменилась качественно. Ярким примером тому служит судьба баронессы Лидии Николаевны фон Швахгейм (1871–1953), старшей тетки В. И. Равдоникаса. Это и есть «Лидиха», упомянутая в «Воспоминаниях» А. Л. Остроумовой.

Около 1891 г. она была выдана замуж за молодого офицера в отставке Александра Аркадьевича фон Швахгейма, владевшего, вместе с братом, имением Пирозеро (ныне часть Алёховщинского сельского поселения). В пореформенный период материальное положение фон Швахгеймов стало совсем не блестящим: привычки баронов оставались прежними, а число наследников в каждом поколении умножалось. Состояние дробилось, имения закладывались, выкупные платежи не покрывали долгов. Так или иначе, первые годы жизни молодой четы в Пирозере прошли счастливо – между 1892 и 1898 г. у них родилось пятеро детей¹. Так что

¹ Сведения об истории фон Швахгеймов, основанные на документах семейного архива и устных рассказах, изложены в заметке «Тихвинские землевладельцы Швахгеймы», размещенной на сайте https://tihviniana.ucoz.org/publ/istorija_tikhvinskogo_kraja_s_drevnejshikh_vremen/personalii/tikhvinskie_zemlevladelcy_shvakhgejmy/8-1-0-47 Дата обращения 10.12.2019.

заботиться о сироте – сыне младшей сестры – выпало именно баронессе. Это было логично.

Однако скоро в семье Швахгеймов возникла трещина, приведшая к катастрофе. Не позднее 1903 г. у барина случился бурный роман с крестьянкой Агафьей Богдановой. В 1904 г. у них родился первый ребенок. В 1905 г. Александр Аркадьевич заново перезакладывает имение. В 1907 г. дело доходит до официального развода. Забегая вперед, скажем: в 1910 г. Агафья станет законной женой барона фон Швахгейма, а супруг ее отойдет в мир иной в 1915 г., успев нарожать в своей второй семье девятерых (!) ребят.

Можно представить себе положение Лидии Николаевны, на плечи которой легли заботы о пятерых (фактически – шестерых) детях, которых в такой обстановке требовалось достойно содержать, воспитывать, учить... А нервы, силы, деньги на это – откуда? Отметим попутно, что дворянские офицерские сыновья все же могли рассчитывать на некие послабления (поступление в кадетский корпус за казенный счет и т.п.). Для разночинца Владика Равдоникаса таких вариантов не было. Он стал неподъемной обузой для своей замученной жизнью тетушки и, конечно, осознал это очень рано. Совершенно изгладить в душе подобные впечатления детства, как правило, не удается никому. Вероятно, многие черты характера В. И. Равдоникаса, впоследствии отталкивавшие от него людей, берут начало отсюда.

Отметим, впрочем, и другое. Конечно, положение Владислава в семье Швахгейм было незавидным. Но вероятно кое-чему полезному он научился и там, вместе с титулованными кузенами. Явно из детства идет его навык игры на рояле (а играл он впоследствии очень хорошо!). Важно и то, что в отрочестве ему, видимо, приходилось жить в Пирозере – старинной усадьбе, где имелась неплохая библиотека.

Аркадий Константинович фон Швахгейм, покойный отец его беспутного дяди, считался в свое время просвещенным человеком. В частности, он выписывал и читал альманах «Русская старина», подшивки которого сохранялись в усадьбе. Так что – кто знает – быть может, первый интерес к истории зародился у мальчика уже тогда?

Само стремление к знаниям вряд ли возникло у него на пустом месте. Но тут следует иметь в виду иной (самый вероятный!) источник влияния. В период между 2006 и 2010 г. Владик тайно общался в Тихвине с И. П. Мордвиновым, который почти 4 года прожил там на окраине, скрываясь от полиции, в самых жутких условиях. В том, что их встречи реально имели место, сомневаться не приходится. В своем очерке о Мордвинове Владислав Иосифович упоминает *самодельную акварельную открытку, которую Исаакий Петрович прислал ему из Венденской тюрьмы* – уже после того, как был вновь арестован в 1910 г. [16: 11]. Наличие тюремной переписки свидетельствует, что узник и мальчик были давно и близко знакомы... А через несколько страниц В. И. Равдоникас добавляет: «Как педагог-практик он был талантлив на редкость, умел возбуждать живой интерес в учениках, привязывать их к себе и увлекать их своими беседами. Сколько дельных и знающих людей вышло из учеников И. П.! Все, кто когда-либо у него учился – в Тихвине, в

Валке, в Ленинграде – вспоминают его с чувством живой благодарности, как, в самом деле, редкого, идеального учителя...» [16: 22].

Владиславу в ту пору было уже 12–14 лет. Вряд ли Мордвинов, в его положении, мог заниматься с ним систематически. Но вот пробудить его мысль, приохотить к чтению, привить интерес к истории и заложить основы будущего мировоззрения – безусловно, мог! На этом и зиждилось в дальнейшем совершенно особое отношение В. И. Равдоникаса к Исаакию Петровичу – как к самому дорогому человеку, почти второму отцу. Разрушить это отношение не смогли никакие разногласия – политические или житейские – возникавшие у них позднее, после 1919 года.

Мы не знаем, что именно послужило толчком к решению Владислава идти работать в железнодорожное депо? Не исключено, что тетка попыталась направить его по другой части – в «люди». Однако перспектива стать трактирным мальчиком или приказчиком вряд ли устраивала строптивного племянника, рвавшего учиться. Показательно, с каким сочувствием и затаенным возмущением Равдоникас описывает в своей книжке аналогичные перипетии, пережитые в отрочестве И. П. Мордвиновым [16: 3–4]. В их биографиях на раннем этапе, действительно, было много схожего.

Так или иначе, решение идти в кочегары и подручные слесаря говорит о многом. Тут смешалось и выплеснулось все – гордость, решительность, классовая уязвленность, обида на жизнь и осознание житейского тупика. Из такого теста лепились революционеры. И Владислав неизбежно пошел бы по этой дорожке – если бы помощь хоть немного запоздала. Но сложилось иначе: вызывающий поступок мальчишки наконец-то привлек к нему общее внимание. Неизвестно, как именно договорились между собой остальные дядя и тетки, но дело сдвинулось с мертвой точки. Ведущую роль в этом явно сыграли Остроумовы. Без них остальные родственники просто не знали бы, куда обратиться. Но А. Г. Остроумов сам был педагогом, по тем временам «продвинутым», с большим стажем, «насадителем земских школ» и т.п. В результате с осени 1910 г. Владислав был определен учиться в Санкт-Петербург, в частное реальное училище А. С. Черняева.

Учеба в столице

Пожалуй, это можно считать самой большой удачей в его жизни. Большинству наших современников имя Александра Сергеевича Черняева (1873–1916) мало что говорит. Между тем это был, действительно, выдающийся педагог-просветитель. Еще в 1902 г. он создал в Санкт-Петербурге Общеобразовательные курсы для взрослых – учреждение того же типа, что и Московский Народный университет им. А. Л. Шанявского, открытый шестью годами позже¹. Содержание и методика

¹ Санкт-Петербургские общеобразовательные курсы Черняева — среднее учебное заведение в ведении Министерства народного просвещения. Курсы были рассчитаны на четыре года, принимались лица обоего пола, не моложе 15 лет без сословных и иных ограничений. Курсы были платными, но неимущие и хорошо успевающие учащиеся освобождались от платы за обучение. Курсы открылись в 1902 г.; в 1906 г. там начали читать лекции для продвинутых учеников по университетской программе, и на базе курсов было организовано реальное училище. В число преподавателей и лекторов входили

преподавания на Черняевских курсах были таковы, что позволяли молодежи, не получившей среднего образования, за 2–4 года подготовиться к сдаче экзамена на аттестат зрелости. Одним из тех, кому Черняевские курсы дали путевку в жизнь, был П. А. Сорокин, впоследствии – социолог с мировым именем¹. По его словам, они являлись одной из лучших школ такого типа. Проф. К. Ф. Жаков, талантливый философ и этнолог, говорил, что об А. С. Черняеве «должны быть написаны тома, ибо он займет почетное место в истории русской педагогики»².

Среди выпускников и слушателей курсов было немало сельских учителей. Этим, видимо, и объясняется то, что Остроумовы в Тихвине оказались о них слышаны. В реальное училище, функционировавшее при курсах, *принимали детей-переростков до 15 лет, которые раньше, по тем или иным причинам, не посещали школу*. При училище работала собственная мастерская по производству наглядных пособий. Кстати, А. С. Черняев был первым, кто начал использовать в процессе обучения материалы неигрового кино. На международной выставке «Устройство и оборудование школ», проходившей в Санкт-Петербурге в 1912 г., его училище было удостоено большой серебряной медали³.

Вот в эту школу для переростков и был отправлен Владислав, которому через 3 месяца уже должно было исполниться 16. Полный курс реального училища, рассчитанный на 7 лет, он прошел за 4 года. Но все равно покидать школьную скамью выпало ему уже 19-тилетним.

Годы, проведенные в Черняевском училище, изменили его до неузнаваемости. Закомплексованный, «дикий» подросток, отчаянно боявшийся показаться нелепым и прятавшийся в лесу от всех приезжих, превратился в красивого, артистичного молодого эрудита, прекрасно знавшего классическую музыку и свободно владевшего французским и немецким языками. Забегая вперед, отметим: пристрастие В. И. Равдоникаса музицировать для души удивляло, а порой и раздражало окружающих. И. П. Мордвинов однажды записал в дневнике: «23 июля 1919 г. Пошли... в музей. Владик сидит здесь и играет на реквизированной откуда-то фисгармонии. В общем – он устроил из музея свою усадьбу...» [25: 5/25]⁴. По мысли старого народника, находясь на службе, следовало заниматься чем-то полезным, а не бездельничать. У его ученика имелось на сей счет собственное мнение. Но уж бездельником он точно не был.

лучшие ученые и педагоги Санкт-Петербурга, профессора и приват-доценты университета и ряда институтов. Курсы были закрыты в 1917 г. [26: 46].

¹ *Питирим Александрович Сорокин (1889–1968)* – великий мыслитель XX века, русско-американский социолог и культуролог. Выслан из СССР в 1922 г. Стал одним из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности. Профессор, организатор и первый декан факультета социологии Гарвардского университета, президент Американской социологической ассоциации.

² Гольшев В. Факел неопалимый. Размещено на сайте <https://www.proza.ru/2015/03/20/269> Дата обращения 05.02.2020.

³ Черняев Александр Сергеевич (1873–1916). Размещено на сайте <https://www.psyoffice.ru/6-1013-chernjaev-aleksandr-sergeevich-1873-1916.htm> Дата обращения 05.02.2020.

⁴ Здесь и далее первая цифра означает номер архивного дела в описи фонда И. П. Мордвинова, вторая (за чертой) номер листа.

То, что учеба в Черняевском училище фактически пришлось на время его взросления, возымело неожиданно хорошие последствия. Взрослый юноша, при наличии умных наставников, способен получить от пребывания в столице значительно больше, чем подросток. П. А. Сорокин, сам выходец из глухой северной провинции, о своей учебе на Черняевских курсах вспоминал так: «...умственное и культурное развитие шло не только за счет занятий... но и благодаря приобщению к великим культурным ценностям, собранным в Санкт-Петербурге. В те годы я как губка жадно впитывал бессмертные достижения человеческого гения в науке и технике, философии и изящных искусствах, этике и праве, политике и экономике...» [26: 50]. Очень вероятно, что и широта культурных запросов В. И. Равдоникаса, и его эрудиция, отмечавшаяся многими современниками, уходят корнями в те самые счастливые для него годы, когда он тоже «как губка впитывал» окружавшие его бессмертные творения мировой культуры.

В целом программа, сформированная А. С. Черняевым, представляла собой нечто среднее между «реальной» и «классической» школой. Сам директор, помимо физико-математического факультета университета, окончил Санкт-Петербургский Археологический институт. Указанная область его интересов, конечно, находила отражение в программе занятий и беседах с учениками. В свете этого, последующий интерес Владислава к деятельности Тихвинского отделения Новгородского общества любителей древности (ТО НОЛД) представляется совсем не случайным. Интерес этот вырос на хорошо подготовленной почве.

Черняевское училище было окончено в год начала Первой Мировой войны, и Равдоникас немедленно подает документы в Политехнический институт. Одним из мотивов такого выбора летом 1914 г. могло быть стремление не загреметь раньше времени в солдаты. Звание студента давало отсрочку от армии. Владислав, в общем, спокойно относился к перспективе отправиться на фронт, но вовсе не жаждал оказаться там в роли «нижнего чина». Поэтому им было выбрано экономическое отделение Политехнического института, куда «реалистов» принимали без экзаменов, по результатам конкурса аттестатов.

Историко-филологический факультет университета, до поры, до времени был для него закрыт. Чтобы поступить туда, выпускникам реальных училищ требовалось держать экзамен по латыни или греческому за гимназический курс. Подготовка требовала времени, и, как можно догадаться, Владислав осваивал латынь именно в период учебы в Политехническом. Забегая вперед, скажем: в октябре 1917 г., возвратившись с фронта домой, он ретиво взялся за дело – и уже через месяц, 8 ноября 1917 г. сдал латынь на «отлично» в педагогическом совете Тихвинского реального училища. Копия удостоверения о сдаче «дополнительного испытания» хранится в фондах ТИМАХМ¹. Конечно, выучить древний язык за один месяц Владислав Иосифович не мог. Куда правдоподобнее допустить, что месяц ушел у него на повторение пройденного! Следовательно, в 1914–1915 гг. В. И. Равдоникас целенаправленно готовился к будущему поступлению в университет. Его желание избрать своей профессией историю явно не поколебалось

¹ ИИВ. № ТМ КП 10699-1

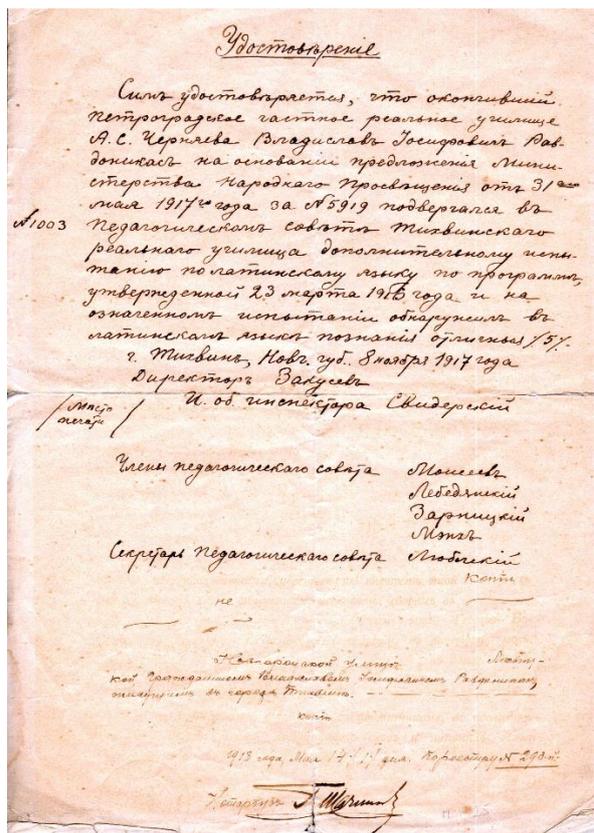

Рис. 4. Удостоверение о сдаче В.И. Равдоникасом дополнительного испытания по латинскому языку (нотариальная копия). Фонды ТИМАХМ. Инв. № ТМ КП 10699-1.

Непродолжительная учеба в Политехническом (два курса или даже немного менее), несомненно, оказалась для него полезной. Институт был организован в 1899 г. как учебное заведение совершенно нового типа. По оснащенности учебным оборудованием, по качеству помещений и т.д. ему не было равных в России. Отметим, что студенты-экономисты получали там подготовку и в области гуманитарных наук. В Фундаментальной библиотеке, кроме традиционных для технического ВУЗа собраний литературы по естественным, точным и техническим дисциплинам, был широко представлен раздел истории¹. Не случайно академик АН СССР С.Г. Струмилин, выпускник института, называл его потом «светлым храмом экономической науки в Сосновке, построенным Витте»².

¹ Размещено на официальном сайте СПбПУ: Фундаментальная библиотека. http://www.spbstu.ru/fundamental_library/library_about.html. Дата обращения 08.02.2020.

² Смелов В.А., Чепарухин В.В. История Санкт-Петербургского Политехнического университета 1899–2019. Размещено на сайте <https://rubin65.livejournal.com/1105233.html>. Дата обращения 08.02.2020.

Тихвинское отделение НОЛД

В период учебы в Политехническом Владислав часто навещался в родные края. Тихвин стал для него тогда вдвойне притягателен. Во-первых, там жила юная Агафья Моисеевна Сафонова, только-только успевшая окончить местную гимназию. Владислав обвенчался с ней в самом конце 1914 или начале 1915 года. В конце декабря 1915 г. у молодой четы родился сын [25: 1/143об.].

Во-вторых – что немаловажно – в 1912 г. в Тихвин возвратился И. П. Мордвинов, уже отсидевший свой срок в Венденской тюрьме и вышедший из партии эсеров, чтобы вплотную заняться краеведческой и педагогической работой на своей «малой родине». Как описывал впоследствии В. И. Равдоникас, «...переживания революционной поры подорвали здоровье И. П., реакция страшно подействовала на его впечатлительную натуру. А тут еще пошли разочарования в личностях, и в целых организациях. Ренегатство, провокация, шкурничество и подлость проявлялись в те мрачные годы на каждом шагу... Он стал отходить и от партии, и от революционной работы...» [16: 20].

И сам Владислав, и его родной город, несомненно, выиграли от того, что неумная творческая энергия Мордвинова отныне поменяла свой основной вектор. Для начала в 1913 г. Исаакию Петровичу удалось устроить большую выставку предметов местной старины, приуроченную к юбилею осады Тихвина шведами (ну и, разумеется, к 300-летию дома Романовых, широко отмечавшемуся по всей России). Одновременно он отослал в «Труды XV Археологического съезда в Новгороде» описание некоторых старинных вещей и рукописей из своего собрания¹. Тогда же, в 1913 г. происходит официальное открытие Тихвинского отделения НОЛД (27: 31–34). Под руководством Мордвинова в городе стало формироваться ядро постоянных, заинтересованных сотрудников, занятых сбором коллекций для будущего музея. В 1914 г. отделение начинает издавать журнал «Тихвинец», где печатались статьи по местной истории.

Душой всего дела был Исаакий Петрович. Лучшее описание его «трудов и дней» той поры принадлежит, конечно, В. И. Равдоникасу:

«...В доме у него была постоянная толкотня – приходила и уходила молодежь пачками, сидели седобородые старцы – любители поговорить, заглядывали общественные деятели в чайники дельного совета, приходили мужики за помощью, одолевали постоянным хождением учителя и учительницы – за книгами, за пьесами и указаниями насчет педагогики и краеведческого дела, прибегали обиженные с жалобами на обидчиков, попавшие в беду – за мудрым советом, приезжие профессора и специалисты неизбежно попадали к Мордвинову «за компетентным содействием». А он всех принимал с неизменной приветливой улыбкой, с радостными восклицаниями усаживал поудобнее – и начиналась беседа.

Собеседник он был совершенно изумительный, говорил так, что гость, особенно свежий, раскрывал рот и слушал, забывая и о времени, и о своем деле.

¹ С этим связана ошибка В. И. Равдоникаса, написавшего в своем очерке, что И. П. Мордвинов участвовал в работах XV Археологического съезда [15: 30]. В действительности тот никак не мог в них участвовать, ибо съезд проводился в 1911 г., когда И. П. еще сидел в тюрьме. А издание «Трудов» состоялось позднее, уже в 1914–1915 гг.

Художественная дикция речи ... у него сочеталась с тонкой наблюдательностью писателя, с блестящим умом ученого и с теплым чувством просто хорошего, душевного человека, много видевшего, много пережившего, много выстрадавшего. Эти живые рассказы и беседы И. П. для тех, кто имел счастье его выслушивать, давали неизмеримо много и пробуждали в его собеседниках лучшее, что в них было. Беседуя, он охотно удовлетворял все запросы обращавшихся к нему от крестьянина до профессора, предоставлял, кому нужно, и свои работы, и свои книги в пользование. Никто не уходил от него с недобрым чувством... Многие злоупотребляли его добротой – не возвращали книг, мешали ему частыми назойливыми посещениями. Это огорчало его, но виду он не подавал...» [16: 40–41].

Острая боль невосполнимой утраты кровоточит тут в каждой строке. Равдоникас писал это в 1925 году, сразу после кончины учителя. А Мордвинов был для него много больше, чем учителем! Это лучше всего объясняет стойкую приверженность Владислава к Тихвину – все те годы, пока Исаакий Петрович был жив.

Заметим попутно, что в описываемый период 1914-1916 гг. Равдоникас проводил в Петрограде никак не меньше времени, чем в родном городе. Он был студентом столичного института, готовился перейти оттуда в университет, занимался в столичных библиотеках и вовсе не испытывал той «краеведческой ограниченности», которая обычно вызывается нехваткой на месте нужной литературы и информации о текущих событиях. Напротив, участие в ТО НОЛД заметно расширяло возможности его профессиональной подготовки. Оно позволяло уже сейчас начать самостоятельные полевые изыскания. При всей ограниченности материальных ресурсов отделения, спонсоры у него имелись. Именно на эти средства студент, только-только окончивший первый курс, был отправлен в 1915 г. в свое первое «ученое путешествие» по Приладожью. Отношение, которым снабдили его в Тихвине перед отъездом, гласило:

«Предъявитель сего Владислав Иосифович Равдоникас командирован от Тихвинского отделения Н. О. Л. Др. для историко-археологических исследований по Тихвинскому уезду в погосты Мелегежский, Петровский, Неболчский, Дрегольский и Колбецкий, в Тервеничский, Ребовский, Капецкий, на реку Оять и в край чухарей.

Председатель С. Цвылев
Секретарь И. Мордвинов»

Как видим, поле деятельности предстояло широкое. Только выбирай!

В июне 2015 г. Владислав произвел свои первые археологические раскопки. Исследованы были 10 древнерусских курганов у пог. Дрегли в верховьях р. Сясь (совр. с. Дрегли, Любытинского р-на Новгородской обл.). Для своего времени эти ученические работы выглядели вполне профессионально. Если сравнить их, скажем, с результатами раскопок курганов у дер. Удрай (совр. д. Удрая Батецкого р-на, Новгородской обл.), произведенных в 1910 г. студентами-историками, выехавшими на практику под руководством А. А. Спицына, можно констатировать отсутствие качественных различий.

Студенты уже знали, что и насыпи, и ямы следует замерять; что инвентарь погребений берется и описывается по комплексам; что особенности размещения вещей надо отмечать в дневнике. Эти требования неукоснительно соблюдал и Владислав, усвоивший их, видимо, по печатным руководствам того же А. А. Спицына. Однотипными были и ошибки, сделанные молодыми людьми в ходе работ. Как в Удрае (1910 г.), так и в Дреглях (1915 г.) в самых больших курганах, раскопанных в том сезоне, вовсе не оказалось погребений. В Удрае большую сопковидную насыпь раскапывал А. В. Тищенко – любимый ученик А. А. Спицына, подававший в ту пору большие надежды. Насыпь исследовалась широкой траншеей, но ни находок, ни костей в ней так и не нашли. Заплывшая траншея и останцы сохранялись до 1989 г., пока этот курган не был раскопан заново – уже на снос. Только тогда выяснилось, что под насыпью находилась погребальная камера [28: 102–104]. Размеры ее настолько не соответствовали привычным представлениям о подкурганых погребениях, что дореволюционные исследователи просто не могли увидеть границ ямы, которые оказывались за пределами заложенной траншеи. Прокапывать же «материк» более, чем на метр вглубь, казалось бессмысленно...

Возможно, подобный казус случился и с молодым Равдоникасом, который, тоже использовал траншейную методику и тоже не нашел погребения в самом большом из раскопанных им курганов – явно неграбленом, высотой более 2 м (4 арш.) [29: 5]. В позднейшую публикацию он эту пустую (?) насыпь просто не включил [30].

Другой ошибкой являлось то, что археологи даже не задавались вопросом о том, что означают находки на пахотных полях, примыкающих к могильникам? В результате все многочисленные древнерусские селища в Удрае были открыты лишь в середине 1970-х гг. В свою очередь, и В. И. Равдоникас, проводя в 1915 г. обследование сопки у д. Новоандреево, не придавал значения находкам, сделанным на огородах деревни (фибула с гранеными головками и лировидная пряжка) [19: 1/78]. Чтобы связать их в уме с распаханном культурным слоем, исследователям понадобилось еще несколько десятилетий.

Вернувшись из поездки, Равдоникас засел за работу. Несколько дней, проведенных им в краю чухарей (вепсов), имели результатом изготовление «большой и точной модели чухарской избы» для музея. Владислав доставил ее Мордвинову в сентябре 1915 г., вместе с чухарским кокошником (парча на набойке), приобретенным в тех местах [25: 1/125]. А четыре месяца спустя, 13 февраля 1916 г. И. П. Мордвинов записал в дневнике: «Вечером внезапно явился В. Равдоникас. Он собрал богатые материалы по раскопкам Тихвинского уезда (из Бранденбурга и других), вечером [я] приводил в порядок записи из его работы для «Тихвинианы»...» [25: 1/153].

21 марта 1916 г. состоялся первый доклад Владислава на заседании Тихвинского отделения – по итогам летних работ. Он начал его с того, что обозначил принципиальную позицию:

«Современная наука, при многочисленности её отдельных дисциплин и при том огромном объёме накопленного веками материала, ... может быть разрабатываема в настоящем смысле этого слова только учёными-специалистами, получившими

многолетнюю специальную подготовку и вполне овладевшими своей специальностью. Творческая деятельность в науке требует большой подготовительной работы, и только очень немногие из местных работников могли бы удовлетворить этому высокому требованию. В... области регистрации, собирания, добывания и хранения данных, могущих иметь интерес для науки, открывается широкий простор научной деятельности местных сил... *Собирание сырого научного материала* – так можно определить... задачу научной деятельности на местах. Здесь она стоит в связи с высшей творческой научной работой...» [29: 1–2].

Можно с уверенностью сказать: этот молодой человек изначально не собирался останавливаться в своих научных занятиях на краеведческом уровне и ограничивать свои задачи сбором сырого материала. Хотя он прекрасно осознавал необходимость такого сбора, и сам занимался им в тот момент – с неподдельным интересом.

Однако до поры, до времени всю эту безумно увлекательную деятельность пришлось отложить. Война затягивалась, русская армия терпела поражения и потери, мобилизации охватывали все более широкие круги населения. Требовалось определиться, сделать выбор, насколько все то, что происходит со страной, касается тебя лично? И Владислав его сделал.

Фронт

В своих позднейших анкетах он писал, что был мобилизован в 1916 г. В советское время так писали многие, в том числе те, о ком достоверно известно, что ушел он на фронт добровольцем (из археологов – Г. А. Бонч-Осмоловский). Тогда было опасно вспоминать о собственных патриотических настроениях времен империалистической войны. Между тем, молодой В. И. Равдоникас был всерьез захвачен массовым патриотическим подъемом, случившимся в России летом 1914 г.

В дневнике И. П. Мордвинова за сентябрь 1915 г. есть запись: «Владик рассказывал, как он при начале войны шлялся по Питеру с патриотическими манифестациями и говорил французскому послу речь на языке галлов...» [25: 1/116]. Как видим, он и тут стремился быть в самой гуще событий, ораторствуя перед неким чиновником посольства Франции (а может и вправду послом?). Как можно догадаться, эпизод имел место в период между 29 и 31 июля 1914 г., когда Британская империя объявила, что ее вступление в войну будет зависеть от позиции Франции, а Германия, в свою очередь, направила Франции ультиматум. Вероятно, Владислав, от лица собравшихся, обращался к Франции с призывом исполнить союзнический долг.

И. П. Мордвинову он рассказал об этом эпизоде только через год – именно тогда, когда принял решение идти на фронт. Несмотря на рождение сына и успешную работу в ТО НОЛД, вопрос этот оставался для него актуален. Записи в дневнике Мордвинова за август 1915 г. свидетельствуют, что ученик сполна разделял его тревогу за судьбы России и русской армии. В ту пору меж ними явно не было никаких политических разногласий:

«18 августа 1915. ... Вечером заходил Владик и Петров. Тосковали о судьбах отечества... Все ждут стихийного взрыва и трепещут.

Руки опускаются. Нельзя работать... Я не читаю газет, но и то, что доходит до меня, может свести с ума. Армия деморализована. В Питере уже был бунт, а в Иваново-Вокресенске – расстреляли рабочих. Дельные генералы отставлены. Главнокомандующий будто самодурствует. Англичане требуют якобы его смещения. Худо, худо!» [25: 1/107].

А через месяц, 17 сентября 1915 г. в дневнике появляется другая запись: «Владик приехал и зашёл ко мне, рассказал, что поступает в артиллерийское училище...» [25: 1/122].

Хотя на практике дело с поступлением в училище затянулось еще на несколько месяцев, ясно, что для В. И. Равдоникаса это было обдуманым решением, принятым самостоятельно, не дожидаясь мобилизации. Окончание военного училища (ускоренным порядком) гарантировало, что на войну он попадет не солдатом, а младшим офицером. Это было самое важное – с учетом «лидерских качеств» Владислава. Все остальное, похоже, не очень его заботило.

Из дневника Мордвинова за 18 мая 1916 г.: «Дважды был Владик. Завтра уезжает в Михайловское артиллерийское училище. Снимались в саду, в музее и в кабинете. ...Мне очень жалко Владика. Какой хороший работник уходит...» [25: 1/183].

Рис. 5. В. И. Равдоникас и И. П. Мордвинов в кабинете 18 мая 1916 г. Фонды ТИМАХМ. Инв. № ТМ КП 11261-24.

Эти снимки дошли до нас. Невысокий, худой, нервный Исаакий Петрович и Владислав – крепкий, решительный, полный сил. Два бесконечно близких и очень непохожих человека.

Обучение продолжалось полгода. Высочайшим приказом от 22 декабря 1916 г. Владислав Равдоникас был произведен из юнкеров в прапорщики, с зачислением по полевой легкой артиллерии. Это был седьмой ускоренный выпуск Михайловского училища. Сохранилась его общая фотография, сделанная в тот же день – 22 декабря¹. На ней все юные офицеры похожи друг на друга, как братья! Меж тем, дороги им предстояли очень и очень разные.

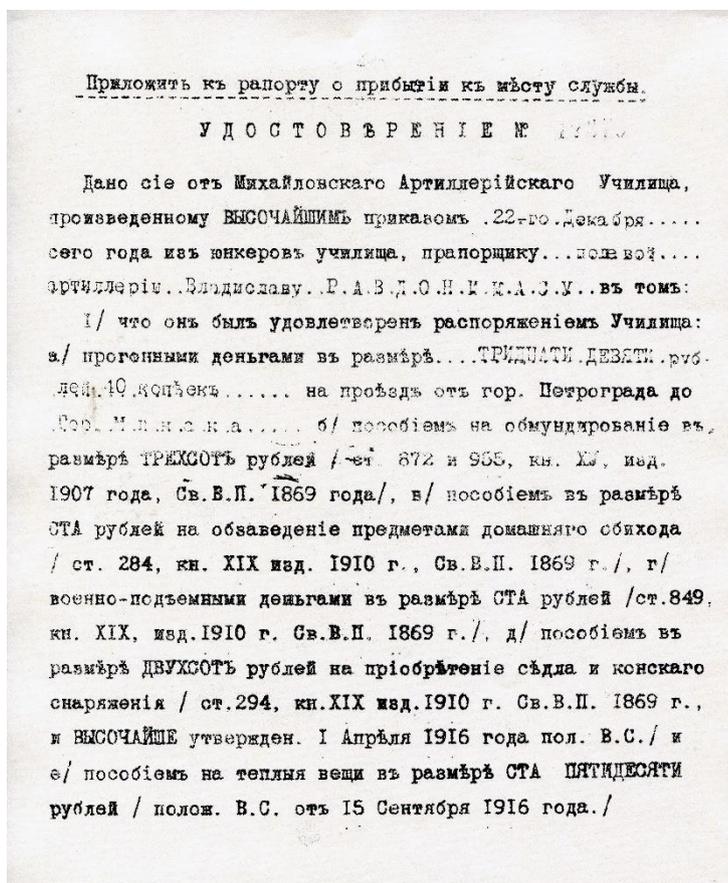

Рис. 6. Удостоверение о получении прогонных денег и пособий прапорщиком В. И. Равдоникасом. СПбФ АРАН. Ф.1049, оп. 2. Д. 74. Л. 8.

Сохранилось «Удостоверение» за № 17870, из которого мы узнаем, что прапорщик Владислав Равдоникас «...был удовлетворен распоряжением Училища: а) прогонными деньгами в размере ТРИДЦАТИ ДЕВЯТИ рублей 40 копеек на проезд от гор. Петрограда до гор. Минска, б) пособием на обмундирование в размере ТРЕХСОТ рублей /ст. 872 и 955, кн. XV, изд. 1907 года, Св. В. П. 1869

¹ Фотография размещена на сайте «Офицеры Русской Императорской армии» <http://ria1914.info/index.php/> Дата обращения 08.02.2020.

года/, в) пособием в размере СТА рублей на обзаведение предметами домашнего обихода /ст. 284, кн. XIX, изд. 1910 г. Св. В. П. 1869 г./, г) военно-подъемными деньгами в размере СТА рублей /ст. 849, кн. XIX, изд. 1910 г. Св. В. П. 1869 г./, д) пособием в размере ДВУХСОТ рублей на приобретение седла и конского снаряжения /ст. 294, кн. XIX, изд. 1910 г. Св. В. П. 1869 г., ВЫСОЧАЙШЕ утвержден. 1 апреля 1916 года пол. В. С./ и е) пособием на теплые вещи в размере СТА ПЯТИДЕСЯТИ рублей /полож. В. С. от 15 сентября 1916 года./»¹.

Через несколько дней он был уже на боевой линии Западного фронта, в 62 артиллерийской бригаде.

На Западном фронте ему пришлось провести около года – повидать затяжную позиционную войну и участвовать в июльской попытке наступления на Вильно. Русская артиллерия, по признанию экспертов, действовала там блестяще. Однако, несогласованность командования привела к тому, что наступательная операция захлебнулась [31: 388-395]. Так или иначе, сам Владислав показал себя на военных дорогах достойно, за что был представлен к очередному званию подпоручика и получил офицерский Георгиевский крест. При этом война вовсе не заставила его забыть об археологии и планах, связанных с нею в мирное время. Рассказывали, что в его домашней библиотеке до конца дней стояла книжка французского археолога Г. де Мортилье «Доисторическая жизнь» (в русском переводе). На ней была подпись: «Подпоручикъ Равдоникасъ. Западный фронтъ»².

Фронт стал его последним «университетом» дореволюционной поры. Юность кончилась, и эпоха кончилась вместе с нею. Начинались другие университеты.

Список использованных источников и литературы

1. Формозов А. А. К столетнему юбилею В. И. Равдоникаса // Российская археология. 1996. № 3. С. 197–202.
Formozov A. A. K stoletnemu yubileyu V. I. Ravdonikasa // Rossijskaya arheologiya. 1996. № 3. S. 197–202.
2. Миллер М. А. Археология в СССР. – Институт по изучению истории и культуры СССР. Исследования и материалы (серия 1, № 12). Мюнхен, 1954. 160 с. <http://Annales.info/rus/ussr/arhsu.htm>
Miller M. A. Arheologiya v SSSR. – Institut po izucheniyu istorii i kul'tury SSSR. Issledovaniya i materialy (seriya 1, № 12). Myunhen, 1954. 160 s.
<http://Annales.info/rus/ussr/arhsu.htm>
3. От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – 511 с. (Серия «Кунсткамера – Архив». Т. VII).
Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.) / pod red. D. V. Arzyutova, S. S. Alyмова, D. Dzh. Andersona. – SPb.: MAE RAN, 2014. – 511 s. (Seriya «Kunstkamera – Arhiv». T. VII).

¹ СПбФ АРАН. Ф. 1049, оп. 2. Д. 74. Л. 8.

² С данным рассказом связана череда анекдотических недоразумений. Собственно, это одна из баек о Равдоникасе, рассказанных А. Д. Столяром. Суть ее сомнений не вызывает, ибо А. Д. часто бывал в доме В. И., вплоть до последних его дней, и книжку, скорее всего, видел. Но он не запомнил воинского звания Равдоникаса, так что «подпоручик» превратился у него в «поручика». Слышавший байку Л. С. Клейн перепутал потом заголовок книжки, написав вместо «Доисторическая жизнь» — «Доисторический человек». Эта ошибка тиражировалась в литературе трижды (однажды — одним из авторов). Мораль одна: перепроверять любые данные oral history очень внимательно!

4. Алымов С. С. На пути к «Древней истории народов СССР»: малоизвестные страницы научной биографии С.П. Толстова // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 125–144.
Alymov S. S. Na puti k «Drevnej istorii narodov SSSR»: maloizvestnyye stranicy nauchnoj biografii S. P. Tolstova // Etnograficheskoe obozrenie. 2007. № 5. S. 125–144.
5. Алымов С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/97/al2.html>
Alymov S. S. Kosmopolitizm, marrizm i prochie «grekhi»: otechestvennyye etnografy i arheologi na rubezhe 1940–1950-h godov // Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. № 97. <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/97/al2.html>
6. Алымов С. С., Арзютов Д. В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 27–90.
Alymov S. S., Arzyutov D. V. Marksistskaya etnografiya za sem' dnei: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskih social'nyh naukah v 1920–1930-e gody // Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.) / pod red. D. V. Arzyutova, S. S. Alymova, D. Dzh. Andersona. – SPb.: MAE RAN, 2014. S. 27–90.
7. Платонова Н. И. Археология и власть в России 1920-х годов: выработка новой научной идеологии // Верхне-Донской археологический сборник. Вып. 7. 2015. С. 58–76.
Platonova N. I. Arheologiya i vlast' v Rossii 1920-h godov: vyrabotka novoj nauchnoj ideologii // Verhne-Donskoj arheologicheskij sbornik. Vyp. 7. 2015. S. 58–76.
8. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – 424 с.
Tihonov V. V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-h – 1953 g.). – M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. – 424 s.
9. Столяр А. Д. Деятельность Владислава Иосифовича Равдоникаса // Тихвинский сборник. По материалам историко-географической конференции. Вып. 1: Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988. С. 8–25.
Stolyar A. D. Deyatel'nost' Vladislava Iosifovicha Ravdonikasa // Tihvinskij sbornik. Po materialam istoriko-geograficheskoy konferencii. Vyp. 1: Arheologiya Tihvinskogo kraja. Tihvin, 1988. S. 8–25.
10. Клейн Л. С. Красный демон археологии. Сага о Равдоникасе // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. М.: «Ломоносовъ», 2010. С. 372–384 (переизд.: Клейн Л. С. История российской археологии: Учения, школы и личности. СПб., 2014. Т. 2: Археологи советской эпохи. С. 123–142).
Klejn L. S. Krasnyj demon arheologii. Saga o Ravdonikase // Kraeugol'nyj kamen'. Arheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nyh stran. T. 1. M.: «Lomonosov», 2010. S. 372–384 (pereizd.: Klejn L.S. Istoriya rossijskoj arheologii: Ucheniya, shkoly i lichnosti. SPb., 2014. T. 2: Arheologi sovetskoj epohi. S. 123–142).
11. Платонова Н. И. Панорама отечественной археологии на «Великом переломе» (по страницам книги В. И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры» // Археологические вести. 9. СПб., 2002. С. 261–278.
Platonova N. I. Panorama otechestvennoj arheologii na «Velikom perelome» (po stranicam knigi V. I. Ravdonikasa «Za marksistskuyu istoriyu material'noj kul'tury» // Arheologicheskie vesti. 9. SPb., 2002. S. 261–278.
12. Платонова Н. И. История археологической мысли в России: вторая половина XIX – первая треть XX вв. – СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
Platonova N. I. Istoriya arheologicheskoy mysli v Rossii: vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX vv. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2010. 316 s.
13. Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования / Платонова Н. И., Лапшин В. А. (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2018. С. 23–42.
Novoe v arheologii Staroj Ladogi: materialy i issledovaniya / Platonova N. I., Lapshin V. A. (otv. red.). SPb.: IIMK RAN; Nevskaya knizhnaya tipografiya, 2018. S. 23–42.
14. Личное дело. Равдоникас В. И. – РО НА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 252.

- Lichnoe delo. Ravdonikas V. I. – RO NA ПМК РАН. F. 35, op. 5, d. 252.
15. Остроумова А. Л. Воспоминания (рукопись). – Хранится в семейном архиве М. Коложвари (СПб.), копия в Информационно-краеведческом центре «Нагорное Обонежье» (г. Тихвин).
Ostroumova A. L. Vospomnaniya (rukopis'). – Hranitsya v semejnomy arhive M. Kolozhvari (SPb.), kopya v Informacionno-kraevedcheskom centre «Nagornoe Obonezh'e» (g. Tihvin).
16. Равдоникас В. И. Исаакий Петрович Мордвинов. Очерк жизни и деятельности. 1871–1925. – Тихвин: Изд. Тихвинского уисполкома, 1926. 42 с.
Ravdonikas V. I. Isaakij Petrovich Mordvinov. Ocherk zhizni i deyatel'nosti. 1871–1925. – Tihvin: Izd. Tihvinskogo uispolkoma, 1926. 42 s.
17. Метрическая книга на 1894-й год (Новгородская губ., Тихвинский уезд). – Фонды ТИМАХМ: ТМ КП 10681-91.
Metricheskaya kniga na 1894-j god (Novgorodskaya guberniya, Tihvinskij uezd). – Fondy TIMAHM: TM KP 10681-91.
18. Спиридонова Е. К. Научная и просветительская деятельность Исаакия Петровича Мордвинова (1871–1925 гг.). – Диссертация ... канд. ист. наук. Санкт-Петербургский государственный университет. 2016. 290 с.
Spiridonova E. K. Nauchnaya i prosvetitel'skaya deyatel'nost' Isaakiya Petrovicha Mordvinova (1871–1925 gg.). – Dissertatsiya ... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. 2016. 290 s.
19. Тихвинский край: В 4 т. – СПб.: Тип. НП-Принт, 2019. – Т. 1 / Королькова Л.В.: текст. – 244 с.; Т. 2 / Королькова Л.В., Краско А. В.: текст. – 184 с.
Tihvinskij kraj: V 4 t. – SPb.: Tip. NP-Print, 2019. – T. 1 / Korol'kova L.V.: tekst. – 244 s.; T. 2 / Korol'kova L.V., Krasko A.V.: tekst. – 184 s.
20. Лебединский С. Н. Прошлое и настоящее Тихвинской женской гимназии. 1875–1915. – Тихвин: тип. Е. П. Благовещенской, 1915. 125 с.
Lebedyanskij S. N. Proshloe i nastoyashchee Tihvinskoj zhenskoj gimnazii. 1875–1915. – Tihvin: tip. E. P. Blagoveshchenskoj, 1915. 125 s.
21. Материалы для оценки городских недвижимых имуществ Новгородской губернии. Том III: г. Тихвин. – Новгород: Паровая Типография А. И. Щербакова, 1901.
Materialy dlya ocenki gorodskih nedvizhimyh imushchestv Novgorodskoj gubernii. Tom III: g. Tihvin. – Novgorod: Parovaya Tipografiya A. I. Shcherbakova, 1901.
22. Григорьев Л. И. Тихвин и его святыня. – СПб., 1888. 71 с. (переизд. в 1999, 2010, 2016 гг.).
Grigor'ev L. I. Tihvin i ego svyatynya. – SPb., 1888. 71 s. (pereizd. v 1999, 2010, 2016 gg.).
23. Платонова Н. И., Титова А. А. Красный командир археологии // Дивья: Информационный еженедельник. Тихвин. 2019. № 50. С. 4; 2019, № 51. С. 4; 2020. № 1. С. 4; 2020, № 2. С. 4.
Platonova N. I., Titova A. A. Krasnyj komandir arheologii // Div'ya: Informacionnyj ezhenedel'nik. Tihvin. 2019. № 50. S. 4; 2019, № 51. S. 4; 2020. № 1. S. 4; 2020, № 2. S. 4.
24. Отношение к интеллигентности [Равдоникас В. И. Машинописный оригинал заявления в Ц.К.К. – СПбФ АРАН. Ф. 1049. Оп. 2. Л. 133–136] // Санкт-Петербургский университет. № 5 (3661), 19.02.2004 <http://old.journal.spbu.ru/2004/05/15.shtml>
Otnoshenie k intelligentnosti [Ravdonikas V. I. Mashinopisnyj original zayavleniya v C.K.K. – SPbF ARAN. F. 1049. Op. 2. L. 133–136] // Sankt-Peterburgskij universitet. № 5 (3661), 19.02.2004 <http://old.journal.spbu.ru/2004/05/15.shtml>
25. Мордвинов И. П. Дневники. – ЦГИА СПб. Фонд 2253 (Мордвинов И. П.). Оп. 1, дд. 1–2, 4–8.
Mordvinov I. P. Dnevniki. – CGIA SPB. Fond 2253 (Mordvinov I. P.). Op. 1, dd. 1–2, 4–8.
26. Сорокин П. А. Долгий путь: Автобиограф. роман / пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. – Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. 304 с. <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=4768>
Sorokin P. A. Dolgij put': Avtobiogr. roman / per. s angl. P. P. Krotova, A. V. Lipskogo. – Syktyvkar: Soyuz Zhurnalistov Komi ASSR: Shypas, 1991. 304 s. <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=4768>
27. Жервэ Н. Н. Тихвинское отделение Новгородского общества любителей древности (1913–1929) // Тихвинский сборник. По материалам историко-географической конференции. Вып.1: Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988. С. 31–38

Gervais N. N. Tihvinskoe otdelenie Novgorodskogo obshchestva lyubitelej drevnosti (1913–1929) // Tihvinskij sbornik. Po materialam istoriko-geograficheskoj konferencii. Вып. 1: Arheologiya Tihvinskogo kraja. Tihvin, 1988. S. 31–38

28. Платонова Н. И. Камерное погребение в кургане у д. Удрай Новгородской области // Новгород и Новгородская земля. ТНК. Вып. 4. Новгород, 1992. С. 102–104.

Platonova N. I. Kamernoe pogrebenie v kurgane u d. Udraj Novgorodskoj oblasti // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. TNK. Вып. 4. Novgorod, 1992. S. 102–104.

29. Равдоникас В. И. Доклад, читанный на общем собрании Тихвинского отделения НОЛД 21 марта 1916 г. Об археологическом и этнографическом исследовании Тихвинского уезда. – СПбФ АРАН. Ф.1049. Оп.1. Д. 1.

Ravdonikas V. I. Doklad, chitannyj na obshchem sobranii Tihvinskogo otdeleniya NOLD 21 marta 1916 g. Ob arheologicheskom i etnograficheskom issledovanii Tihvinskogo uezda. –SPbF ARAN. F.1049. Op.1. D. 1.

30. Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. – М.; Л.: Соцгиз, 1934. 72 с. (Изв. ГАИМК. Вып. 94).

Ravdonikas V. I. Pamyatniki epohi vzniknoveniya feodalizma v Karelii i yugo-vostochnom Priladozh'e. – М.; Л.: Socegiz, 1934. 72 s. (Izv. GAIMK. Вып. 94). (Известия Государственной академии истории материальной культуры; Вып. 94).

31. Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.): В 4-х томах. Том IV. – М.: Воениздат МВС СССР, 1948. 420 с.

Barsukov E. Z. Artilleriya russkoj armii (1900–1917 gg.): V 4-h tomah. Tom IV. – М.: Voenizdat MVS SSSR, 1948. 420 s.

Platonova N. I., Bondareva V. V., Gervais N. N., Titova A. A. To the 125th anniversary of V. I. Ravdonikas. The path to archaeology. Part 1: Tikhvin Origins.

The article is dedicated to one of the famous Russian and Soviet archaeologists of the twentieth century Vladislav I. Ravdonikas. The meager set of known facts of his biography, wandering from publication to publication, is still replete with inaccuracies and gaps. They are built almost exclusively on oral history materials. Now we have at our disposal a series of new sources capable of shedding light on the early period of the scholar's life (1894–1927). Without studying this period, the subsequent dizzying career of the «Tikhvin local historian» (as some people call him) simply cannot be understood. The article is the first part of the work and covers the chronological period from the early 1890s to the autumn of 1917.

Keywords: Vladislav I. Ravdonikas, scientific biography, Tikhvin, sources, I. P. Mordvinov

УДК 930

КРЫМСКОЕ ОБЩЕСТВО НАКАНУНЕ РУССКОЙ ВЕСНЫ: НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О РАЗВИТИИ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ В КРЫМУ

Савицкий И. В.

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация
E-mail: sawiz@onego.ru*

Анализируются монографии о развитии русского и пророссийского движений на Крымском полуострове в постсоветский «период украинского контроля». На широком историографическом фоне показан вклад севастопольского историка Инны Островской в изучаемую проблему, указываются положительные стороны и слабые места в ее исследовании. Островская предлагает периодизацию развития русского и пророссийского движений, анализирует направления и методы их работы, показывает роль конкретных личностей в эволюции общественных объединений. Монография Инны Островской показывает, насколько сложно в настоящий период создать комплексное исследование о предпосылках Русской весны в Крыму. Необходимо глубже использовать источниковую базу, более подробно изучить контакты русских и пророссийских объединений с российскими воинскими частями в Крыму, проанализировать связи с российской политической элитой, а также проследить процесс выдвижения новых лидеров в крымском региональном сообществе весной 2014 г.

Ключевые слова: Русская весна, «Крымская весна», региональное сообщество, историография, пророссийские движения.

Симферопольское издательство «Антиква» опубликовало книгу севастопольского историка, научного сотрудника Севастопольского военно-исторического музея-заповедника Инны Валериевны Островской «На разломе», посвященную становлению и развитию русского движения в Крыму и Севастополе в 1991 – марте 2014 гг. Работа представляет собой иллюстрированную монографию, ставшую результатом защиты кандидатской диссертации в Кубанском государственном университете в декабре 2018 г. (научный руководитель – профессор А. В. Баранов).

Цель исследования в монографическом варианте четко не поставлена, однако по аналогии с диссертацией ее можно определить как выявление цели, направления и формы деятельности русского и пророссийского общественных движений по выражению интересов и защите прав сообщества Республики Крым и г. Севастополя с декабря 1991 по март 2014 гг. [6, с. 14]. В конечном итоге это должно было позволить автору реконструировать процесс становления и исторического развития общественных движений Крыма и Севастополя на протяжении более чем двух десятилетий [7, с. 23].

Актуальность анализируемой автором проблемы сложно переоценить. Достаточно познакомиться с вышедшими после 2014 года школьными учебниками по новейшей истории России, чтобы увидеть всю неисследованность этого направления изучения Русской весны. Как правило, перечисление событий замыкается на нескольких оторванных от контекста событиях в Симферополе и проведении юридических процедур, включая подписание Договора о принятии в

состав России новых субъектов. Многолетняя работа пророссийских организаций, без которой ситуация в Крыму была бы иной, большинством авторов игнорируется. Все это производит у читателей впечатление борьбы внешних сил за обладание полуостровом.

Необходимо уточнить, что у термина «региональное сообщество» есть своя функция в современной историографии. Он стремится заменить советское понятие «народ», в которое включались лишь трудовые слои общества – рабочие и крестьяне. Восприятие труда как прежде всего физической работы мешало включению в понятие «народ» работников интеллектуального труда. Для исправления этого стереотипа был создан термин «трудовая интеллигенция», однако бизнес-элиты с ее менеджерскими функциями всегда считалась одним из антиподов понятия «народ». Региональное сообщество как совокупность общественных отношений без активного влияния со стороны государства – это полиэтничный, надклассовый термин, и Крым в период «украинского контроля» является удобным объектом для изучения его деятельности (в лице русских и пророссийских движений), направленной по сути против тогдашней государственной политики и гарантировавшей успех «крымской», или Русской весны.

Жители Крыма (куда географически относится и Севастополь) очень критично относятся к любым попыткам снижения роли регионального сообщества в событиях Русской весны, в том числе к присвоению в них решающего значения представителям политической элиты. Ярким примером стала критика документального фильма «4-я оборона Севастополя», отразившаяся не только в средствах массовой информации, но и в научной литературе. Создателем фильма было вменено выражение украинской точки зрения, согласно которой события февраля – марта 2014 г. были «актом военной агрессии» со стороны России [11, с. 164].

Нельзя сказать, что развитие общественных сил в Крыму недооценивалась историками. Этому посвящены отдельные историографические статьи И. В. Островской [8; 9]. В публикациях последних лет многосоставной характер крымского регионального сообщества проанализирован в монографии профессора КубГУ А. В. Баранова, акцентировавшего разрозненность пророссийских движений, их ослабление расколами и личными амбициями лидеров [1, с. 114]. Широкую панораму развития общественного движения к 2014 году проанализировал профессор Южно-Российского института РАНХиГС С. А. Кислицын, показав Крым и конкретно город Севастополь в качестве форпостов борьбы против распространения украинского национализма [3, с. 50]. При этом автор акцентировал внимание на роли бизнес-элиты полуострова, тесно связанной с российским предпринимательством. Написанные директором Центрального музея Тавриды А. В. Мальгиным главы по истории Крыма на рубеже XX – XXI вв. в капитальном двухтомнике по истории полуострова богаты фактологическим материалом, содержат обоснованно сформулированные выводы, однако концентрируют внимание скорее на политических элитах, чем на широких общественных

движениях [2, с. 709–752]. На этом фоне защита кандидатской диссертации и выход монографии И. В. Островской выглядят весьма своевременными.

Отдельным достоинством монографии является список источников и литературы из 435 наименований на русском, украинском и английском языках [7, с. 158–186]. Его структура отражает прежде всего источниковедческую базу исследования. Автор разделила источники на архивные, нормативные материалы (в том числе отдельно международные соглашения), документы общественных объединений (отдельно – выступления общественных деятелей), публицистические тексты, статистические материалы, социологические исследования, справочные и энциклопедические издания, материалы личного происхождения, периодическую печать, а также отдельные сборники документов. При этом в раздел «сборники документов» при желании могли войти и сборники мемуаров и интервью, попавшие в раздел материалов личного происхождения и даже в научную литературу. Не охарактеризованы фотоработы Д. Г. Метелкина 1990-х гг. из личного архива автора, которыми иллюстрирована монография (к визуальным источникам автор в тексте практически не обращается). Тем не менее, на момент окончания работы над книгой И. В. Островская составила очень репрезентативный корпус источников по актуальной и недостаточно изученной теме.

Автором использованы более 170 наименований научной литературы на русском, украинском и английском языках. Конечно, в самом тексте используются не все указанные публикации, но сформированный список является довольно представительным для изучения сюжетов современной истории. Автор выделила три основных направления в изучении становления и развития русских и пророссийских общественных движений в Автономной Республике Крым и Севастополе. Первое включает обобщающие теоретические работы отечественных исследователей, в которых объект исследуется в контексте этнических, демографических и социокультурных процессов на постсоветском пространстве. Второе направление сосредоточено на изучении роли общественных факторов в российско-украинских отношениях, третье связано с комплексным изучением новейшей истории полиэтничного крымского сообщества [7, с. 7–11]. К сожалению, в научном аппарате не упоминаются работы самой И. В. Островской, а также некоторые исследования, посвященные развитию патриотизма в Севастополе и разделяющих скепсис автора относительно последовательности и энергичности курса Российской Федерации по поддержке русского сообщества в Крыму [15].

Таким образом, говоря о вкладе самой И. В. Островской в изучение темы, можно выделить несколько моментов. Во-первых, это формулирование различных сюжетов деятельности русских и пророссийских общественных движений на Крымском полуострове в 1991 – начале 2014 гг. в качестве самостоятельной научной проблемы для монографического исследования. Во-вторых – формирование источниковой и историографической базы по истории русского и пророссийского общественных движений, составленной на основе архивных и музейных собраний, опубликованных работ и интернет-ресурсов. На сегодняшний момент эта база является почти полной и может быть взята за основу последующих исследований. В-третьих – это комплексный анализ развития русского и

пророссийского общественных движений на протяжении выбранного периода, включая выявление отдельных организаций, изучения форм и методов их деятельности, определение лидирующей роли конкретных лиц, составление списка основных проводимых мероприятий, а также факторов, влияющих на изменение тактики работы в условиях обострения политических и межэтнических противоречий. В-четвертых – это дифференцированный анализ связи между экономическим, политическим и демографическим развитием крымского региона с особенностями деятельности русских и пророссийских общественных движений. При этом дифференцированный подход проявляется и в раздельном изучении различных типов общественных объединений (политических, религиозных, культурных). Наконец, пятой особенностью исследования можно считать изучение влияния России на развитие русских и пророссийских общественных движений, в том числе роли финансовых фондов, Черноморского флота и политических сил на активность и результативность деятельности изучаемых автором организаций. Отмечая важность финансовой и моральной поддержки со стороны России, автор все же рассматривает пророссийские силы в Крыму как самостоятельные движения, а российскую поддержку – не всегда достаточной.

Выводы автора можно свести к нескольким основным пунктам. Во-первых, И. В. Островская выделяет четыре этапа формирования русского и пророссийского движений в Крыму и Севастополе: первый этап (вторая половина 1980-х – первая половина 1991 г.) включал деятельность организаций национально-культурного и культурно-просветительного профиля, образованных в период «перестройки» и занимавшиеся популяризацией русской культуры и восстановление исторической памяти; второй этап (вторая половина 1991 – март 1995 г.) был связан с появлением организаций, выступающих за многонационально-территориальный статус автономной республики, за расширение ее прав и полномочий; третий этап (вторая половина 1990-х – начало 2000-х гг.) характеризуется автором как переформатирование деятельности объединений, связанное с окончательным урегулированием статуса автономии и вопросов по пребыванию на украинской территории Черноморского флота РФ; четвертый этап (2005 – март 2014 г.) был связан с активной украинизацией всех сфер жизнедеятельности регионального сообщества, наступлением на гражданские права русскоязычных граждан и характеризуется появлением новой разновидности православных общественных объединений [7, с. 156].

Во-вторых, в крымском региональном сообществе преобладал ориентир в сторону социокультурного пространства Русского мира, при этом этническое сплочение русских на полуострове подтолкнуло к надэтнической интеграции всего крымского регионального сообщества [7, с. 154]. Причинами организационного оформления русского движения в Крыму стали реакция на стихийный приток со второй половины 1980-х гг. на территорию полуострова значительного числа репатриантов, необходимость решения проблемы приниженого статуса автономии и её полномочий, а также неурегулированность вопроса статуса и условий пребывания на украинской территории Черноморского флота РФ. При этом

население г. Севастополя выступало за специальный статус города как военно-морской базы России.

В-третьих, после распада СССР именно Севастополь стал центром формирования пророссийского движения на полуострове, чему способствовали компактное проживание русской общины, дислокация военно-морской базы Черноморского флота РФ и активная украинизация всех сфер жизни регионального сообщества [7, с. 144]. Этот вывод особенно заметен на фоне опубликованного двухтомника по истории Крыма, где вклад Севастополя в развитие общественных движений явно недооценен, а на события Русской весны в городе выделено менее пяти строк [2, с. 744–745]. Однако справедливости ради заметим, что об этих событиях в Севастополе мало сказано и в анализируемой монографии.

Необходимо отметить особенность исследования И. В. Островской и в узком сегменте диссертационных работ за последние пять лет. В 2014–2015 гг. в Москве были защищены две диссертации, анализировавшие развитие общественных движений на Крымском полуострове (до 2014 г. включительно) с политологических и этнологических позиций. По мнению авторов, после значительного сокращения прав автономии политическая активность русских в Крыму стала стремительно снижаться [12, с. 74–75]. До событий зимы – весны 2014 г. на полуострове пророссийские политические силы пользовались весьма незначительной поддержкой, сторонники интеграции Крыма с Россией сокрушительно проигрывали на выборах в крымский парламент, и только события на Майдане изменили ситуацию [13, с. 115–117, 143]. Такой «взгляд из Москвы» не встретил поддержки у севастопольского историка, приводящей примеры неоднократных политических акций севастопольских пророссийских организаций в пользу вхождения города в состав России. Расхождения во взглядах на развитие русских и пророссийских общественных движений можно объяснить различием в используемой источниковой базе. Если московские авторы активно используют статистические источники, то в распоряжении крымских историков находятся другие (в том числе архивные) документы, позволяющие анализировать не только количественные, но и качественные изменения в деятельности местных обществ [10, с. 145]. Более того, И. В. Островская указывает на возможность фальсификации некоторых статистических данных (в частности, результатов переписи 2001 г.) [6, с. 17; 7, с. 29], что выпало из поля зрения ее предшественников.

Основной вопрос, интересующий читателя монографии, – кто все-таки сделал Русскую весну? Автор не дает на него прямого ответа. Признавая мнение других исследователей о том, что в начале 2000-х годов единого движения русскокультурного сообщества на полуострове создать так и не удалось, И. В. Островская отмечает важное значение организаций, созданных во второй половине 2000-х гг. и использовавших сетевые методы работы с социально активной молодежью [7, с. 103]. Безусловно, киевские события и особенно попытки ограничить использование русского языка катализировали ситуацию в Крыму, однако руководители пророссийских организаций «старшего поколения» оказались морально и организационно не подготовлены из-за привычки работать в пределах законодательства и других факторов. Осознание общей угрозы со стороны

украинского национализма дало курс на воссоединение с Россией, в чем «важную роль сыграли русские общественные движения» [7, с. 106]. Заметим: важную, но не решающую. Хочется домыслить авторскую фразу и отдать должное другим факторам – работе обновленной политической элиты и военных. При этом применительно к Севастополю нет смысла жестко разделять деятельность общественных формирований (например, Российской общины Крыма) от военных – с 1990-х гг. их объединяли общие военно-патриотические мероприятия [7, с. 136]. Можно добавить, что значительное количество севастопольцев работали в учреждениях Черноморского флота; из российского бюджета город ежегодно получал около 20 млн. долларов, были построены детский сад, школа, а в 1999 г. создан филиал МГУ им. Ломоносова [15, с. 126–127]. Исследователи отмечают и роль властей Российской Федерации, аккуратно ограничивая ее признанием итогов мартовского референдума [14, с. 2].

Наряду с несомненными достоинствами монографии можно указать и ряд ее слабых мест. Несмотря на определения понятий «российские», «пророссийские движения», «православные объединения» и других [7, с. 17], автор не везде четко их выдерживает. В тексте не всегда обосновано причисление отдельных организаций (например, Всеукраинского общества православных педагогов) к пророссийским [7, с. 115]. Выглядит непонятным включение казачьих объединений в раздел о деятельности православных культурно-просветительских организаций, особенно при упоминании их роли в противодействии учениям НАТО «Sea Breeze 1997» и «Sea Breeze 2006» [7, с. 122] и использовании воспоминаний активистов Кубанского казачьего войска о событиях весной 2014 г. [7, с. 22]. Упомянутое автором требование признания и неуклонного следования канонам православной веры вряд ли является главной особенностью казачьих общественных формирований.

Во-вторых, при всем богатстве источниковой базы автор не всегда в полной мере ее использует, предпочитая ссылаться на уже опубликованные исследования (особенно это характерно для первого параграфа). Архивные источники в основном тексте диссертации используются автором в ограниченном объеме, в основном применительно к севастопольским сюжетам, хотя сбор документов проводился автором более десяти лет.

В-третьих, не всегда ясен принцип подбора описываемых персоналий лидеров общественных формирований. Их использование ограничено немногочисленными фамилиями (несколько раз упоминаются В. В. Подъячий, С. П. Цеков, А. Г. Круглов, Р. Ф. Телятникова, Л. И. Грач). При этом из диссертации неясна роль, например, В. П. Терехова (1938 – 2016), в память о котором в Крыму открыты уже как минимум две памятных доски. Было бы очень полезно свести фамилии руководителей пророссийских и русских общественных движений в единую таблицу, указав названия движений и годы руководства. Одновременно в тексте аккуратно обойдена роль некоторых нынешних крымских политиков, позиция которых в отношении России не всегда была однозначной.

Подводя итог, отметим одно нелирическое отступление. Историкам с «континентальной России» после 2014 года было очень интересно, что нового в методологическом отношении привнесут в развитие российской историографии их

крымские коллеги. Эти ожидания оправдались. Самым громким призывом к историкам со стороны крымских специалистов можно считать требование объективности при работе с историческим материалом, в частности – непредвзятости конечного результата при анализе исторических процессов. По мнению патриарха крымоведения, профессора, заведующего кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. Вернадского А. А. Непомнящего и его коллег, расставляемые авторами акценты не должны ставить объективные исторические факты «в такую логическую последовательность, которая должна привести к заведомо известному результату» [4, с. 150; 5]. Этот известный общенаучный принцип сложен именно для историков, поскольку мы анализируем в основном уже завершенные процессы. Особенно данный призыв актуален для изучения событий 2014 года, вызвавших волну патриотизма в российском обществе, а следом – желание переписать историю под ее новый виток.

В этом отношении монография И. В. Островской выдержана в строго научном духе, ведь разрозненность пророссийских движений, контроль за ними со стороны украинской власти и недостаточная поддержка со стороны российского руководства никак не предвещали успешного вхождения Крыма в состав России. Но определяя верхнюю границу хронологического периода мартом 2014 года, автор все же должна была более четко показать, каким образом пророссийские силы на полуострове сумели организовать и добиться осуществления своих планов четвертьвековой давности.

Таким образом, монография И. В. Островской стала важным этапом в изучении предпосылок и движущих сил Русской весны, укрепив целое направление в ее изучении – роль общественных сил. Это первое комплексное исследование по данной теме, созданное представительницей самого крымского регионального сообщества и прошедшее публичную защиту. Историки хорошо понимают, что в будущем их точки зрения будут корректироваться и пересматриваться; важно зафиксировать позицию того поколения историков, для которых Русская весна – не просто объект изучения, а яркая часть личного жизненного опыта. Сохранение памяти об этом событии – важная задача крымской историографии.

Список использованных источников и литературы

1. Баранов А. В. Этнополитические конфликты на Северо-Западном Кавказе и в Крыму: сравнительный анализ. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2015. – 235 с.
Baranov A. V. Etnopoliticheskie konflikty na Severo-Zapadnom Kavkaze i v Krymu: sravnitel'nyi analiz. – Rostov-na-Donu: Fond nauki i obrazovaniya, 2015. – 235 s.
2. История Крыма: В 2 т. / Под ред. А. Ю. Юрасова. – Москва: Кучково поле, 2018. – Т. 2. – 792 с.
Istoriya Kryma: V 2 tt. / Pod red. A. Yu. Yurasova. – Moskva: Kuchkovo pole, 2018. – T. 2. – 792 s.
3. Кислицын С. А. Политическое значение деятельности гражданского общества Севастополя и Крыма в период борьбы за реинтеграцию Крымской Автономной Республики в Российскую Федерацию // Власть. – 2016. – № 8. – С. 48–54.
Kislitsyn S. A. Politicheskoe znachenie deyatel'nosti grazhdanskogo obshchestva Sevastopolya i Kryma v period bor'by za reintegratsiyu Krymskoj Avtonomnoi Respubliki v Rossiiskuyu Federatsiyu // Vlast'. – 2016. – № 8. – S. 48–54.

4. Непомнящий А. А., Севастьянов А. В. Может ли история оправдывать политическую концепцию? // Историческая экспертиза. – 2017. – № 1. – С. 146–150.
- Непомнящий А. А. Mozhet li istoriya opravdyvat' politicheskuyu kontseptsiyu? / A. A. Nepomnyashchy, A. V. Sevast'yanov // Istoricheskaya ekspertiza. – 2017. – № 1. – S. 146–150.
5. Непомнящий А. А. Становление и развитие историографии истории Крыма: основные вехи (вторая половина XVIII – первая половина XX века) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2019. – Т. 5(71), № 2. – С. 21–55.
- Непомнящий А. А. Stanovlenie i razvitie istoriografii istorii Kryma: osnovnye vekhi (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina ХХ века) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2019. – Т. 5(71), № 2. – S. 21–55..
6. Островская И. В. История становления и развития русского и пророссийского движений Крыма и Севастополя в 1991 – марта 2014 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2018. – 215 с.
- Ostrovskaya I. V. Istoriya stanovleniya i razvitiya russkogo i prorossiiskogo dvizheniya Kryma i Sevastopolya v 1991 – marta 2014 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk. – Krasnodar, 2018. – 215 s.
7. Островская И. В. На разломе: из истории становления и развития русского движения в Крыму и Севастополе (1991 – март 2014 г.). – Симферополь: Антикава, 2019. – 196 с.
- Ostrovskaya I. V. Na razlome: iz istorii stanovleniya i razvitiya russkogo dvizheniya v Krymu i Sevastopole (1991 – mart 2014 g.). – Simferopol': Antikva, 2019. – 196 s.
8. Островская И. В. Русские движения Крыма и Севастополя 1991–2014 в российской историографии // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – Вып. 4(39). – С. 67–80.
- Ostrovskaya I. V. Russkie dvizheniya Kryma i Sevastopolya 1991–2014 v rossiiskoi istoriografii // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. – 2017. – Вып. 4(39). – S. 67–80.
9. Островская И. В. Славянское сообщество Крыма начала XXI века в исследованиях украинских экспертов // Белорусы и Беларусь в системе координат Россия, Запад, славянский мир: вопросы идентичности, историко культурных связей и международных отношений. – Краснодар: Традиция, 2017. – С. 194–200.
- Ostrovskaya I. V. Slavyanskoe soobshchestvo Kryma nachala XXI veka v issledovaniyakh ukrainiskikh ekspertov // Belorusy i Belarus' v sisteme koordinat Rossiya, Zapad, slavyanskii mir: voprosy identichnosti, istoriko kul'turnykh svyazei i mezhdunarodnykh otnoshenii. – Krasnodar: Traditsiya, 2017. – S. 194–200.
10. Савицкий И. В. «Крымская весна» в российских диссертационных исследованиях 2014–2018 гг. // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 8. – С. 142–146.
- Savitsky I. V. «Krymskaya vesna» v rossiiskikh dissertatsionnykh issledovaniyakh 2014–2018 gg. // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2019. – № 8. – S. 142–146.
11. Соколов Д. В. Историография «крымской весны»: интерпретации, проблемы и перспективы // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2018. – № 1(12). – С. 158–170.
- Sokolov D. V. Istoriografiya «krymskoi vesny»: interpretatsii, problemy i perspektivy // Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy. – 2018. – № 1(12). – S. 158–170.
12. Сосновский Д. В. Процессы формирования региональной идентичности в Крыму в контексте поляризации украинского общества (1991–2014): Дис. ...канд. полит. наук. – Москва, 2014. – 171 с.
- Sosnovsky D. V. Protsessy formirovaniya regional'noi identichnosti v Krymu v kontekste polarizatsii ukrainskogo obshchestva (1991–2014): Dis. ...kand. polit. nauk. – Moskva, 2014. – 171 s.
13. Старченко Р. А. Динамика и взаимодействие языковой жизни и этнополитических ориентаций крымчан (2013–2014 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2015. – 180 с.
- Starchenko R. A. Dinamika i vzaimodeistvie yazykovoi zhizni i etnopoliticheskikh orientatsii krymchan (2013–2014 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk. – Moskva, 2015. – 180 s.
14. Узнародов Д. И. Ключевые факторы социально-политической нестабильности современного Крыма // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки) [Электронный журнал]. – 2017. – № 1. – С. 1–22. – url: <http://a-factor.ru/archive/item/13-klyucheveye-factory-sotsialno-politicheskoy-nestabilnosti-sovremennogo-kryma> (06.10.2019).
- Uznarodov D. I. Klyucheveye factory sotsial'no-politicheskoi nestabil'nosti sovremennogo Kryma // A-faktor: nauchnye issledovaniya i razrabotki (gumanitarnye nauki) [Elektronnyi zhurnal]. – 2017. – № 1. – S. 1–22. – url: <http://a-factor.ru/archive/item/13-klyucheveye-factory-sotsialno-politicheskoy-nestabilnosti-sovremennogo-kryma> (06.10.2019).

15. Усова Л. С. Историческая преемственность традиций российского патриотизма в Севастополе // Патриотизм как идеология возрождения России: сб. ст. и докл. – Москва: РИСИ, 2014. – С. 124–134.

Usova L. S. Istoricheskaya preemstvennost' traditsii rossiiskogo patriotizma v Sevastopole // Patriotizm kak ideologiya vrozozhdeniya Rossii: sb. st. i dokl. – Moskva: RISI, 2014. – S. 124–134.

Savitsky I. V. Crimean society on the eve of the Russian Spring: a new study on the development of Russian movement in the Crimea

The article analyzes the monograph about the evolution of Russian and Pro-Russian public organizations on the Crimean Peninsula in the Post-Soviet «Ukrainian period». The author of the article analyzes the contribution of historian from Sevastopol Inna Ostrovskaya to the subject matter against a broad historiographical background, points out the strengths and weaknesses of her study. Ostrovskaya suggested a division of the development of Russian and Pro-Russian organizations into stages, analyzed the spheres and methods of their work, demonstrated the role of some individuals in the evolution of public associations. Inna Ostrovskaya's monograph shows how difficult it is at the moment to produce a comprehensive study of the prerequisites of the «Russian spring» in the Crimea. It is necessary to more profoundly use available sources, to study in more detail the contacts of Russian and Pro-Russian associations with Russian military units in the Crimea, to analyze the connections to the Russian political elite, and to trace how new leaders were emerging in the Crimean regional community in the spring of 2014.

Keywords: Russian spring, «Crimean spring», regional community, historiography, Pro-Russian movements.

УДК 069:93:504.06(571.53)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МУЗЕЙНЫХ ИНСТИТУЦИЙ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Сартакова А. В.

*Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: sartakova.ann@mail.ru*

Рассмотрена история становления музея и визит-центров особо охраняемых природных территорий Иркутской области. На основе широкого круга разнообразных источников, среди которых особую ценность представляют архивные документы и полевые материалы автора, приводится количественная и качественная характеристика музейных институций на заповедных территориях Иркутской области, показаны цель, задачи и особая роль данных институций в сохранении, интерпретации и популяризации не только заповедных зон, но и находящихся на этих территориях объектов историко-культурного наследия.

Ключевые слова: музей, визит-центр, особо охраняемые природные территории, природное наследие, Иркутская область.

Начиная с XX в. музеефикация особо охраняемых природных территорий (далее по тексту ООПТ) позволяла контролировать поток туристов, организовывать безопасный отдых и сохранять не только природное, но и культурное наследие, а также сделать его доступным для всех, несмотря на жесткие ограничения. Следует отметить, что на данный момент музейное дело для них является традиционной формой работы с туристами и местными жителями. В отличие от мировой и отечественной практики музейные институции ООПТ Байкальского региона (который включает в себя Иркутскую область, Республику Бурятию и Забайкальский край) появились только во второй половине XX в., хотя зарождение заповедного дела в России появились именно на территории Иркутской области. Так в начале 1916 г. в Департаменте земледелия было одобрено предложение об организации Саянского соболиного заповедника в Енисейской губернии. Однако после 1917 г., заповедник оказался в зоне Гражданской войны, и когда борьба с браконьерами стала невозможной, он был передан в ведение Сельскохозяйственного учёного кабинета комиссариата земледелия Временного сибирского правительства. Так и не успев получить официального документального оформления, в период 1918–1919 гг. заповедник перестал существовать [15].

Сегодня в Иркутской области расположено 99 особо охраняемых природных территорий, из них: 5 ООПТ федерального значения, 13 государственных природных заказников и 81 памятник природы регионального значения [13]. Все они располагают большим потенциалом для привлечения туристов, так как обладают уникальными природными объектами, историко-культурным наследием, а также формирующейся музейной сетью для демонстрации всех богатств ООПТ.

В результате полевых исследований нами было выявлено, что в настоящее время на ООПТ Иркутской области расположено 4 визит-центра и 1 этнографический музей, музея природы нет ни одного.

Стоит отметить тот факт, что ранее на территории Байкало-Ленского государственного природного заповедника располагался музей природы. Он был открыт 5 декабря 2001 г. в здании главной усадьбы заповедника в рамках осуществленного гранатового проекта. Музей просуществовал до 2012 г. и был закрыт в связи с реорганизацией ООПТ. С момента открытия он пользовался популярностью, так его ежегодно посещали свыше 1 500 человек [5, л. 147].

В основу стационарной экспозиции музея вошли материалы и коллекции, собранные ранее научными сотрудниками заповедной территории необходимые для оформления выставок. Кроме того, ежегодно шло пополнение музейного фонда сотрудниками отдела экологического просвещения заповедника во время полевых работ, что позволяло обновлять выставки. В экспозициях музея демонстрировались коллекции насекомых, черепов животных, гербарии, заспиртованный материал [10].

Изначально в музее было представлено три раздела: «История ООПТ», «Гербарий заповедника», «Берег Байкала и медведи». В 2007 г. была проведена реставрация ряда экспонатов диорамы «Байкальский хребет», а также проведена смена природного материала – покрова из мхов, лишайников и кустарников. Кроме того, в этом же году были созданы и открыты новые экспозиции «Подводный мир Байкала», «Птичий базар» и «Берег Байкала», которые представляли собой диорамы с использованием природных материалов (гальки, губки, корчаги), муляжей и чучел животных и рыб [8, л. 163].

Специально для фондовой и экскурсионной работы музея природы в 2002 г. было разработано методическое пособие сотрудниками экологического просвещения, где были представлены образцы учетной документации музея и инструкция по хранению музейных предметов.

В рамках экологического просвещения для посетителей музея проводились экскурсии и уроки, тематические лекции и эколого-познавательные мероприятия, а также демонстрировались учебные фильмы. Начиная с 2003 г. до момента закрытия музея научными сотрудниками отдела экопросвещения было разработан и внедрен новый способ работы с населением – это выездные занятия с демонстрацией музейных экспонатов, которые реализовывались на базе детских садов и школ [6, л. 197]. Отметим, что данные мероприятия имели значительный успех, так как охватывали аудиторию свыше 2 тысяч человек как в иркутских, так и в областных учебных заведениях [7, л. 159].

В настоящее время музей не работает, ранее располагавшиеся в нем экспонаты находятся в неудовлетворительном состоянии [14, с. 9]. В 2017 г. были демонтированы устаревшие диорамы, а находившиеся в них экспонаты используются как учебно-методический материал при проведении занятий с детской аудиторией [14, с. 8].

В 2014 г. была создана ФГБУ «Объединённая Дирекция «Заповедное Прибайкалье» государственного природного заповедника «Байкало-Ленский» и Прибайкальского Национального Парка» [9], в планах которой в ближайшие время

намечено воссоздать ранее существовавший музей согласно современным музейным технологиям. Так в 2016 г. был разработан проект реконструкции музея природы в главной усадьбе бывшей дирекции Байкало-Ленского государственного природного заповедника. Основная цель создания музея природы – содействие в экологическом просвещении туристов и местных жителей, а также в привлечении их на экологические маршруты «Заповедного Прибайкалья» [14, с. 9]. Данный проект рассчитан на три выставочных зала, в которых будут представлены история заповедной территории, биоразнообразии ООПТ, угрозы и сохранение биоразнообразия. Кроме того, в экспозициях запланировано использование шлемов виртуальной реальности и внедрение интерактивных игр.

В настоящее время «Заповедное Прибайкалье» располагает двумя визит-центрами. Первый из них был открыт в 2002 г. в здании главной усадьбы Байкало-Ленского государственного природного заповедника [5, л. 147]. Для его создания дирекцией заповедника были приобретены специальное оборудование и мебель, сделан ремонт в помещении, разработаны экспозиции. Основное предназначение визит-центра с момента его открытия, является распространение информации об ООПТ региона, их истории, тематические занятия в природопознавательных кружках, проведение массовых мероприятий с учащимися (викторины, олимпиады, слеты, конференции) и преподавателями, показ тематических видеофильмов. Специально для визит-центра были разработаны две лекции: «История заповедного дела в Байкальском регионе» и «ООПТ региона, их рекреационные ресурсы» [12, с. 197]. С реорганизацией заповедной территории в 2014 г. визит-центр также пережил изменения, как и музей. В настоящее время он располагается в холле второго этажа главной усадьбы «Заповедного Прибайкалья» и представляет собой информационную площадку для туристов с выставкой из информационных стендов и сувенирного киоска. Кроме того, ежегодно на базе визит-центра и актового зала администрация природоохранной зоны проводит тематические конференции, семинары, праздничные мероприятия.

Второй визит-центр был открыт в первой половине 2019 г. на территории ФГБУ «Заповедное Прибайкалье» в Еланцинском лесничестве. Он представляет собой отдельное небольшое здание с экспозицией, информационными стендами, конференц-залом, сувенирным киоском и парковкой.

Кроме того, данная природоохранная зона располагает турприютами в поселках Листвянка, Большое Голоустное, а также «Падь Черная» и «Мыс кадилый».

В своей музейной деятельности ФГБУ «Заповедное Прибайкалье» активно сотрудничает с Иркутским краеведческим музеем, а точнее с его отделом природы, где часто проводит выставки и различные мероприятия. Например, в ноябре 2018 г. была открыта мемориальная выставка «Профессор тайги», посвящённая жизни и творчеству, а также 85-летию Семёна Климовича Устинова, проработавшему в Байкало-Ленском государственном природном заповеднике почти 30 лет. Посетителям демонстрировались личные вещи ученого, в том числе полевое снаряжение, компас, наручные часы, фотоаппарат и многое другое. Уникальными и центральными экспонатами стали впервые выставленные оригинальные рукописи

нескольких его произведений – «Год и вся жизнь медведя», «Загадочные тропы кабарги» и «Визит к Берендею», отчётов по темам научных исследований [4].

В настоящее время идет работа по созданию третьего визит-центра «Гостевая Ольхона» и экологической тропы на острове Ольхон (на мысе Хобой). Он позволит получить туристам не только информацию об ООПТ и насладиться природой острова, но и узнать об истории, традиционных ремеслах, культуре и фольклоре острова [2].

Не менее примечательной и достаточно удаленной ООПТ Иркутской области является ФГБУ «Государственный природный заповедник «Витимский». Сегодня в распоряжении заповедника находится один визит-центр, расположенный в главной усадьбе и один этнографический музей на кордоне Амалык.

Визит-центр Витимского заповедника был открыт в 2003 г. в здании главной усадьбы. Он представляет собой конференц-зал, в котором на одной из стен размещаются временные выставки рисунков и фотографий, на другой информационные стенды, на третьей экран для проектора, вдоль стен размещены деревянные макеты животных и столы с детскими поделками, по центру выставлены несколько рядов стульев. Точно также, как и большинство визит-центров России и Байкальского региона, визит-центр Витимского заповедника проводит экологические акции, эколого-познавательные мероприятия, конференции, семинары, лекции, открытые уроки, интеллектуальные игры и т.д. [11]. Он также является отправной точкой на экологической тропе близ главной усадьбы заповедника [3].

Этнографический музей Витимского заповедника является уникальным, так как был создан по инициативе научных сотрудников ООПТ на месте заброшенной деревни, с целью сохранить память о жителях отдаленных поселков Бодайбинского района Иркутской области. В музее собраны сотни экспонатов, которые образуют одну стационарную экспозицию, демонстрирующую быт жителей поселка Амалык в XIX и XX вв. В ней представлены предметы быта из чугуна и железа, богатая коллекция орудий труда первых старателей и заготовителей леса и многое другое. Уникальным экспонатом является – старинная детская кроватка. Экспозиция постоянно пополняется благодаря волонтерам заповедника, так как они ежегодно осуществляют поиск новых экспонатов для музея. Кроме того, следует отметить еще одну особенность данного музея – это его удаленность. Он расположен в 200 километрах от города Бодайбо и добраться до него можно только на водном виде транспорте [1].

На основании выше изложенного можно сделать ряд выводов: во-первых, музейное дело ООПТ Иркутской области не является статичным, оно постоянно развивается, этот факт подтверждается тем, что в настоящее время в работе находятся несколько проектов музейных институций; во-вторых, ранее созданные музеи и визит-центры имеют свою примечательную историю и популярность; в-третьих, музеи заповедных территорий Иркутской области осуществляют тесное сотрудничество с городскими музеями для расширения аудитории и обмена опытом.

В заключении отметим, что одним из важных положительных качеств музеев и визит-центров ООПТ является их способность удовлетворять не только рекреационные потребности посетителей, но и нести весомый образовательный и воспитательный потенциал.

Список использованных источников и литературы

1. В Витимском заповеднике находится этнографический музей. – URL : <http://zapoved.ru/news/3638/%D0%92>, (дата обращения 10.10.2019).
V Vitimskom zapovednike nakhoditsya ehntograficheski muzeI. – URL: <http://zapoved.ru/news/3638/%D0%92>, (data obrashcheniya 10.10.2019).
2. В районе парома в Сахюрте планируют открыть визит-центр «Гостевая Ольхона». – URL : <http://exatourbaikal.com/2017/07/11/v-rajone-paroma-v-sahyurte-planiruyut-otkryt-vizit-centr-gostevaya-olhona/>, (дата обращения 02.10.2019).
V raione paroma v Sahyurte planiruyut otkryt' vizit-tsentr «Gostevaya Ol'khona». – URL : <http://exatourbaikal.com/2017/07/11/v-rajone-paroma-v-sahyurte-planiruyut-otkryt-vizit-centr-gostevaya-olhona/>, (data obrashcheniya 02.10.2019).
3. Витимский заповедник. – URL : <https://vk.com/id471757220>, (дата обращения 12.10.2019).
Vitimskii zapovednik. – URL : <https://vk.com/id471757220>, (data obrashcheniya 12.10.2019).
4. Выставка к 85-летию «профессора тайги» Семёна Устинова. – URL : https://vk.com/zapovednoe_pr, (дата обращения 20.09.2019).
Vystavka k 85-letiyu «professora taigI» Semena UstinovA. – URL : https://vk.com/zapovednoe_pr, (data obrashcheniya 20.09.2019).
5. Государственный архив Иркутской области Ф. Р-3516. Опись 2. Дело 26. Л. 147.
Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti F.R-3516. Opis' 2. Delo 26. L. 147.
6. Государственный архив Иркутской области Ф. Р-3516. Опись 2. Дело 29. Л.197.
Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti F. R-3516. Opis' 2. Delo 29. L.197.
7. Государственный архив Иркутской области Ф. Р-3516. Опись 2. Дело 35. Л.159.
Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti F. R-3516. Opis' 2. Delo 35. L.159.
8. Государственный архив Иркутской области Ф. Р-3516. Опись 2. Дело 41. Л. 163.
Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti F. R-3516. Opis' 2. Delo 41. L. 163.
9. Заповедное Прибайкалье. – URL : <https://baikal-1.ru/about/organisation/>, (дата обращения 20.07.2019).
Zapovednoe Pribaikal'E. – URL : <https://baikal-1.ru/about/organisation/>, (data obrashcheniya 20.07.2019)
10. Интервью с научным сотрудником отдела экологического просвещения ФГБУ «Заповедное Прибайкалье» Е. В. Хомколовой. г. Иркутск, июль 2017 г.
Interv'yu s nauchnym sotrudnikom otdela ehkologicheskogo prosveshcheniya FGBU «Zapovednoe Pribaikal'E» E. V. Khomkolovol. G. Irkutsk, iyul' 2017 g.
11. Интервью с начальником отдела экологического просвещения ФГБУ «Государственный природный заповедник «Витимский» Л. Г. Четчкиной. г. Бодайбо, октябрь 2019 г.
Interv'yu s nachal'nikom otdela ehkologicheskogo prosveshcheniya FGBU «Gosudarstvennyi prirodnyi zapovednik «Vitimskii» L. G. Chechetkinoi. G. Bodaibo, oktyabr' 2019 g.
12. Летопись природы за 2003 год. Текущий архив ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», 2003. 212 с.
Letopis' prirody za 2003 god. Tekushchii arkhiv FGBU «Zapovednoe Pribaikal'e», 2003. 212 s.
13. Особо охраняемые природные территории // официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Иркутской области. URL : <https://irkobl.ru/sites/ecology/working/ohrana/oopt/>, (дата обращения 15.06.2019).
Osobo okhranyaemye prirodnye territorii // ofitsial'nyi sait Ministerstva prirodnykh resursov i ehkologii Irkutskoi oblasti. URL : <https://irkobl.ru/sites/ecology/working/ohrana/oopt/>, (data obrashcheniya 15.06.2019)
14. Проект реконструкции музея природы. Текущий архив ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», 2016. 44 с.
Proekt rekonstruktsii muzeya prirody. Tekushchii arkhiv FGBU «Zapovednoe Pribaikal'E», 2016. 44 s.

15. Саянский заповедник // Виртуальный музей коренных оленных народов Прибайкалья. URL : http://www.etnografia.ru/aborigen/1_tofa/ссср/ссср_заповедник.htm, (дата обращения 30.07.2019).

Sayanskii zapovednik // Virtual'nyi muzei korennykh olennykh narodov Pribaikal'ya. URL : http://www.etnografia.ru/aborigen/1_tofa/ссср/ссср_заповедник.htm, (data obrashcheniya 30.07.2019).

Sartakova A. V. Formation and development of Museum institutions of specially protected natural territories in the Irkutsk region

This article is devoted to the history of the establishment of the museum and visit centers of specially protected natural territories of the Irkutsk region. Based on a wide range of diverse sources, among which the archival documents and field materials of the author are of particular value, a quantitative and qualitative description of museum institutions in the protected areas of the Irkutsk region is given, the purpose, objectives and special role of these institutions in preserving, interpreting and popularizing not only reserved zones, but also objects of historical and cultural heritage located in these territories.

УДК 94(569.4):327

**ПРОБЛЕМА ЗАСЕЛЕНИЯ ПАЛЕСТИНЫ
ЕВРЕЙСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.
И ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ**

Щевелев С. С.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: k0507622530@gmail.com*

Крыжко Е. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: jeyson1030@gmail.com*

Исследуется проблема эмиграции еврейского населения на палестинские территории и процесс образования государства Израиль. Хронологически основная фаза обозначенного процесса охватывает период с 29–31 августа 1897 г. по 29 ноября 1947 г., то есть с момента создания Всемирной Сионистской Организации до принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюции № 181/II «Будущее правительство Палестины». Обозначенный период характеризуется активизацией эмиграции еврейского населения на территорию Палестины. Представлена характеристика факторов, способствующих этому процессу, выявлены ограничительные меры отдельных государств по обозначению контроля количественного показателя проникновения мигрантов в арабскую среду. Определена роль Всемирной Сионистской Организации и Еврейского Национального Фонда по вопросам поддержки и стимулирования массового переселения евреев на территорию Палестины. Авторы акцентируют внимание на политику Великобритании на Ближнем Востоке, которая заключалась в официальном признании права еврейского населения на проживание в Палестине, закрепленное в Декларации Бальфура, а также в дальнейшей поддержке этого положения в период мандатного управления территориями. Формально мандат не ущемлял права арабского населения Палестины, но на деле никоим образом и не закреплял их, лишь на словах гарантируя соблюдение равного подхода к интересам как арабского, так и еврейского населения. Отмечена тенденция, что с начала 1930-х гг. происходит активизация в Палестине арабских выступлений, которые приобрели вооруженный антиссионистский и антиколониальный характер. Особое значение уделяется восприятию решения по Палестине со стороны Великобритании, а также арабскому и еврейскому видению дальнейшего развития событий в регионе. Отсутствие ресурсов у Лондона по решению вопроса арабо-еврейского противостояния приводит к включению в переговорный процесс США и СССР. Таким образом, созданию государства Израиль предшествовала длительная системная борьба еврейского населения за право проживания на территории Палестины, что выразилось в массовой эмиграции, которая стимулировалась как внутринациональными факторами, так и внешним воздействием.

Ключевые слова: Палестина, Великобритания, Израиль, СССР, США, арабо-еврейский конфликт.

Начало ближневосточному конфликту было положено в конце XIX в. В этот период для сионистов основным союзником по колонизации палестинских территорий являлась Великобритания, которая рассматривала Палестину в качестве

плацдарма для проецирования своего влияния на Ближнем Востоке. Еврейский истеблишмент начинает переговорный процесс с британской элитой, направленный на переориентацию точки опоры Лондона по освоению ближневосточных земель с арабского населения на будущее еврейское [2, с. 5].

В это время Палестина входила в состав Османской империи и была малоразвитой ее провинцией. Помимо арабов, мусульман и христиан в стране проживали армяне, курды, евреи. Еврейская община к середине XIX в. насчитывала 12 тыс. человек [19, р. 13], а к концу XIX в. – 24 тыс., примерно 4 % от всего населения, проживавшего на этой территории [3, с. 15].

29–31 августа 1897 г. в г. Базеле (Швейцария) открылся I Сионистский Конгресс. Итогом конгресса стало создание Всемирной Сионистской Организации (ВСО), провозгласившей своей целью переселение всех евреев в Палестину, и принявшей программу, в которой говорилось о стремлении еврейского народа создать в Палестине «национальный очаг обеспеченный юридическим правом». Основоположник ВСО Теодор Герцель говорил о том, что слово «очаг» заменило слово «государство», только в целях дипломатии. «Не надо беспокоиться, – пояснил он, – люди прочтут его (то есть слово «очаг») правильно, как еврейское государство» [3, с. 21]. На конгрессе он представил свою программу сионистского движения, которая была направлена на массовое переселение евреев в Палестину и официальное признание мирового сообщества этого права, а также создание организации по контролю и содействию колонизации палестинских земель [25, р. 40].

Воплощение в жизнь идеи евреев о возвращении на «землю обетованную» представлялось «отцу сионизма» следующим образом: «Когда мы займем Палестину, политически добьемся полной земельной собственности. К нам придут крупные землевладельцы, которые добровольно продадут нам землю. Вместе с тем, бедняки (палестинские арабы. – *Авт.*) будут выселены. Мы будем всячески поощрять эмиграцию бедняков» [3, с. 22]. Т. Герцель видел свое государство мононациональным, места в котором для арабов не было. Претворение в жизнь его планов последователями предопределило многие ближневосточные проблемы.

После создания ВСО положение с еврейским переселением не претерпело кардинальных изменений. В первые годы существования ВСО еврейская эмиграция в Палестину носила незначительные масштабы. Так, за период с 1882 г. по 1900 г. еврейская община в Палестине возросла всего с 24 тыс. до 50 тыс. человек [4, с. 48].

В 1901 г. сионистское движение создало Еврейский Национальный Фонд (ЕНФ) с целью расширения притока финансовых средств на покупку и возделывание в Палестине земли для всего еврейского народа. ЕНФ занялся централизованным и широкомасштабным сбором средств с евреев всей Европы. Г. Меир утверждала: «Много принадлежавшей евреям земли в Палестине купил «народ» – булочники, портные, плотники из Пинска, Берлина, Мидуоки. С детских лет помню жестяную копилку, что стояла у нас в гостиной рядом с субботними свечами, в которую не только мы, но и наши гости еженедельно опускали монеты. Такая синяя копилка имела в каждом еврейском доме, где мы бывали. И на эти

монеты еврейский народ начал покупать с 1904 г. обширные участки земли» [8, с. 100].

Помимо «народа», крупнейшими акционерами фонда были богатейшие еврейские предприниматели, такие как Д. Вульфсон. Поэтому кажутся недостоверными сведения о скупке земли «народом», при этом малая часть земель и была куплена на средства, собранные еврейским народом. Несмотря на активную политику ВСО, к началу Первой мировой войны темпы роста ишува – еврейской общины Палестины, оставались крайне низкими, а количество земли, купленной на средства, собранные ЕНФ была незначительна. Так, «к 1914 г. численность еврейской общины составила 56,7 тыс. человек, что составило 8% от общего числа жителей» [3, с. 23]. С земельной собственностью дело обстояло еще хуже: «в 1882 г. земельная собственность ишува составляла 25 тыс. дунамов, в 1889 г. – уже 247 тыс., в 1914 г. – 650 (по другим данным 400) тыс. дунамов» [4, с. 48; 31, р. 38] (1 дунам – 0,1 га. – *Авт.*), что охватывало всего «2,5% общей площади обрабатываемых земель» Палестины [3, с. 23]. Первая мировая война и вовсе прервала поток новых эмигрантов на «землю обетованную». Это можно объяснить тем, что в стране были достаточно трудные условия для жизни и работы. Многих это отпугивало, и богатые люди сюда не ехали, ограничиваясь вложениями капитала.

Во время войны Палестина оказалась под пристальным вниманием Великобритании, ввиду ее стратегического положения на ближайших подступах к Суэцкому каналу, который находился под английским контролем. Также палестинская территория представляла собой важнейший военный плацдарм для борьбы против Турции. Военно-стратегические интересы Великобритании на Ближнем Востоке потребовали от английского правительства поиска союзников в борьбе с Османской Портой. Одним из первых подобную помощь Соединенному Королевству предоставила ВСО. В ходе войны были созданы первые еврейские военные формирования – Еврейский легион и Добровольческий еврейский корпус, которые сражались на стороне Великобритании против Османской империи. Создателями этих подразделений стали выходцы из Российской империи – Давид Бен-Гурион и Владимир Жаботинский [3, с. 24].

Великобритания приложила усилия, чтобы заручиться поддержкой ближневосточных арабов. В посланиях, которыми с июня 1915 г. по март 1916 г. обменивались британский Верховный комиссар в Египте Г. Мак-Магон и правитель Мекки шериф Хусейн аль-Хашими, были зафиксированы обязательства арабов поднять восстание против турецкой администрации. Со своей стороны Лондон признавал независимость будущего объединенного арабского государства [20, р. 41]. Однако Великобритания не собиралась выполнять это обязательство. 16 мая 1916 г. она заключила секретное соглашение с Францией о послевоенном разделе между ними азиатской части Османской империи (соглашение Сайкс-Пико), предусматривавшее режим международного управления для Палестины [15, р. 8].

В преддверии окончания Первой мировой войны и разгрома Османской империи, правительство Д. Ллойд-Джорджа нашло предлог, позволивший Великобритании закрепиться в Палестине. В письме к лорду Л. Ротшильду от

2 ноября 1917 г. министр иностранных дел Британии лорд А. Бальфур объявил о решимости английского правительства содействовать устройству в Палестине «национального очага для еврейского народа» [16, р. 8–9]. Это письмо вошло в историю как декларация Бальфура.

В декларации Бальфура не упоминалось о цели лидеров сионизма – создании еврейского государства, однако сам факт официального согласия Лондона на эмиграцию и создание еврейских поселений в Палестине вывел сионистскую идею на повестку дня международных отношений. Прямые переговоры между лидерами ВСО во главе с Хаимом Вейцманом и британским правительством относительно сионистского проекта проникновения в Палестину и гарантиях Лондона переселения в страну, велись с лета 1916 г. [4, с. 49; 14, р. 283].

ВСО, пытаясь добиться международного одобрения своих территориальных притязаний, изложило их в меморандуме Верховному Совету Антанты на Парижской мирной конференции в феврале 1919 г. Делегация ВСО потребовала: признание права евреев на «создания еврейского национального очага» в Палестине, который в будущем должен перерасти в независимое государство; суверенитет над территориями передать Лиге Наций, а мандат на управление предоставить Великобритании [5]. Декларация Бальфура позволила Великобритании отказаться от своих обязательств по соглашению Сайкс-Пико, так же как и от договоренностей с шерифом Хусейном аль-Хашими, а также подкрепило притязания на Палестину. Став выгодной политической акцией Великобритании, повысив ее мировой престиж, декларация была совершенно не выгодна арабскому народу Палестины. По окончании Первой мировой войны под предлогом создания «национального очага» Великобритания оставила свой оккупационный корпус в Палестине.

25 апреля 1920 г. на конференции в Сан-Ремо, англичане получили от Верховного Совета Антанты мандат на управление Палестиной, который был подтвержден в Лиге Нации 24 июля 1922 г. и вступил в силу 25 сентября 1923 г. В преамбулу текста мандата Лиги Нации была частично включена декларация Бальфура, позволившая Великобритании взять на себя обязательство поощрять еврейскую эмиграцию в Палестину [16, р. 151–155].

В отношении арабов, составлявших 90 % населения Палестины, в тексте мандата употреблялись туманные термины, такие как «существующие нееврейские общины» и «другие группы населения», а упоминаемые несколько раз их права никак не конкретизировались [21, р. 22–23]. Формально мандат не ущемлял права арабского населения Палестины, но на деле никоим образом и не закреплял их, лишь на словах гарантируя соблюдение равного подхода к интересам как арабского, так и еврейского населения Палестины.

В 1920-е гг. уровень еврейской эмиграции был значительно ниже английских квот на въезд: «за десять послевоенных лет в Палестину въехало около 100 тыс. эмигрантов <...>, тогда как в США за тот же период переселилось 340 тыс. евреев» [4, с. 51]. Вследствие этого, правом на переселение могли воспользоваться 16,5 тыс. человек ежегодно, что было узаконено Верховным комиссаром Палестины и Трансиордании Г. Сэмюэлем [24, р. 9].

Провозглашение английского мандата сделало эмиграцию евреев в Палестину непрерывной и методичной. В 1922 г. еврейское население Палестины составило 11%, в 1931 г. – 17%, а в 1937 г. выросло до 28%, составив 460 тыс. человек, почти 1/3 всего населения [3, с. 30].

В 1935 г. въехало 62 тыс. человек. Это стало возможно благодаря кампании открытого антисемитизма и еврейских погромов в Третьем рейхе. Четвертая часть выехавших в Палестину в 1933–1936 гг. евреев (175 тыс. человек) были выходцами из Германии. Еврейские организации под видом туризма начали нелегальную эмиграцию. Число нелегальных эмигрантов к 1940 г. составило 15,5 тыс. человек [2, с. 105; 4, с. 56.]. Количество еврейского населения Палестины на момент 1948 г. составляло примерно 640–650 тыс. человек, из которых большинство имело европейские корни [23, р. 17; 27, р. 4].

Сионистское руководство проводило массовые скупки земель. Координирующим органом сельского хозяйства стал созданный в 1918 г. отдел поселений ВСО. ЕНФ занимался приобретением земель и обеспечивал контроль над соблюдением принципа использования исключительно «еврейского труда». В 1921 г. для финансирования колонизации Палестины был создан Учредительный Фонд (УФ). Он занимался расселением эмигрантов и обеспечением их средствами к существованию. Дотации получали те поселенцы, которые соблюдали принципы «еврейского труда» [5]. В период с 1921 г. по 1939 г. в фонд поступило более 7,3 млн палестинских фунтов, включая средства из США в размере 3,4 млн палестинских фунтов [26, р. 339]. ЕНФ вложил в освоение палестинских земель с 1907 г. по 1936 г. 4,5 млн палестинских фунтов [25, р. 342].

Скупку земель ВСО юридически обеспечила английская администрация. В английском декрете от октября 1920 г. о переходе земель была разрешена свободная продажа и покупка земель. Площадь земли, приобретенной ишувом с 1920 г. по 1939 г., составила 770,2 тыс. дунамов [28, р. 82]. К концу британского мандата еврейской земли было 7,6% (207,5 га) [3, с. 36]. В 1927 г. в Палестине было 110 еврейских сельскохозяйственных поселений. К началу 1930-х гг. 60% земли, принадлежащей ЕНФ, не обрабатывалось и держалось на будущее [4, с. 51]. В общем, к 1930 г. еврейские организации скупили 1200 тыс. дунамов земли [1, с. 33].

С 1925 г. по 1943 г. количество еврейских поселений выросло с 536 до 2120, а к концу Второй мировой войны еврейский сектор составил 80% палестинской промышленности. Нарастал приток частных капиталов, позволивших еврейскому населению расширить контроль над палестинской экономикой. Это стало возможно благодаря непрерывному переводу денег из-за границы. В 1917–1945 гг. импорт капитала в Палестину составил 153,9 млн. ф. ст., из которых 29,9 % – вклады сионистской организации, остальное – частные вложения из Западной Европы и США. Только в 1937 г. инвестиции составили 11 млн. ф. ст. Число промышленных предприятий, принадлежавших еврейским предпринимателям, увеличилось в 3 раза [35, р. 15; 2, с. 106–107].

В 1920–1930-е гг. еврейская элита стала формировать в стране системы политических институтов – основу будущей политической инфраструктуры еврейского государства. В 1920 г. создан профсоюз Гистадрут (Всеобщая федерация

еврейских рабочих на земле Израиля), направленный на защиту прав рабочих. С октября 1920 г. действует Асефат Ханивхарим (Избранная Ассамблея) и его исполнительный орган Ваад Леуми (Национальный совет). Религиозные вопросы рассматривал совет раввинов [16, р. 21]. Указанные выборные органы решали жизненно важные вопросы ишува.

Мандатное управление палестинскими территориями Великобритании предусматривало функционирование организации-посредника по созданию еврейского очага – Еврейское Агентство, созданное в 1929 г. В него должны были войти представители сионистов и несионистов в равных пропорциях. Однако к 1937 г. эта организация фактически стала копией государственного британского аппарата, что создало прецедент двоевластия на данных территориях. Организация защищала интересы исключительно еврейской стороны [25, р. 336].

В 1920 г. В. Жаботинский создал еврейскую военную организацию в Палестине – «Хагане» («Оборона»), впоследствии ставшую костяком израильской армии. В 1935 г. от нее откололась военная группа под руководством А. Техоли – «Иргун Цвай Легумли» («Национальная военная организация»). Группа имела радикальную направленность и применяла методы террора. В 1940 г. из них выделялась радикальная группа – «Лохамет Херут Ифаэл» («Борцы за свободу Израиля»). Руководитель – А. Штерн, который считал, что необходимо бороться против британской администрации. В 1941 г. руководитель «борцов» был застрелен при попытке бегства во время ареста британскими властями [9, с. 186; 29, р. 23]. После создания Израиля большинство бойцов из этих групп вошло в регулярную армию и разведку.

С увеличением притока еврейских эмигрантов, арабы стали выражать озабоченность. После объявления английского мандата и увеличения еврейских поселенцев раздражение арабов стало выливаться в стихийные восстания, первоначально проходившие под религиозными лозунгами.

Массовое восстание 1 мая 1921 г. было подавлено британскими войсками. В ходе столкновений, а также в результате их нейтрализации войсками и полицией погибло 88 человек, было ранено 238 человек [26, р. 269–270], из них арабов убито 48 человек и ранено 75 человек [22, р. 116]. Поводом к арабскому восстанию в августе 1929 г. послужила антиарабская демонстрация в Иерусалиме у Стены Плача. Арабские протесты вылились в погромы еврейских предприятий и кибуцев, а британская администрация заняла позицию невмешательства в массовые волнения, выжидая момент ослабления противоборствующих сторон для реализации быстрого подавления при использовании минимума ресурсов. Однако арабо-еврейские столкновения в августе–сентябре 1929 г. стремительно охватили всю Палестину. Британской администрации для подавления пришлось применять авиацию. В результате погибло евреев 133 человека и арабов 116 человек, ранено было соответственно 339 и 232 человека [2, с. 76–80].

Две английских комиссии, работавшие в конце 1929 – начале 1930 гг., установили широкомасштабную еврейскую экспансию, которая являлась источником напряженности на подмандатной территории. Комиссия под председательством У. Шоу отметила попытки сионистских органов присвоить себе

административное функциональное правление Палестиной. Вторая комиссия под руководством Дж. Симпсона рекомендовала запретить скупку сионистской организацией арабских земель и приостановить создание еврейских поселений [16, р. 46–47, 55]. Великобритания начала отход от исключительной поддержки и опоры на еврейскую общину.

В октябре 1930 г. британское правительство заявило о новой политике. Впервые в «Белой книге» отмечалось, что численность ишува не отвечает «экономической емкости страны». Были ограничены въездные квоты для еврейских эмигрантов. Но «Белая книга» не конкретизировала права арабов [2, с. 88–89]. Лондон потерял еврейскую поддержку, но не приобрел союзников в лице арабов.

В ходе трех арабских восстаний в 1933 г. арабы начали вооруженную борьбу против евреев и против английской колониальной администрации. 26 марта 1934 г. умер Муса Казим аль-Хусейни, председатель Арабского палестинского конгресса (АПК), – организации, которая играла лидирующую роль в консолидации арабского населения Палестины. После его смерти АПК прекратил свою деятельность, так как борьба между кланами Хусейни и Нашашиви не позволила избрать нового председателя конгресса [2, с. 113–114, 116].

Пытаясь разрядить обстановку, английское правительство в 1935 г. выдвинуло проект создания в Палестине Законодательного совета с пропорциональным представительством всех религиозных групп, проживавших на данных территориях. Совет должен был состоять из 28 членов, из которых 12 избирались, а остальные назначались мандатарием, при этом возглавлял этот орган не палестинец [15, р. 74].

В 1936 г. произошло самое масштабное восстание в Палестине. Началось оно со всеобщей забастовки, длившейся с 21 апреля 1936 г. 173 дня. Основным требованием протестующих было выполнение меморандума от 25 ноября 1935 г., который содержал официальный запрет еврейской иммиграции на палестинские территории, запрет продажи земель евреям, а также создание правительства с пропорциональным в нем участием арабов и евреев [18, р. 20; 35, р. 19].

Восстание сопровождалось бойкотом еврейских торговцев в городе, стычками еврейских и британских вооруженных формирований с отрядами палестинских арабов. Тем временем на предприятиях шла замена «арабского труда на еврейский». В период с 1936 г. по 1939 г. британской администрацией было принято 10 законов и поправок по ужесточению мер борьбы с протестующими [2, с. 129–131]. Арабское население формировало небольшие отряды, которые нападали на еврейские поселения, проводили теракты, нарушали сетевые коммуникации, взрывали нефтепроводы и полицейские участки. Нейтрализовать указанные группы было практически невозможно, поскольку действовали они на хорошо знакомой территории и при широкой поддержке местного арабского населения и полиции. Отряды пополнялись добровольцами из соседних стран. Все эти действия указывают о начале партизанской войны между палестинцами и евреями совместно с британской администрацией.

К сентябрю 1936 г. Великобритания создала «военный кулак» в 20 тыс. человек, направленный на подавление восстания. Лондон сделал ставку на сионистов и допускал высказывания о поддержке стремлений по созданию

еврейского государства с последующим включением его в империю [32, р. 734]. В октябре 1936 г. арабские выступления были подавлены.

В ноябре 1936 г. Великобританией была создана комиссия во главе с лордом У. Пилом, которая должна была расследовать причины арабского восстания в Палестине. Комиссия сделала вывод «о нежизнеспособности мандата в его существующей форме», опубликованный в июне 1937 г. Говорилось о значительных масштабах эмиграции и о превращении «очага» в «государство в государстве». Комиссия предложила разделить Палестину, «создав на ее территории арабское и еврейское государства, связанные с Великобританией договорными обязательствами, с отделением от Палестины зоны под английским контролем, включавшей Иерусалим, Бейт-Лохли (Вифлеем) и коридор до порта Яффа и Хайфу», а также святые места. Для еврейского государства предусматривались территории с приблизительно равным по количеству арабо-еврейским населением между Газой и Рамлой, часть Галилеи и земли южнее оси Иерусалим-Яффа. Оставшаяся арабская часть отходила к Трансиордании [17, р. 18, 27–35; 16, р. 160–164]. Выводы комиссии позднее стали одним из аргументов идеи создания Объединенного арабского королевства [11, с. 212–213].

В августе 1937 г. в Цюрихе проходил XX конгресс ВСО, который одобрил идею Лондона о разделе Палестины. Конгресс высказался за переговоры с английским правительством о максимальном расширении границ еврейского государства. ВСО поставил вопрос о создании независимого еврейского государства. Арабы негативно восприняли предложение Великобритании о разделе Палестины, их ответом стало мощное партизанское движение по всей стране. Англичане вынуждены были отказаться от своего плана. Весной 1938 г. начала работу новая британская комиссия под руководством Дж. Вудхеда. На основании отчета, предоставленного данной комиссией, правительство Великобритании пришло к выводу об отмене раздела Палестины по причине больших экономических затрат [2, с. 142–144].

Совет Лиги Наций 18 сентября 1937 г., рассмотрев проблему британского мандата на палестинские территории, предложил Великобритании выработать поэтапный план раздела Палестины и вынести его обсуждение на площадку Лиги Наций [35, р. 24].

Эпизодические столкновения арабских и еврейских отрядов проходили до 1939 г. и приобрели форму карательных акций против мирного населения. Ужесточение мер британской администрации по борьбе с восставшими (было задействовано 80 тыс. человек), позволили ликвидировать восстание [2, с. 152].

Вторая мировая война изменила расстановку политических сил на международной арене. Ослабили позиции Великобритании, которая не могла сдерживать американскую экспансию на Ближний Восток. До войны США проводили политику невмешательства и отклонения решения сложных ситуаций, сопровождавшихся политическими обязательствами.

С 1916 г. на территории США действовал Американский еврейский комитет, а в 1943 г. появилась Ассоциация американской еврейской прессы, с помощью которых еврейские круги с начала 1930-х гг. требовали от правительства большего

американского присутствия в палестинских делах. В стране организовывались шумные кампании, прокатились петиции протеста против бездействия Америки в отношении Палестины. Однако в июне 1941 г. Вашингтон закрыл границу для еврейских беженцев. Такая позиция диктовалась соображениями сдерживания арабского мира от союзных отношений с Германией в условиях войны. В мае 1942 г. представители международных сионистских организаций на конференции в Нью-Йорке, выработали Билтморскую программу, основным пунктом которой было требование неограниченной эмиграции евреев в Палестину и создание еврейского государства со всеми атрибутами власти [2, с. 169–170]. Эти события свидетельствуют о переориентации сионистской элиты в поисках протектората на США, что было обусловлено поддержкой многочисленной еврейской общиной, наличием свободного капитала и возможностью влиять на политику администрации американского президента и правительства.

Попытки сионистских лидеров вести переговоры с Ф. Рузвельтом по совместному лоббированию неограниченной иммиграции евреев в Палестину проходили в 1942 г. и 1944 г., но американский президент взял паузу. В ноябре 1944 г. должны были состояться выборы президента США, и сионисты воспользовались этим в торгах между партиями за голоса (в их активе было 86 выборщиков из 266). Республиканцы давали гарантию поддержки создания еврейского государства, что поставило Ф. Рузвельта в политический тупик. 15 октября 1944 г. он в письме к сионистским организациям обозначил свою позицию по поддержке еврейского «национального очага» и заверил, что, в случае победы на выборах, будет отстаивать этот курс [33, р. 312–319].

Основными причинами смены политического курса Вашингтона по проблеме еврейского населения послужило: укрепление позиций на Ближнем Востоке и в Северной Африке посредством увеличения военного присутствия, расширение доли нефтяной монополии в эксплуатации арабских нефтяных месторождений, поддержка крупным еврейским финансово-промышленным капиталом предвыборной компании президента США Ф. Рузвельта.

С приходом к власти Г. Трумэна позиция американской администрации меняется в просионистскую сторону. В августе 1945 г. Конгресс США принял декларацию, в которой обозначил следующее: поддержка иммиграции евреев в Палестину, скорейшее создание еврейского государства на палестинской территории, неправомерность политики Великобритании на подмандатных территориях без консультаций с США и Лигой Наций [16, р. 135]. Вашингтон предлагал отправить 100 тыс. еврейских эмигрантов на «землю обетованную». Лондон отверг эту идею, сославшись на «неподходящую обстановку в Палестине» [2, с. 177–178].

Смежный англо-американский комитет по расследованию был создан в ноябре 1945 г., он занялся изучением политических вопросов во всей их совокупности, включая еврейские вопросы в Европе и еврейскую эмиграцию из неевропейских стран. В апреле 1946 г. комитет составил план рекомендаций, в том числе о допуске 100 тыс. еврейских эмигрантов и об отмене ограничений на продажу земельных участков [5]. При этом он рекомендовал сохранение мандата.

В 1944 г. начались процессы консолидации арабского мира по решению палестинской проблемы. Создан комитет, деятельность которого направлена на выработку положений будущего объединения – Лиги арабских государств (ЛАГ). Предварительно, в октябре 1944 г., была принята резолюция, направленная на признание Палестины как части арабского мира. Резолюция также содержала запрет продажи палестинских земель евреям. 22 марта 1945 г. Лига арабских государств начала функционировать, а в протоколе о создании организации официально прописывалось признание Палестины как арабского государства с постоянным международным представительством в лице Мусы Алами [33, р. 342].

После Второй мировой войны ситуация в Палестине обострилась. Происходили террористические акции в городах, в селах активизировались арабские и еврейские боевики. В июне 1946 г. еврейские террористы под управлением М. Бегима устроили взрыв в отеле «Кинг Дэвид», являвшемся штабом английских войск в Палестине. Погибло 65 человек, ранено 100 человек. Арабы взорвали торговый центр в Иерусалиме. Ответственность за произошедшее взял на себя Исламский штаб сопротивления. Меры английской полиции не были эффективны. В 1947 г. британцы полностью утратили контроль над Палестиной. Лондонская администрация в Иерусалиме эвакуировала более 2 тыс. сотрудников, а оставшиеся должны были находиться в «зонах безопасности» [33, р. 522; 35, р. 32]. Британская администрация прекратила иммиграцию еврейского населения в Палестину до прекращения массовых волнений и террористических актов.

В сентябре 1946 г. в Лондоне представителями палестинских арабов, арабских стран и деятелей сионистских организаций, был предложен план Моррисона–Грэди, предусматривавший создание в Палестине провинций, две из которых – Иерусалим и Негев – под британским правлением, а две – арабские и еврейские, получали видимую автономию. Британия получила право управлять страной, а назначенным автономиям было предоставлено самоуправление [30, р. 43]. План был отвергнут обоими сторонами конфликта.

В течение 1946 г. британская сторона понесла потери в 73 человека убитыми и 93 человека ранеными, а местные жители, находившиеся на службе у мандатария, – погибшими более 300 человек. При этом виновные не были найдены [34, с. 233].

В начале 1947 г. англичане выдвинули участникам лондонской конференции «новые» предложения: сохранение британского контроля над Палестиной на переходный период (2–3 года), в ходе которого определялось будущее страны, на равных условиях для арабов и евреев [30, р. 63]. Великобритания в феврале 1947 г. на переговорах с палестинскими арабами, представителями независимых арабских стран и Еврейским Агентством представила «план Бевина» о пятилетнем «подготовительном периоде к независимой единой Палестине» [3, с. 196]. Такая позиция устраивала арабскую сторону, но не сионистов.

Великобритания, оказавшись не в состоянии управлять подмандатной территорией, обратилась в ООН 14 февраля 1947 г. с просьбой рассмотреть вопрос о дальнейшей судьбе Палестины. У. Черчилль еще в январе 1944 г. выступал за отказ от британского бремени над палестинскими территориями, вследствие расхождения мнений с США по еврейскому вопросу [34, р. 132].

Обсуждение этого вопроса началось на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в мае–апреле 1947 г. В июне 1947 г. в Палестину была направлена специальная комиссия из 11 членов, в работу которой включились еврейские лидеры, представитель от ЛАГ. Палестинские арабы отказались от сотрудничества. На комиссию оказал влияние факт депортации 4500 еврейских эмигрантов на судне «Хаганы», «Эксокус–47», прибывшем из Германии [30, р. 5; 2, с. 204–206].

31 августа 1947 г., члены комиссии в Женеве предоставили свой отчет по Палестине. 8 из 11 членов рекомендовали раздел страны на 2 государства – арабское и еврейское, а также интернационализацию Иерусалимского анклава. Меньшинство (представители Ирана, Индии и Югославии) предложили создать федеральное арабо-еврейское государство [30, р. 76–79]. Позиция Великобритании по докладу сводилась к поддержке обоих вариантов. Однако гарантии по их выполнению она нести отказалась и намеривалась в кратчайшие сроки вывести своих подданных из палестинских территорий. Представитель США высказался в пользу большинства, но гарантии выполнения предлагал возложить на британскую сторону. СССР заняли позицию строго выполнения Устава ООН и права каждого народа на самоопределение [30, р. 72–88].

Обсуждение продолжалось на следующей сессии Генеральной Ассамблеи ООН, проходившей в сентябре – декабре 1947 г. Еврейские лидеры призывали признать все выводы и рекомендации комиссии. Лидеры арабских стран отвергли предложение, заявив, что они против рекомендации ООН, и пригрозили войной, если вся Палестина не будет объявлена арабским государством. Представитель Великобритании в ООН заявил, что пока арабы и евреи не примут план раздела, Лондон не будет в нем участвовать. США и СССР поддержали рекомендации специальной комиссии ООН по разделу палестинской территории. Представитель СССР 3 ноября 1947 г. требовал отмены Британского мандата с 1 января 1948 г., эвакуации из Палестины английского оккупационного корпуса в течение 3–4 месяцев и прекращения иностранного вмешательства в дела региона [2, с. 209–218].

Позиция СССР была вызвана заинтересованностью в создании государства Израиль. В беседе с Б. Тито И. Сталин сказал, что «видит Израиль в качестве советской военной базы на Ближнем Востоке, как "острую пику британскому империализму", а потому разрешил массовый выезд советских евреев в Палестину и даже организовал подготовку военных кадров для израильской армии» [10, с. 26]. Это было связано с тем, что на момент провозглашения независимости во внешнеполитическом курсе Израиля не было четко проявленной прозападной ориентации [6, с. 157]. Позднее Советский Союз осознал ошибку в восприятии государства Израиль в качестве своего «верного» регионального союзника.

В результате 29 ноября 1947 г. на 128 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (в Лейк-Сити, Нью-Йорк) была принята резолюция № 181/II под названием «Будущее правительство Палестины», в котором предусматривались пути мирного решения палестинской проблемы. «За» резолюцию проголосовало 33 государства (включая СССР и США), «против» – 13 (все арабские страны), «воздержалось» – 10 (Великобритания и ее колонии) [36, р. 132–133].

Раздел резолюции, озаглавленный «План раздела Палестины на основе экономического союза», предусматривал: прекращение мандата Великобритании на Палестину «в возможно более короткий срок, но не позднее августа 1948 г.»; вывод к тому же сроку вооруженных сил мандатария; создание на территории Палестины «через 2 месяца после эвакуации вооруженных сил страны-мандатария, но ни в коем случае не позднее 1 октября 1948 г., двух независимых государств – арабского и еврейского»; в отношении Иерусалима предусматривалось выделение его в обособленную административную единицу, пользующуюся специальным режимом, «осуществляемым от имени ООН»; административную власть в Иерусалиме предполагалось возложить на Совет по опеке ООН [12, с. 5].

Согласно резолюции № 181/II, еврейскому государству отводилось 14,1 тыс. кв. км, то есть 56% всей территории Палестины, где проживало 499 тыс. евреев и 509,7 тыс. арабов. Арабскому государству выделили 11,1 тыс. кв. км или 43% территории с населением 745 тыс. арабов и 9,5 тыс. евреев. В зоне Иерусалима оставалось 177 кв. км и население в количестве 105,5 тыс. арабов и 99,9 тыс. евреев [13, с. 106]. В Тель-Авиве решение приняли с восторгом, а арабы начали готовиться к войне, которая позднее привела к переходу 90% [7, с. 47] палестинских территорий в еврейскую собственность.

Таким образом, созданию государства Израиль предшествовала длительная системная борьба еврейского населения за право проживания на территории Палестины. Она выразилась в массовой эмиграции евреев, которая стимулировалась как внутринациональными факторами, так и внешним воздействием. К внутренним процессам относилось стремление еврейских общин по всему миру создать собственное государство на «земле обетованной», что было выражено в выработке общей как политической, так и экономической позиции в решении данного вопроса. Внешнее воздействие измеряется в сложившейся напряженной обстановке в международных отношениях в начале XX в., что связано с мировыми войнами и трансформацией геополитических лидеров, стремившихся использовать еврейский вопрос в своих интересах. Кульминацией этого противостояния стало создание государства Израиль, которое явилось катализатором обострения арабо-еврейского конфликта.

Список использованных источников и литературы

1. Абузиам М. Феллахско-бедуинское восстание в Палестине // Новый Восток. – М., 1930. – Кн. 28. – С. 32–45.
Abuziam M. Fellahsko-beduinskoe vosstanie v Palestine // Novyj Vostok. – М., 1930. – Кн. 28. – С. 32–45.
2. Щевелев С. С., Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А. История Палестины (1897–2009 гг.). – Киев: ДОЛЯ, 2011. – 512 с.
Shchevelev S. S., Batenko A. V., Bliznyakov R. A., Malyshev D. A. Istoriya Palestiny (1897–2009 gg.). – Kiev: DOLYA, 2011. – 512 s.
3. Голубев В. М. Израильский вызов Африке. – М.: Наука, 1986. – 150 с.
Golubev V. M. Izrail'skij vyzov Afrike. – М.: Nauka, 1986. – 150 s.
4. Государство Израиль: справочник. – М.: Наука, 1976. – 276 с.
Gosudarstvo Izrail': spravochnik. – М.: Nauka, 1976. – 276 s.

5. Организация Объединенных Наций. Вопрос о Палестине. Истоки и история проблемы Палестины: Часть I. (1917–1947 годы) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/unispal/ru/origins-and-evolution-of-the-palestine-problem/part-i-1917-1947/> (дата обращения 28.01.2020)

Organizaciya Ob"edinennyh Nacij. Vopros o Palestine. Istoki i istoriya problemy Palestiny: Chast' I. (1917–1947 gody) [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.un.org/unispal/ru/origins-and-evolution-of-the-palestine-problem/part-i-1917-1947/> (data obrashcheniya 28.01.2020)

6. Крыжко Л. А. Трансформация внешнеполитического курса Египта в начале 1950-х гг. и проблема египетско-израильских взаимоотношений // *Международные отношения*. – 2017. – № 1. – С. 155–163.

Kryzhko L. A. Transformaciya vneshnepolicheskogo kursa Egipta v nachale 1950-h gg. i problema egipetsko-izrail'skih vzaimootnoshenij // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2017. – № 1. – С. 155–163.

7. Крыжко Л. А. Позиция Египта в решении вопроса палестинских беженцев в конце 1950-х - начале 1960-х гг. // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки*. – 2017. – Т. 3(69), № 3. – С. 47–57.

Kryzhko L. A. Poziciya Egipta v reshenii voprosa palestinskih bezhencev v konce 1950-h – nachale 1960-h gg. // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. – 2017. – Т. 3(69), № 3. – С. 47–57.

8. Меир Г. *Моя жизнь*. – Чимкент: Аурика, 1997. – 560 с.

Meir G. *Moya zhizn'*. – Chimkent: Aurika, 1997. – 560 s.

9. Недава И. *Владимир Жаботинский: веки жизни*. – Ростов-на-Дону, 1998. – 288 с.

Nedava I. *Vladimir Zhabotinskij: vekhi zhizni*. – Rostov-na-Donu, 1998. – 288 s.

10. Степанов А. *Какой мир готовит Вашингтон* // *Новое время*. – 1984. – N 7. – С. 26–27.

Stepanov A. *Kakoj mir gotovit Vashington* // *Novoe vremya*. – 1984. – N 7. – С. 26–27.

11. Щевелев С. С., Крыжко Е. В. Планы короля Иордании Хусейна и палестинского движения сопротивления по решению палестинской проблемы в 1970–1972 годах // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2017. – № 3-1(77). – С. 212–216.

Shhevelev S. S., Kryzhko E. V. Plany korolja Iordanii Husejna i palestinskogo dvizhenija soprotivlenija po resheniju palestinskoj problemy v 1970–1972 godah // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. – 2017. – № 3-1(77). – С. 212–216.

12. Щевелев С. С., Крыжко Л. А. Египетско-иорданский фактор палестинского движения сопротивления (50-е–60-е гг. XX в.). М.: СОНАТ, 2018. – 246 с.

Shhevelev S. S., Kryzhko L. A. Egipetsko-iordanskij faktor palestinskogo dvizhenija soprotivlenija (50-e – 60-e gg. XX v.). – М.: SONAT, 2018. – 246 s.

13. Щевелев С. С., Крыжко Л. А. Образование государства Израиль и активизация арабо-израильского противостояния // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки*. – 2019. – Т. 5(71), № 4. – С. 105–116.

Shchevelev S.S., Kryzhko L.A. Obrazovanie gosudarstva Izrail' i aktivizaciya arabo-izrail'skogo protivostoyaniya // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. – 2019. – Т. 5(71), № 4. – С. 105–116.

14. Friedman I. *The Question of Palestine 1914–1918*. British-Jewish-Arab Relations. – L., 1973. – 458 p.

15. *Great Britain and Palestine 1915–1936*. – L., N.-Y.: Oxford University Press, 1937. – 111 p.

16. *Great Britain and Palestine. 1915–1945. Information Papers No. 20*. – L., N.-Y.: Royal Institute of International Affairs, 1946; L.: Chatham House, 1946. – 177 p.

17. *Great Britain. Colonial Office. Palestine Royal Commission. Summary of Report*. – L.: His Majesty's Stationery Office, 1937. – 42 p.

18. *Great Britain. Colonial Office. Report His Britannic Majesty's Government to the Council of the League of Nations on the Administration of Palestine and Trans-Jordan for the Year 1936*. Colonial No. 129. – L.: His Majesty's Stationery Office, 1937. – 413 p.

19. Haymson A. *Palestine Under the Mandate 1920–1948*. – L., 1950. – 210 p.

20. Kedourie E. *In the Anglo-Arab Labyrinth. The Mc. Mahon-Hussayn Correspondence and its Interpretations 1914–1939*. – Cambridge, 1976. – 370 p.

21. League of Nations. The Mandate System. Origin-Principles-Application. – Geneva: Series of League of Nations Publications, April 1945. – 120 p.
22. Marlowe J. Rebellion in Palestine. – L., 1946. – 279 p.
23. Morris B. The Birth of the Palestinian Refugee Problem 1947–1949. – Cambridge, 1987. – 400 p.
24. Mossek M. Palestine Immigration Policy Under sir Herbert Samuel: British, Zionist and Arab Attitudes. – L., 1978. – 180 p.
25. Palestine. A Study of Jewish, Arab and British Policies. Vol. I. – New Haven, 1947. – 593 p.
26. Palestine. A Study of Jewish, Arab and British Policies. Vol. II. – New Haven; L., 1947. – 1300 p.
27. Palestine. Termination of the Mandate 15th May, 1948. Statement Prepared for Public Information by the Colonial Office and Foreign Office. – L.: His Majesty's Stationery Office, 1948. – 41 p.
28. Porath Y. Palestinian Arab National Movement. From Riots to Rebellion. Vol. 2, 1929–1939. – L., 1978. – 414 p.
29. Quigley J. Palestine and Israel. Challenge to Justice. – Durham, L., 1990. – 337 p.
30. Report to the General Assembly by the United Nations Special Committee on Palestine. Geneva 31 st August 1947. – L.: His Majesty's Stationery Office, 1947. – 98 p.
31. Stein K. W. The Land Question in Palestine 1917–1939. – Chapel Hill; L., 1957. – 314 p.
32. Survey of International Affairs for 1936. – L.: Oxford Univ. Press, Milford, 1937. – 1006 p.
33. Survey of International Affairs for 1939–1946. – L.: Oxford Univ. Press, Milford, 1953. – 588 p.
34. Survey of International Affairs. The Middle East 1945–1950. – L.: Oxford Univ. Press, Milford, 1954. – 338 p.
35. The Political History of Palestine under British Administration (Memoranda by His Majesty's Government Presented in July, 1947 to the United Nations Special Committee on Palestine). – Jerusalem, 1947. – 41 p.
36. United Nations. Official Records of the Second Session of the General Assambly. Resolution 16 September – 29 November 1947. – 181/II/ Future Government of Palestine. – New York, 1948. – P. 131–150.

Shchevelev S. S., Kryzhko E. V. The Problem of Relocation by the Jewish Population to Palestine in the first half of the XX century and the Creation of the State of Israel

The article explores the problem of the emigration of the Jewish population to the Palestinian territories and the process of the formation of the state of Israel. Chronologically, the main phase of this process covers the period from August 29–31, 1897 to November 29, 1947, that is, from the moment the World Zionist Organization was created until the UN General Assembly adopted resolution No 181/ I «The Future Government of Palestine». The indicated period is characterized by the intensification of the emigration of the Jewish population to the territory of Palestine. The characteristic of factors contributing to this process is presented, restrictive measures of individual states are identified to designate the control of a quantitative indicator of migrants' penetration into the Arab environment. The role of the World Zionist Organization and the Jewish National Fund on supporting and stimulating the mass resettlement of Jews in Palestine is determined. The authors focus on the British policy in the Middle East, which included the official recognition of the right of the Jewish population to live in Palestine, enshrined in the Balfour Declaration, as well as further support for this provision during the mandatory management of territories. Formally, the mandate did not infringe on the rights of the Palestinian Arab population, but in reality did not in any way enshrine them, only verbally guaranteeing the observance of an equal approach to the interests of both the Arab and Jewish populations. A tendency is noted that since the beginning of the 1930s there is an intensification in Palestine of Arab uprisings, which have acquired an armed anti-Zionist and anti-colonial character. Great importance is given to the perception of the decision on Palestine by Great Britain, as well as to the Arab and Jewish visions of the further development of events in the region. The lack of resources in London to resolve the issue of the Arab-Jewish confrontation leads to the inclusion of the United States and the USSR in the negotiation process. Thus, the creation of the state of Israel was preceded by a long systemic struggle of the Jewish population for the right to reside in Palestine, which was expressed in mass emigration, which was stimulated by both internal factors and external influences.

Keywords: Palestine, Great Britain, Israel, USSR, USA, Arab-Jewish conflict.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бондарева
Вера
Викторовна** директор Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея (г. Тихвин Ленинградской обл., Российская Федерация).
- Бонч-Осмоловская
Ольга
Андреевна** младший научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН; ассистент кафедры китаеведения, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Бебешко
Елена
Владимировна** кандидат политических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Жервэ
Нина
Наумовна** специалист по учету коллекций Музея истории Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Кирчанов
Максим
Валерьевич** доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Российская Федерация).
- Коскова
Анна
Сергеевна** аспирант кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Крыжко
Евгений
Владимирович** кандидат политических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Макаревич
Олег
Леонтьевич** первый заместитель начальника Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация).

- Непомнящий Андрей Анатольевич** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Первошиков Дмитрий Викторович** младший научный сотрудник Отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Российская Федерация).
- Платонова Надежда Игоревна** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Савицкий Иван Владимирович** кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск, Российская Федерация).
- Сартакова Анна Владимировна** аспирант направление подготовки 24.00.03 «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов» Восточно-Сибирского государственного института культуры» (г. Улан-Удэ, Российская Федерация).
- Титова Алла Александровна** ученый секретарь Информационно-краеведческого центра «Нагорное Обонежье», (г. Тихвин, Ленинградской обл., Российская Федерация).
- Шипилин Павел Игоревич** магистрант исторического факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Щевелев Сергей Стефанович** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Бешешко Е. В., Шипилин П. И.

Дипломатия перемирия: вопрос завершения Советско-финской
и начала Лапландской войны. 3

Бонч-Осмоловская О. А.

Конфуцианский комментарий в эпоху Хань 17

Кирчанов М. В.

Противоречия модернизации и секуляризации в Литве
во второй половине 1930-х годов..... 37

Коскова А. С.

Особенности взгляда Антонио Грамши на постреволюционную эпоху
в советской России и вопрос об окончательном разрыве
Грамши с коммунистической идеологией..... 43

Макаревич О. Л.

К вопросу об организационном строительстве центрального
мобилизационного органа Красной армии в годы
гражданской войны в России (1918–1922) 57

Непомнящий А. А.

Николай Мурзакевич и становление научного
исторического крымоведения: биоисториографический этюд. 69

Первошкиков Д. В.

Малоизвестные страницы из истории участия воинов из Удмуртии
в движении Сопrotивления в 1943–1945 гг. 92

Платонова Н. И., Бондарева В. В., Жэрве Н. Н., Титова А. А.

К 125-лeтнему юбилею В. И. Равдоникаса.
Путь в науку. ч. 1: Тихвинские истоки 100

Савицкий И. В.	
Крымское общество накануне русской весны: новое исследование о развитии русского движения в Крыму.....	128
Сартакова А. В.	
Становление и развитие музейных институций особо охраняемых природных территорий Иркутской области.....	137
Щевелев С. С., Крыжко Е. В.	
Проблема заселения Палестины еврейским населением в первой половине XX в. и образования государства Израиль.....	143
Сведения об авторах	157